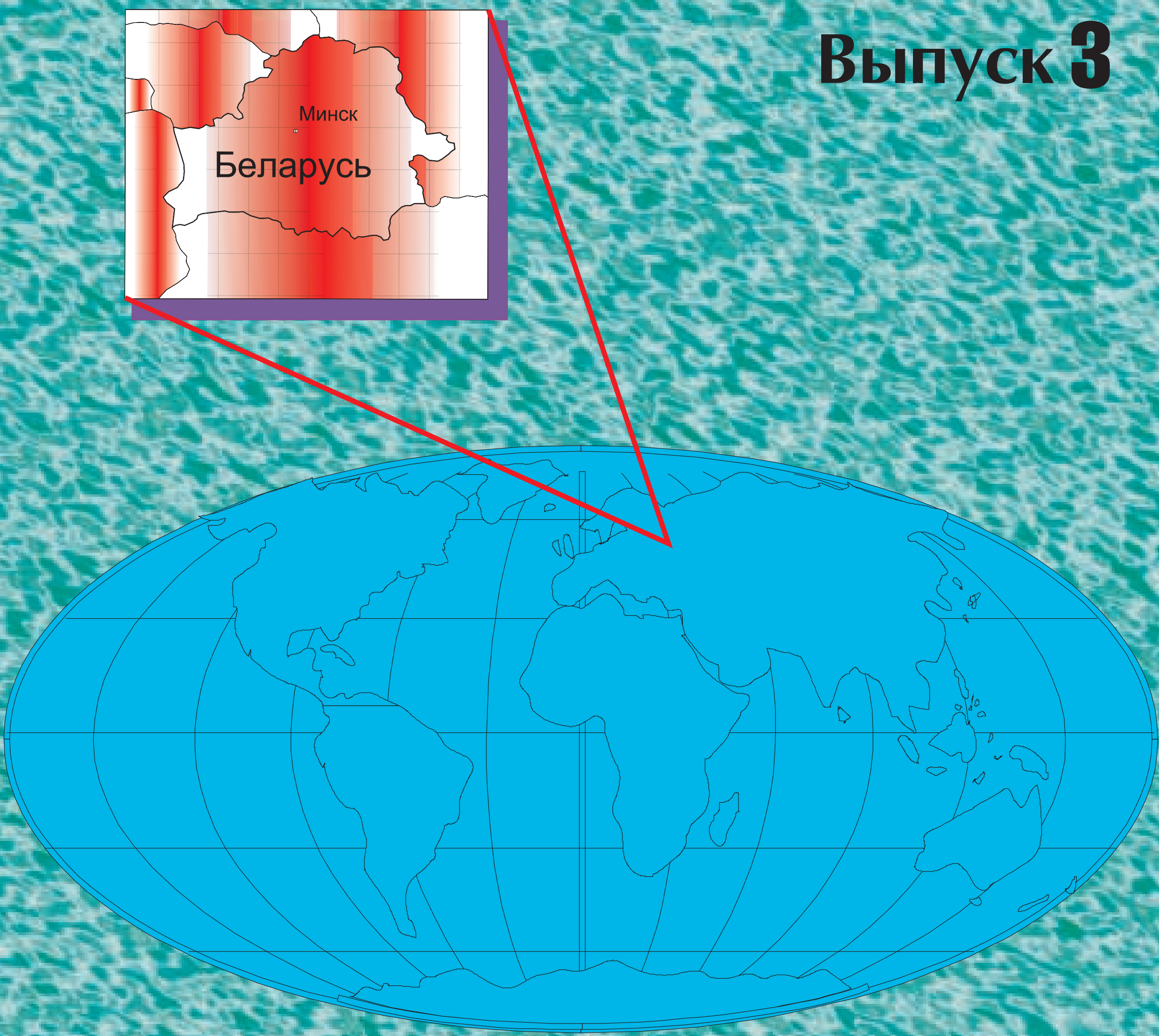
ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Выпуск 3

Минск, 1998.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

ПОЛ И ПРАВО

Ни в одном обществе женщины не обладают
теми же возможностями, что и мужчины.
Доклад о развитии человека за 1995 год,
Программа развития ООН, Нью-Йорк, 1995.

Человечество никогда не жило в мире, который был бы безразличен к полу, и борьба за социальное равенство заключалась, среди прочего, в том, чтобы возможности человека как можно менее определялись полом. Был период, когда казалось, что этого можно достичь, законодательно закрепив за женщинами и мужчинами равные права на образование, участие в политической жизни, на равную оплату за равный труд и так далее. Когда же в середине XX века этот эгалитарный шаблон был достигнут, оказалось, что он оставляет место для фактического неравенства во всех сферах жизни. В частности, в мире 70% людей, живущих в условиях абсолютной нищеты, составляют женщины; на них приходится непропорционально малая доля кредитов, выдаваемых банковскими учреждениями; зарплата женщин в среднем составляет три четверти от зарплаты мужчин; женщины составляют большинство безработных и занимают только 10% мест в парламентах и 6% должностей в кабинетах министров[1]. В Беларуси, например, женщины составляли 81,4% безработных в 1992 г. и 63,8% в 1996 г.[2] Приведенная статистика свидетельствует, что социальное неравенство по полу существует, что оно структурно воспроизводится, и что право в его нынешнем виде не может корректировать этот процесс, гарантируя мужчинам и женщинам равные возможности.

Для того чтобы предусмотреть законодательную реакцию на фактическое неравенство, необходимо знать, каким образом право отражает комплекс социальных отношений между мужчинами и женщинами или социальную конструкцию пола, обозначаемую термином **гендер**. Настоящий выпуск журнала и посвящен этой проблематике. Подобное определение темы звучит неожиданно, а для некоторых читателей провокационно: гендерные исследования, рассматривающие отношения полов с точки зрения их иерархии и открывающие эту иерархию (т.е. неравенство) во всех социальных явлениях и теориях, в том числе в праве, еще не устоялись в нашем научном дискурсе. При подготовке выпуска было чрезвычайно сложно найти специалистов-правоведов, знакомых с этой концептуальной областью в контексте современной социологии права. Это неудивительно: наше издание представляет собой первую в Беларуси тематическую научную публикацию по гендерным вопросам в сфере права.

При составлении выпуска мы руководствовались следующими соображениями: во-первых, показать настолько широко, насколько это возможно в пределах ограниченного объема, проблематику, находящуюся на пересечении областей “гендер и право”, охватив как чисто исторические (раздел 1), так и общеконцептуальные вопросы (раздел 2). Во-вторых, представить проблемы, специфически связанные с реальностью посткоммунизма, одним из главных результатов которого западные политологи и социологи считают драматические изменения в отношениях полов, приводящие к вытеснению женщин из общественной сферы. И, в-третьих, опубликовать некоторые признанные мировым сообществом юридические акты, касающиеся защиты женских прав как прав человека. Во введении будут намечены несколько самых общих моментов, концептуально значимых для понимания того, как выстраиваются политические и правовые отношения с государством мужчин и женщин, обусловливающие их права и обязанности. В западной литературе[3] для обозначения этих отношений используются термины “мужское гражданство” (male citizenship) и “женское гражданство”(female citizenship), так как есть законы, которые касаются только одного пола (например, отпуск по беременности и родам, воинская повинность), а законы, касающиеся обоих полов, фактически могут применяться по-разному, однако у нас термин “гражданство” в подобном значении не употребляется.

* * *

Государство представляет собой не просто систему функций, но и систему идей о том, как должны быть организованы общество и семья (а также, каким образом должно контролироваться воспроизводство). Политическая и правовая либеральная теория, послужившая основой для современной демократии, считает, как и марксизм, сердцевиной общества экономику. Мир возможностей существует для тех, кто участвует в производстве и процессах обмена, и таким образом исторически европейская модель общества ориентировалась на мужчину.

Основатель либерализма Д. Локк утверждал, что только мужчины являются участниками общественного договора, а Руссо — что женщины от природы не способны быть гражданами. Основным критерием гражданства признавалась “независимость” субъекта[4], а свойства и качества, необходимые для вхождения в эту категорию, такие как имущественные права, права наследования, политические, образовательные и др., являлись качествами мужчины, будучи даны ему в виде прав. Отношения женщины с государством осуществлялись через мужчину (мужа), который как наемный работник получал вознаграждение за труд. Женщина обладала средствами существования как иждивенка мужчины при том, что работа мужчины в производственной сфере является результатом не индивидуальных, а совместных усилий: никакая деятельность невозможна без обеспечения быта, так как дом — это “отель, прачечная, ресторан и детский сад одновременно”[5]. Естественно, концепция зарплаты должна была предусматривать возможность содержания семьи одним работающим, а законодательство в сфере социального обеспечения строилось на том, что женщины осуществляют свой социальный вклад бесплатно, “частным образом”, оставаясь, таким образом, “неполными” гражданами.

При социализме отношения женщины с государством осуществлялись на основе ее обязательного участия в общественном производстве, что являлось условием получения привилегий, в основном связанных с материнством. Новая концепция зарплаты уже означала вознаграждение отдельному работнику, а источником социальных льгот для женщин, без чего биологическое воспроизводство общества было бы невозможно, стало государство. В своей наиболее выраженной форме такая система привела к тому, что по одну сторону оказались женщины, дети и государство, по другую — мужчины: “Если эмансипацией называется положение, при котором женщины не могут рассчитывать на мужчин в воспитании детей и материальной поддержке, то советские женщины эмансипированы, хотят они этого или нет, более, чем какие-либо другие”[6]. Эта горькая ирония относится не к “плохим” мужчинам, а к тому, каким образом государство выстраивает отношения между полами.

Обе модели отношений с государством означают зависимость женщины: в одном случае от мужчины, в другом от государства. Во всем мире основные клиенты службы социальной помощи, получатели пособий и т.п. — это женщины. Они становятся клиентами социальной службы потому, что бедны, а бедны потому, что не могут найти хорошую работу. Известно, что если цена товара поднимается, его труднее продать. Чрезвычайно высокая цена женщин как работниц (учитывая привилегии, которые оплачивает работодатель) девальвировала их на рынке труда. Формально законодательство провозглашает равноправие, но практически применяется большое количество актов, оставляющих возможности для дискриминации в продвижении по службе, приеме на работу и т.п. Непрямая дискриминация вообще не присутствует в качестве концепции в трудовом праве большинства стран, однако она реально существует, обычно в виде протекционистского по отношению к женщинам законодательства. Ярким примером является более низкий для женщин возраст выхода на пенсию. Это приводит к уменьшению получаемого женщиной дохода в 2-3 раза. Скрываемая за заботой о здоровье реальная причина вытеснения женщин активного профессионального возраста с рынка труда заключается в том, что, с одной стороны, таким образом осуществляется освобождение рабочих мест для нового поколения. С другой — предполагается, что “молодые бабушки” необходимы для присмотра за внуками, чтобы оба родителя могли работать, так как пособия, которые платит государство по уходу за ребенком, малы, а зарплаты одного работающего для содержания семьи не хватает.

Наиболее реально для женщин получить работу в государственном секторе, где соблюдается закон о равноправии, но именно там наиболее низкие зарплаты. Это явление называется

феминизацией низкооплачиваемых профессиональных групп. Например, в Беларуси в 1994 г. доля женщин среди работников бухгалтерского учета превышала долю мужчин в 30, а в 1995г. в 60 раз (при этом в банках, где зарплаты намного выше, соотношение мужчин и женщин иное); среди медицинского персонала женщин больше, чем мужчин в 10 раз, а среди педагогических работников в 5 (вопрос о соотношении между социальной значимостью этого труда и его оплатой здесь не рассматривается). В те же отрасли государственного сектора, где зарплаты наиболее высоки, доступ для женщин затруднен: например, в Беларуси женщин не принимают в школы милиции и в Академию МВД; в течение многих лет для них были закрыты факультеты международных отношений и переводчиков. Сейчас формальные ограничения сняты, однако реальные еще остаются. В результате через пять лет студенты факультетов международных отношений, а это в основном мужчины, могут стать сотрудниками Министерства иностранных дел, а студенты других факультетов, в большинстве своем женщины, школьными учителями. Произойдет профессиональная сегрегация по признаку пола, построенная на концепции работы женщин в общественной сфере как продолжении ее домашних обязанностей, при этом женщины попадают в низкооплачиваемые сферы.

Юристы полагают, что право может стать инструментом в борьбе с бедностью определенных социальных групп, например, женщин, если сделать его гендерно чувствительным, что является непростой логической задачей. В публикуемой в сборнике статье судьи из Германии Н. Кольнерик “От Каланке до Маршалла” рассказывается, на примере ставшего в Европе хрестоматийным дела Каланке, о введении в трудовое право “позитивного действия” (иногда это неточно называют квотами) и связанных с ним споров о равноправии. В Скандинавских странах основное внимание законодателей обращается на выполнение родительских обязанностей. Там, как и во многих странах мира привилегии (отпуска, пособия) были переведены из материнских в родительские (отцы тоже должны получить шанс!), но тем не менее положение почти не изменилось. Датский Совет по равному статусу (между женщинами и мужчинами) проанализировал в буклете “Отцы в отпуске по уходу за ребенком” результаты одноименной пропагандистской кампании. Согласно выводам, есть три причины, по которым отцы избегают брать отпуск по уходу за новорожденными: экономическое положение семьи (зарплата отцов в среднем выше), негибкость существующей системы отпусков и отрицательное отношение коллег и администрации. Среди предложений, как сделать отпуск более привлекательным для мужчин, есть такое: ввести четырехнедельный оплаченный отпуск для отцов (т.е. отпуск оплачивается только в том случае, если его берет отец). В Швеции был предложен (и принят) такой вариант: годовой оплаченный отпуск может взять любой из родителей; но только в том случае, если его возьмут мать и отец по очереди, им будет выплачена наивысшая компенсация. Изменилась и концепция отпуска: если ранее он предназначался для охраны здоровья матерей после родов, то теперь его смысл в предоставлении юридических прав на родительский уход. Предполагается, что в результате таких законодательных мер женщины перестанут быть дорогими и неудобными работниками, и у работодателей исчезнет причина отказывать им в приеме на работу.

Сделав таким образом все, что возможно, равным, мы тем не менее должны признать, что есть биологические факторы (связанные с беременностью, кормлением грудью, восстановительным периодом после родов), что опять же ухудшает шансы женщин на рынке труда. В таком случае, если государство заинтересовано в появлении новых поколений, его задача создать стимулы для работодателей принимать на работу беременных женщин или инвалидов. Та цена, которую платит таким образом работодатель, должна быть не только компенсирована, но и принести некоторый “интерес”. Этого можно добиться изменением налоговых стимулов в сфере социального страхования.

Во всем мире, и в Беларуси в том числе, растет количество семей, в которых только один родитель, обычно это мать. Согласно американской статистике, более половины таких детей живут в бедности, так как доходы женщин ниже доходов мужчин. Бедность, которая отражается на следующем поколении, не может быть безразлична государству, и попытки бороться с ней осуществляются через реформирование системы социального обеспечения. В США, в штатах Миссури и Висконсин, проводится следующий эксперимент по стимулированию отцов к выплате алиментов: те из них, кто начинает посещать курсы профессиональной переподготовки и “родительства”, освобождаются от алиментов, которые в это время платит за

них государство. Предполагается, что люди с низкими доходами, получив новые профессии, смогут найти такую работу, которая позволит им платить алименты, а психологические курсы изменят эмоциональное отношение к детям. Согласно первым результатам, выплата алиментов действительно улучшилась.

Если статус человека зависит от его/ее возможности зарабатывать деньги, то следует признать, что вклад женщин серьезно недооценивается. Статистика ООН свидетельствует, что из общего объема рабочего времени мужчин в промышленно развитых странах две трети используются на оплачиваемую деятельность и одна треть — на неоплачиваемую (работа по дому, благотворительная деятельность). Женщины находятся в прямо противоположном положении[7]. Перевод в денежное выражение их труда, не ориентированного на рынок (т.е. признание женщин равноценными кормильцами), потребует изменения законодательства об имуществе, наследовании, разводах и условиях получения кредитов. Обычно кредиты даются под залог собственности, но у женщин ее нет (по данным ООН, женщины владеют 4% собственности в мире), поэтому может понадобиться разработка механизмов предоставления кредита под залог “предприимчивости”.

В конце XX века мир стал, по выражению экономистов, глобальной “финансовой деревней”. В ней движутся потоки товаров, услуг и людей, и профессиональная сегрегация, когда один пол выполняет одни виды работ, а другой другие, начинает действовать уже в мировом масштабе. “Утечка мозгов” из стран Восточной Европы, в основном, означает утечку мужских мозгов. Все большее вовлечение в общественное производство женщин в промышленно развитых странах при недостатке государственных услуг приводит к тому, что эти женщины нанимают женщин из других — более бедных — стран для помощи по дому. Если мужчины, эмигрируя в поисках работы, продают свою квалификацию, то женщины вынуждены соглашаться на обслуживающий труд: другого им не предлагают. Эта деятельность обычно никак не фиксируется, не признается государством, социально не защищена и вообще как бы не существует, но тем не менее без нее мировая экономика была бы совсем другой. Вне сферы внимания законодателей остается “миграционная политика, рассчитанная на граждан мужчин, в то время как большинство беженцев и вынужденных переселенцев — женщины с детьми”[8].

Может ли право бросить вызов тем социальным и экономическим условиям, которые создают и закрепляют бедность, может ли оно, учитывая перспективу пола, влиять на те стратегии, которые человечество вырабатывает для решения глобальных проблем? Например, условия получения кредитов помощи, которые предоставляют Всемирный банк и Международный валютный фонд (в Беларуси — Международная финансовая корпорация) странам с переходной экономикой, характеризуются антисоциальной направленностью: они предполагают замораживание роста заработной платы и снижение расходов на социальные программы, что в первую очередь отражается на женщинах. Отсутствие компенсаторных механизмов будет означать, что невозможность участия женщин в этих программах и, следовательно, дальнейшую феминизацию бедности.

Еще одной проблемой, которая связана с полом и не получила в нашей стране правового регулирования, является организация пространства, особенно городского. Оно ориентировано на “человека вообще” и не учитывает людей с особыми качествами, например, инвалидов на колясках или родителей с колясками, которые не могут пользоваться городским транспортом или общественными учреждениями из-за отсутствия лифтов, съездов, подъемников и т.п. В США это рассматривается как дискриминация и существует закон, по которому общественные здания и транспорт должны быть оборудованы в расчете на людей со специфическими потребностями: в противном случае они не будут обладать равными возможностями. В Библиотеке Конгресса предусмотрены специальные места, где можно сменить младенцу подгузник или покормить его, так как считается, что если обществом на женщину возложена социальная роль матери, должны быть приняты специальные меры, обеспечивающие ее реальные равные права, например, право пользоваться общественными библиотеками. У нас такого закона нет, а в подземных переходах расстояние между полозьями съезда не совпадает с расстоянием между колесами коляски. Об этом знают все женщины, но не знают законодатели, очевидно, потому, что не обладают соответствующим социальным опытом. Этот частный пример логически связан с обоснованием необходимости приблизительно пропорционального представительства различ-

ных социальных групп в законодательных органах. Проблеме женского политического участия посвящена публикуемая в сборнике статья Е.В. Мельниковой.

Во введении невозможно рассмотреть или даже просто указать все те сферы, где категория гендера связана с законодательством или его реализацией: идея состояла в том, чтобы показать, что борьба за права женщин, вопреки популярному мнению, не означает требование особых, дополнительных льгот для них. В гендерных исследованиях уже сложилось концептуальное понимание того, что цель состоит в достижении гендерной (и расовой, и возрастной) чувствительности. Очевидно, человечеству предстоит написать право так, чтобы оно обеспечивало всем людям равные права, учитывая существующую между ними разницу. Эта задача, безусловно, принадлежит будущему, потому что она потребует переосмысления всей окружающей культурной и социальной реальности.

Е.И. Гапова,
ответственный редактор выпуска,
кандидат филологических наук.

---

[1] Доклад о развитии человека за 1995 год. Программа развития ООН. Нью-Йорк, 1995. С.4
[2] Источник: Министерство статистики и анализа Беларуси.
[3] Pateman, Carol. The Patriarchal Welfare State // Defining Women: Social Institutions and Gender Divisions (Linda McDowell and Rosemary Pringle, eds.). Polity Press, 1992.
[4] Там же. С.6.
[5] Collins, Randal. Sociological Insight: an Introduction to Nonobvious Sociology// N.Y., Oxford University Press, 1982. P.138.
[6] Lissyutkina, Larissa. Soviet Women at the Crossroads of Perestroika // Gender Politics and Postcommunism. Routledge, 1993. P.280.
[7] Доклад о развитии человека. С.6.
[8] Кочкина Е.В. Льготы, квоты и гарантии по признаку пола.// Диалог российских и американских женщин. 1997, n 3. С. 32.

E. Gapova

INTRODUCTION: LAW AND GENDER

Summary

Introduction focuses on the issues of female/male citizenship, welfare and feminization of poverty. The problem of working out global gender sensitive legislation is also introduced as a goal for the future.

РАЗДЕЛ I. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПОЛА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Э.К. Борис

ОТ ВЕЩИ К ЛИЧНОСТИ: ПРИЗНАНИЕ СОГЛАСИЯ ЖЕНЩИНЫ НА БРАК В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

БОРИС Энн Клифт — магистр истории (Гарвардский университет), доктор истории (специализация – история средних веков) (Католический университет Америки).
В 1995-1998 гг. преподавала историю Европы в Европейском гуманитарном университете в Минске в рамках Проекта по гражданскому образованию.

С юридической точки зрения брак в древности не имел практически ничего общего с современным браком, в особенности для женщины. В семейном праве древних средиземноморских государств (еврейском, греческом, римском), оказавшем сильное влияние на законы современной Европы, брак фактически был контрактом, по которому женщина передавалась отцом мужу и его семье для производства потомства, необходимого для передачи собственности от одного поколения к другому. Для того, чтобы брак считался действительным, согласие женщины большого значения не имело. Современный же брак — это контракт между взрослыми мужчиной и женщиной по их обоюдному согласию. В данной статье рассматривается история этого кардинального изменения, произошедшего в Европе в период между появлением Иисуса Христа и началом XIII века. Несмотря на то, что это слишком далеко от наших дней, сложившаяся в древности практика брака оказывает влияние и на современные представления: место женщины — в доме, а не в обществе; важно более значительное ограничение сексуальной свободы женщин; вполне естественно или социально необходимо превосходство мужчин над женщинами. Я начну с очень краткого обзора древнего семейного права и практики, затем остановлюсь на изменениях, произошедших в период раннего христианства, рассмотрю влияние безбрачия на повышение роли женщин в распоряжении своей судьбой и, наконец, опишу постепенные преобразования в законах о браке, приведшие к более знакомой нам картине.

Существование в обществе полового неравенства иногда пытаются оправдать тем, что оно восходит к Библии, связывая его, таким образом, с истоками европейской культуры. Я не согласна с таким объяснением. Половое неравенство зародилось в дохристианский период, и, безусловно, не ограничивается европейской культурой. Ни в одном из древних обществ равенства не существовало. Превосходство одной этнической группы над другой, свободных людей над рабами, мужчин над женщинами считалось естественным. Как мы увидим, самые ранние христианские учения выступали за духовное равенство всех людей, и особенно отрицали неравенство применения законов, регулирующих половые отношения. Глубоко укоренившиеся представления о неравенстве женщин в традиционных европейских культурах продолжали оказывать влияние на христианские писания и практику. Тем не менее, с течением времени христианское учение стало все больше уделять внимания примерному равенству мужчин и женщин, особенно в сфере законов о браке.

2000 лет назад брак был совершенно другим институтом. Еврейское, греческое и римское брачные законодательства, безусловно, отличались друг от друга, в частности, по-разному ими трактовался развод. Например, еврейское законодательство позволяло мужчинам разводиться практически без причин, в то время как женщина могла развестись только в том случае, если ее муж был импотентом. Классическое римское право допускало развод по обоюдному согласию или даже односторонний развод, однако опекунство над детьми и их собственностью

получал отец. В законах всех стран Средиземноморья брак трактовался как имущественное соглашение, контракт между родителями жениха и невесты, заключаемый с целью рождения наследников. По этому контракту дочь покидала семью своего отца и становилась частью семьи ее мужа. Изнасилование незамужней свободной девушки считалось нанесением урона правам ее отца, а измена замужней женщины (добровольная или насильная) — правам мужа[1]. По законам Древнего Рима как юноши, так и девушки вступали в брак по воле их отцов. При жизни отца ни юноши, ни девушки не могли вступить в законный брак без его согласия; однако если взрослый мужчина мог вступить в брак по своему усмотрению, то женщина продолжала подчиняться воле других родственников. Римское право предусматривало опекунство над женщинами на протяжении всей их жизни, но к IV в. н. э. женщина, отец и муж которой умерли, по достижении 25-летнего возраста обретала самостоятельность[2].

В отличие от еврейских и греческих законов, римское право формально требовало согласия на брак как жениха и невесты, так и их отцов или опекунов[3]. Тем не менее, по кодексу Юстиниана (32.1.14), формальное согласие могли давать уже семилетние, именно в этом возрасте допускалось законное обручение, сам же брак разрешался с двенадцатилетнего возраста[4]. Более того, по римскому праву отец мог вынудить ребенка дать согласие на брак, и брак при этом считался законным[5]. Если речь шла о дочери, закон шел еще дальше: отец мог даже добиться расторжения счастливого брака[6]. В акте вступления в брак женщина была пассивным объектом, а не активным действующим лицом, субъектом.

Так как в древнем Средиземноморье девушка приходила в семью мужа, чтобы принести ему наследников, семейное право в основном защищало наследство детей. Поэтому единственными причинами для развода, признаваемыми различными (и часто изменявшимися) законодательными системами древности, были импотенция, бесплодие и женская неверность (но не неверность мужчин)[7]. Женщина всегда знала, кто отец ее детей, мужчина же до появления генетических тестов мог быть уверен в своем отцовстве только тогда, если его жена не имела других сексуальных партнеров. Поэтому у мужчин мотивация к ограничению половой активности женщин была сильнее, нежели у женщин по отношению к мужчинам.

Для того, чтобы мужчины могли получить такую же уверенность в отцовстве, какую имели от природы женщины, постепенно сформировались мощные общественные и юридические институты по контролю за сексуальностью и поведением женщин. Закон требовал, чтобы женщины вели половую жизнь только со своими мужьями, у мужчин же ограничений в этом смысле почти не было. Допускалось, что они могут легко вступать в половые отношения с рабынями, проститутками, прислугой в питейных заведениях, с актрисами, чья половая жизнь законом не ограничивалась и не защищалась даже в случае изнасилования. Мужчины из высших слоев общества могли также брать в сожительницы женщин низкого происхождения, хотя сожительницы обладали некоторыми правами. Прямыми же наследниками собственности были только дети свободных женщин, состоящих в законном браке, которые таким образом в определенной мере защищались законом, однако подвергались большему количеству социальных ограничений. В целом общественные нормы, ограничивавшие жизнь женщин домом, были тем строже, чем о большей собственности шла речь. В восточном Средиземноморье, если позволяло финансовое положение семьи, от женщины требовали, чтобы она сидела дома, а муж вел дела в обществе. Женщины относились к сфере частного, мужчины — общественного[8]. Это отношение отражается в 315 Уложении императора Константина, гласящем, что мужья должны представлять жен в суде, “если только женщины, в решимости вести тяжбу, не поторопятся отбросить бездумно скромность замужней дамы и не будут вынуждены принять участие в судебных заседаниях мужчин”[9].

Жизнь и учение Христа поставили под сомнение многие традиционные представления о половом неравенстве. Хотя женщины “личные”, частные, а не “общественные”, у Христа было несколько последовательниц-женщин, которые путешествовали вместе с ним (Лука, 8:2-3, 23:55). Он настаивал, что женщины имели право сидеть и учиться у него, как и ученики-мужчины, даже если у них была работа по дому (Лука,10:38-41). Иисуса жестоко критиковали за общение с женщинами сомнительной репутации (Лука, 7:31-50): он объявил себя мессией женщине, у которой было пять мужей, после чего она имела внебрачные отношения (Иоанн,4:7-42).

Иисус выступал против неравного применения норм полового поведения к мужчинам и женщинам. Когда к нему подвели женщину, застигнутую при совершении прелюбодеяния, для того, чтобы, по еврейским законам, закидать ее камнями, он сказал державшим ее мужчинам: "Кто из вас без греха, первым брось в нее камень" (Иоанн, 8:3-11). Так же относился он к двойным стандартам при разводе. Еврейские законы позволяли мужчинам разводиться по целому ряду причин, но женщинам инициировать развод не разрешалось[10]. Интерпретируя Книгу Бытия 1:27, Иисус рассуждает о том, что мужчина покинул отца своего и мать и был соединен с женой своей, и стали они одной плотью, и поэтому ни мужчина, ни женщина не имеют права на развод или повторный брак. В Евангелии от Матфея делается исключение только для случаев измен (Матфей,19:1-9, Марк,10:1-12). Интерпретация Иисусом Книги Бытия поражает еще сильнее, если учесть, что речь идет о временах, когда и по закону, и на практике покидала семью и присоединялась к мужу женщина, а не наоборот. Иисус описывал брак не как присоединение женщины к семье ее мужа, а как нерушимое создание семьи Господом. Признавая, что Моисей дозволял мужчинам по "жестокосердию" их разводиться со своими женами, Иисус доказывал, что человек не должен разъединять того, что соединил Господь.

Апостол Павел также полагал, что как мужчины, так и женщины должны ограничивать свою половую жизнь браком. Вопреки общепринятому мнению, он считал, что одинокий мужчина не должен пользоваться услугами проститутки, и что "совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею". Христиане — мужчины и женщины — должны хранить целомудрие (Первое послание к Коринфянам, 6:13-27)и не искать развода (там же, 7:10-11,27). С неверующим или неверным супругом развод дозволялся, однако пока был жив предыдущий супруг, вторично вступать в брак не разрешалось (Первое послание к Коринфянам.,7:12-16,39-40). Помимо того, что Павел накладывает одинаковый запрет на внебрачные связи мужчин и женщин, он провозглашает более равноправные сексуальные отношения в браке, говоря, что так же как мужчина имеет право на тело своей жены, жена имеет право на тело своего мужа. Ни один из супругов не мог отказать второму в близости, если на то не было обоюдного согласия, и то на ограниченный период времени (Первое послание к Коринфянам, 7:3-5).

Принято считать, что апостол Павел не проповедовал равенства в браке. Послания к Ефесянам и к Колоссянам предписывают женам повиноваться мужьям своим, как Господу (Послание к Ефесянам,5:22-24, Послание к Колоссянам, 3:18), а рабам — повиноваться хозяевам своим "во плоти", как Христу (Послание к Ефесянам,6:5-8, Послание к Колоссянам, 3:22-25). Объясняется это существовавшим подходом к отношениям власти-подчинения: ранние христиане ждали скорого конца света и не в их власти было изменить существующий общественный строй. Вместо этого христиане должны были подчиняться светским законам, если они не противоречили христианскому учению, а эти законы включали те, которые давали отцам абсолютную власть над детьми, мужьям — абсолютную власть над женами, рабовладельцам — над их рабами.

Тем не менее, писания повелевают рабовладельцам, отцам и мужьям обращаться с теми, кто им подчинен, так, как они хотели бы, чтобы обращались с ними самими (Послание к Ефесянам,5:25-33, 6:4,9; Послание к Колоссянам, 3:19.,21,4:1), поскольку все христиане должны повиноваться "друг другу в страхе божьем" (Послание к Ефесянам,5:21). В отличие от принятых культурных норм, учения раннего христианства не считали, что необходимость подчиняться власть имущим предполагает неполноценность тех, у кого меньше власти. Павел говорит Галатам (Послание к Галатам,3:28): "Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе". Другими словами, неважны все деления, по которым традиционно неравно распределялась власть: деления по расам, по классу, по полу. Именно эта мысль о духовном равенстве всех людей, независимо от расы, класса, пола, лежит в основе равенства перед законом, краеугольном камне современной демократии. Но именно эта идея показалась бы смехотворной Платону и Аристотелю.

Вопреки тому, что идеи христианства кардинальным образом меняли традиционные отношения власти, в жизни перемены происходили крайне медленно. В древнем мире и в начале Средневековья секс, брак и развод относились к области гражданского права, регулирующей имущественные отношения, а не к религиозной этике. Хотя церковное руководство призывало к строгому соблюдению норм полового поведения как мужчинами, так и женщи-

нами, христианское учение не отразилось в гражданских законах о половых отношениях, браке и разводе даже после официального принятия Римской империей христианства. Правовые уложения Феодосия и Юстиниана, так же как и утвердившиеся в обществе нормы, продолжали ограничивать женскую сексуальную жизнь в большей степени, нежели мужскую. Отцы продолжали решать, с кем вступать в брак их детям, а брак-побег был запрещен. По-прежнему ожидалось, что девушки должны хранить невинность, чтобы иметь возможность вступить в брак; к юношам такое требование не предъявлялось. Развестись было легко. Мужчина получал развод, если его жена совершила прелюбодеяние, но иск женщины о разводе с неверным мужем порой считался необоснованным, если только муж не пытался поселить любовницу и ее детей в своем доме, угрожая таким образом имущественным правам жены и ее детей. Брак по-прежнему был преимущественно контрактом между семьями, регулирующим процесс передачи собственности следующему поколению[11].

В средние века принятие христианства “варварами”, как называли народы, никогда не входившие в римскую империю, еще больше осложнило ситуацию. Хотя законы большинства северных племен давали женщинам больше прав по управлению своей собственностью, чем это было в Средиземноморье, подход к браку у них был еще менее равноправный. Большинство племен не ограничивали мужчин одной женой, многие признавали брак через похищение, т.е. заключенный не только без согласия самой женщины, но и ее родителей. Нередко мужчины отрекались от жен или брали сожительниц, руководствуясь, в первую очередь, желанием иметь наследника мужского пола или целью укрепления политических связей. За неверность карались только жены, но не мужья[12].

Церковь в средние века пыталась ограничивать многоженство, близкородственные союзы и разводы за исключением случаев инцеста. Церемония брака практически заключалась в том, что невесту доставляли к супружескому ложу, что сопровождалось празднествами, от присутствия на которых священникам было рекомендовано воздерживаться. Узы брака еще не считались таинством[13].

Лишь спустя несколько веков после принятия этими племенами христианства оно смогло существенно изменить законы о браке. На Западе только в XII в. церковь смогла сделать самой важной предпосылкой законного брака свободное обоюдное согласие мужчины и женщины, а не контракт между родителями или половые сношения. Как же происходили эта перемены? Поскольку для изменения законов о браке принятия христианства оказалось недостаточно, то как же произошло, что взаимное согласие брачующихся стало решающим для европейских законов, регулирующих брак? Как ни странно, сначала согласие женщины приобрело юридическую значимость в случаях, когда она решала НЕ вступать в данный брак. Первое реальное изменение, привнесенное христианством в социальное и юридическое положение женщин, имело свои истоки в христианском подходе к безбрачию.

Давайте вернемся к эпохе зарождения церкви. Когда Иисус распространил запрет развода на мужчин, его шокированные ученики воскликнули: “Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться” (Матфей, 19;10). Иисус шокировал их еще больше, сказав, что безбрачие — законный выбор человека, хотя “не все вмещают слово сие”, некоторые “есть скопцы, которые сделали себя скопцами для Царства Небесного” (Матфей, 19:11-12). Павел, единственный, по его словам, неженатый апостол, (Первое Послание к Коринфянам,9:5), пошел еще дальше, доказывая, что хотя брак — это хорошо, безбрачие еще лучше, ибо оно позволяет женщинам и мужчинам посвятить все свои силы служению Царствию Господню, а не заботам о производстве наследников для своих мирских богатств (Первое Послание к Коринфянам,7).

Огромная популярность безбрачия у ранних христиан удивляла их современников-язычников. Поскольку единственным предназначением женщины считалось рождение и воспитание детей, отказ некоторых женщин от замужества был еще более революционным. Исконно в раннем христианстве важным было не то, что секс и деторождение —неизменное зло, а неизбежное ожидание конца света. В первые четыре века христианства как мужчины, так и женщины, избравшие безбрачие, писали об этом, как о выборе свободы — свободы от домашних забот о детях и собственности, свободы полностью посвятить себя грядущему Царствию Господню[14].

В 320 г. н. э. первый император-христианин Константин отменил юридическое наказание, налагавшееся императором Августом на мужчин и женщин, которые не вступали в брак[15]. Тем не менее состоятельные женщины, настаивающие на своем праве на безбрачие вопреки приказанию родителей вступить в первый или в повторный брак для сохранения приданого или другой собственности, должны были выдержать серьезные юридические бои. Их противники обращали внимание на то, что такие женщины стремятся использовать свою собственность для основания религиозных общин и помощи бедным, вместо того чтобы передавать ее своим детям или новым мужьям. Чтобы лишить верующих женщин возможности раздавать богатство семьи, были приняты новые законы[16]. Однако в 534 г. н.э. император Юстиниан запретил родителям лишать наследства сына или дочь, решивших посвятить себя религиозной жизни[17].

Женщины, основывавшие общества для давших обет безбрачия, получали возможность распоряжаться не только своим телом, но и управлять всем домом. Первые такие сообщества чаще всего основывались не невинными девушками, которых решали выдать замуж отцы, а вдовами или замужними женщинами, убедившими своих мужей отказаться от половой жизни. То, что такие сообщества были по сути своей домами, повышало авторитет женщин, принявших обет безбрачия, поскольку ведение дома, домашнее хозяйство считалось областью частного, а не общественного, и, следовательно, могло быть сферой влияния женщины[18].

С другой стороны, движение за безбрачие подрывало престиж женщин в более позднем христианском учении. Хотя некоторые из ранних христианских авторов защищали брак (например, Клемент Александрийский), другие, принявшие безбрачие, как Ориген и Тертулиан, не только описывали безбрачие как наиболее совершенную форму христианской жизни, но и резко выступали против половых отношений в браке. Мужчины, считавшие целибат наиболее совершенным образом жизни, находили следование ему тяжелым и переносили свои проблемы на женщину-соблазнительницу. Ориген и Тертулиан, а затем Джером и Августин Гиппотийский пересмотрели историю непослушания Адама и Евы в райском саду и представили ее как историю полового греха. Эта концепция была так сильна, что многие толкователи “забыли”, что Господь велел Адаму и Еве “плодиться и размножаться” (Книга Бытия ,1:28) *до* их непослушания и покарания (Книга Бытия ,3:1-24). Некоторые идеологи подпали под влияние стоиков, порицавших сексуальное наслаждение как потерю самоконтроля, другие находились под воздействием идей дуалистов и неоплатоников, которые говорили, что материальный мир есть зло и идентифицировали женщину с материей, а мужчину с духом. Поскольку мужчины были сильнее и (как они считали) духовно выше женщин, а вожделение было знаком слабости, то женщины должны были быть опасными тварями с ненасытным сексуальным аппетитом[19]. На протяжении как минимум тысячи лет после распада Римской империи считалось, что женщины обладают большими сексуальными потребностями, чем мужчины, в противоположность общепринятым современным взглядам[20].

Тем не менее, в том же раннем средневековье, когда женщин выдавали замуж против их воли, или даже против воли их семей, некоторые церковные деятели продолжали отстаивать права женщин на безбрачие. Это частично избавляло женщин от необходимости давать согласие на брак, поскольку они могли сбежать из дома в монастырь или к сочувствующему духовному лицу и стать “невестами Христовыми”, не приняв нежеланного брака[21].

Церковные реформы X-XI вв. вызвали изменения в законодательстве и практике брака на Западе. Одной из первоочередных задач реформаторов было отделить духовенство как духовно более высокий слой от мира, в частности, с помощью навязывания целибата. В произведениях некоторых реформаторов отражается их ненависть к сексуальности, и не случайно, что именно в этот период на Западе возрождается ересь дуалистов, считавших злом материальный мир и все, связанное с деторождением. Стремясь найти противопоставление аргументам еретиков против брака, не отказываясь при этом от своего неприятия секса, реформаторы начали подчеркивать большую значимость первичного сговора, помолвки по сравнению с сексуальным единением в бракосочетании. Это полностью противоречило обычаям раннего Средневековья, когда практически любое публичное празднование сексуального единения людей примерно одинакового социального положения считалось браком. В то же время епископы, ис-

пользовавшие церковный суд для прекращения церковного брака, распространяли свое влияние и на светские браки. Постепенно духовенство стало их благословлять, а в XII веке брак впервые определяется как таинство. Данное апостолом Павлом описание любви мужа к жене как знака (*sacramento*, лат.) любви Христа к церкви (Послание к Ефесянам,5:25-32) позволило рассматривать брак как святой, а следовательно, подвластный церковным законам[22].

Развитие теологии и канонического права как аналитических интеллектуальных дисциплин привело в XII веке утверждению принципа добровольного согласия как самого важного элемента брака, изменив законы таким образом, что отношение к мужчинам и женщинам стало более равным. В 1140 г. аналитический учебник по каноническому праву Грациана *Concordia discordantuim canonum*, ставший известным как *Decretum*, определил брак как союз, образующийся добровольным согласием не состоящих в браке и родстве мужчины и женщины, достигших брачного возраста, за которым следует осуществление брачных отношений. При соблюдении этих условий ни мужчина, ни женщина не могли уклоняться от половых отношений без согласия второго партнера. Не соглашаясь с социальными нормами своего времени, Грациан утверждал, что и мужчины, и женщины одинаково заслуживают наказания за прелюбодеяние[23].

Акцент в определении брака на половой союз смущал теологов молодого Парижского университета. Так, теолог Уго из собора Св.Виктора говорил, что поскольку Дева Мария осталась девственницей даже после рождения Христа, именно добровольное согласие мужа и жены образует брак даже без полового союза[24]. По *Sententiae* Питера Ломбарда, узы брака создаются только согласием, если это согласие выражено в настоящем времени; согласие, выраженное на будущее время, будет помолвкой, а не браком. Папа Александр III (1159-1181) и Папа Иннокентий III (1198-1216) как знатоки канонического права соглашались с различием между выражением согласия в настоящем времени и согласием на будущее, но считали, что как настоящее, так и будущее согласие, за которым последовало осуществление брачных отношений, являются действительным, законным браком. В юридических актах по отдельным случаям они последовательно отдавали предпочтение свободному согласию невесты и жениха, а не желанию их родителей. Впервые женщина могла вступать в брак вопреки желанию ее родственников. Вступив в брак, мужья и жены имели равные права на брачные половые отношения и одинаково ограниченные возможности развода[25].

Это, естественно, не означает, что после XII века в средневековой Западной Европе отсутствовало половое или классовое неравенство. В произведениях как духовенства, так и светских авторов-мужчин женщина оставалась по-прежнему духовно слабой и опасной. Наличие социального неравенства все еще оправдывалось волей Господа, вопреки четкому заявлению Павла о том, что для Христа расовые, классовые и половые различия не имели значения. Хотя гендерно-нейтральный подход церкви к нормам сексуального поведения сделал мужской промискуитет менее социально приемлемым в Западной Европе позднего Средневековья, на практике прегрешения женщин в этой сфере продолжали караться более строго, чем мужчин. Социальные нормы, как и раньше, ограничивали полномочия женщин домом, оставляя общественную деятельность за мужчинами. Наконец, светские законы, регулирующие такие вопросы собственности, как приданое и наследование, продолжали, в отличие от связанных с браком законов церкви, считать мужчин и женщин разными классами людей.

Тем не менее признание согласия женщины, как и согласия мужчины, необходимым для законного брака явилось решающим шагом на пути к юридическому равенству женщин и мужчин. Хотя древние представления о половом (гендерном) неравенстве продолжают оказывать влияние на современное европейское общество, внесенное христианством изменение понятия брака как имущественного контракта, где женщина являлась объектом, предметом, на понятие двустороннего союза, требующего согласия женщины как его субъекта, утвердилось в европейском законе и в реальной жизни.

Перевод Е.В. Коршук

[1] James Brundage, Law, Sex, and Christian Society (1987), 22-57; Gillian Clark, Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles (1993), 18; Diana C. Moses, “Livy’s Lucretia and the Validity of Coerced Consent in Roman Law,” in

Angeliki E. Laiou, ed. Consent and Coercion to Sex and Marriage in Ancient and Medievel Societies (1993).

[2] Clark, Women in Late Antiquity, 13-15.

[3] Justinian's Disest 23.2.2, discussed in Richard P. Saller, "The Social Dynamics of Consent to Marriage and Sexual Relations: The Evidence of Roman Comedy," 83-84; and Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 33-34, especially note 127.

[4] Clark, Women in Late Antiquity, 13; Saller, "Social Dynamics of Consent," 87.

[5] Moses, "Validity of Coerced Consent," 61-66.

[6] Moses, "Validity of Coerced Consent," 61 note 85; Saller, "Social Dynamics of Consent," 87-89.

[7] Clark, Women in Late Antiquity, 17-27.

[8] Clark, Women in Late Antiquity, 7-8, 28-38; Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 22-50.

[9] Codex Justinianus 2.12.21, cited in Clark, Women in Late Antiquity, 7.

[10] Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 53.

[11] Clark, Women in Late Antiquity, 20-27; Brundage, Law, Sex, and Christian Society,114-120.

[12] Suzanne Fonay Wemple, Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister 500 to 900 (1981), 31-50; Brundage, Law, Sex, and Christian Society,127-133, 143-149.

[13] Georges Duby, The Knight, the Lady and the Priest: The Making of Modern Marriage in Medieval France, translated by Barbara Bray (1981, translated 1983), 3-35; Wemple, Women in Frankish Society, 75-96; Brundage, Law, Sex, and Christian Society,135-149.

[14] Elaine Pagels, Adam, Eve, and the Serpent (1988), 3-31, 78-97; Peter Brown, The Body and the Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity (1988), 33-57.

[15] Codex Justinianus 8.16.1, cited in Clark, Women in Late Antiquity, 50-51

[16] Clark, Women in Late Antiquity,52-56; Pagels, Adam, Eve, and the Serpent, 87-89, 96-97.

[17] Codex Justinianus 1.3.54.5, in Clark, Women in Late Antiquity, 53.

[18] Pagels, Adam, Eve, and the Serpent, 87-89; see also Brown, The Body and the Society, 148-153.

[19] Pagels, Adam, Eve, and the Serpent, 63, 90-96; Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 62-67, 80-87.

[20] Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 350-351, 427, 548-549; Duby, The Knight, the Lady and the Priest, 46-47.

[21] Wemple, Women in Frankish Society, 150-158.

[22] Duby, The Knight, the Lady and the Priest, 107-120, 177-182; Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 179-191, 214-228.

[23] Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 229-248, 255.

[24] Duby, The Knight, the Lady and the Priest, 182-183.

[25] Brundage, Law, Sex, and Christian Society, 260-265, 331-339, 344-346, 358-380, 414.

A.C. Boris

FROM OBJECT TO SUBJECT: THE RISE OF WOMAN'S CONSENT TO MARRIAGE IN MEDIEVAL LAW

Summary

In Greek and Roman Law a marriage was a contract by which a father gave his daughter to her husband's family for the purpose of creating heirs to property. A woman's consent was not essential for a legally valid marriage in western and central Europe until the twelfth century. Woman's consent to marriage became legally essential as a result of Christian teaching on the spiritual equality of the sexes, the church's support of women's right to choose celibacy, and church reformers' elevation of consent over sexual union as the most essential element in marriage.

Г. Дзербіна

ПРАВАВЫ СТАН СЯМ'І, РЭГУЛЯВАННЕ ШЛЮБНА-СЯМЕЙНЫХ ДАЧЫНЕННЯЎ У БЕЛАРУСІ ЭПОХІ РЭНЕСАНСУ

ДЗЕРБІНА Галіна — кандыдат юрыдычных навук, спецыяліст па гісторыі дзяржавы і права Беларусі; дацэнт Беларускага недзяржаўнага інстытута правазнаўства.

У XVI ст. развіццё грамадства Беларусі — дасягнула новай ступені, якая адкрэсліла сярэдневечча і вядомая як эпоха Рэнесансу. Менавіта ў гэты час у нас былі створаны культурныя каштоўнасці сусветнага значэння, якія адлюстравалі ўзровень духоўнага і сацыяльна-эканамічнага жыцця грамадства. Асобная роля ў новым культурным асяроддзі належыла праву, якое выпрацавала дасканалае заканадаўства — Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг., выдатныя помнікі рэнесанснай юрыспрудэнцыі рамана-германскай прававой сям'і, напісаныя на сваёй дзяржаўнай мове. Вядомы польскі гісторык права Ю.Бардах назваў Статуты самымі выразнымі рэнесанснымі помнікамі еўрапейскага права. Права эпохі Рэнесансу шмат увагі надало сям'і як важнейшаму сацыяльнаму інстытуту, якому належыла вызначальнае месца ў развіцці грамадства і дзяржавы.

Роля і значэнне сям'і ў жыцці грамадства эпохі абмяркоўваліся філосафамі, тэолагамі, грамадскімі дзеячамі і палітыкамі паўсюдна ў Еўропе. Падставай гэтай зацікаўленасці было новае рацыянальнае асэнсаванне ролі чалавека і сям'і ў жыцці грамадства і дзяржавы. Ж.Бадэн у сваёй працы “Шэсць кніг пра рэспубліку” сцвярджаў, што сям'я ёсць сапраўдны падмурак узнікнення і развіцця дзяржавы, на якім трымаецца яе моц, паказаў залежнасць дэградацыі дзяржавы ад заняпаду сям'і. Беларускія гуманісты разглядалі праблемы шлюбу і сям'і ў рэчышчы агульных філасоўскіх тэндэнцый Рэнесансу.

Ф.Скарына ў сваіх каментарах да Бібліі шмат увагі аддаў праблемам шлюбу і становішча жанчыны ў грамадстве і сям'і. Змест шлюбу разглядаўся Ф.Скарынам як гарманічная форма рэгулявання дачыненняў паміж мужчынам і жанчынай, забеспячэнне мэтаў выхавання дзяцей, а не саступка грахоўнай сутнасці чалавека. Вядомыя філосафы, тэолагі, навукоўцы і грамадскія дзеячы А.Волан, М.Літвін, С.Будны, П.Раізій, А.Алізароўскі, П.Скарга ды інш. падкрэслівалі значнаць і неабходнасць трывалага шлюбу і сям'і дзеля стабільнасці дзяржавы.

На эканамічнае становішча беларускіх сем'яў у XVI ст. і іх склад значна паўплывала развіццё фальваркавай сістэмы гаспадарання, якая ўладкавалася ў дзяржаве на падставе аграрнай рэформы і актыўных рынкавых працэсаў, звязаных з экспартам збожжавых у Заходнюю Еўропу. Аграрна-эканамічная рэформа XVI ст., асноўным заканадаўчым актам якой была Устава на валокі 1557 г., спрыяла далейшай стратыфікацыі грамадства. Адпаведна рэформе на кожную сям'ю прызначалася прыкладна адна валока зямлі, з якой бралася “падымнае” — падатак з сялянскага двара — сям'і. Дзяржава, зацікаўленая ў павялічэнні колькасці суб'ектаў падаткаабкладання, актыўна рэгулявала вылучэнне індывідуальнай сям'і са складу сям'і складанай (некалькі пакаленняў). Так, напрыклад, паводле “Уставы валочнай памеры 1594 г. Магілёўскай воласці” на адміністрацыю эканаміі ўскладваўся абавязак спрыяць вылучэнню братоў з сям'і на індывідуальныя надзелы. У сувязі з гэтым у Беларусі пры канцы XVI ст. пераважным тыпам сям'і становіцца індывідуальная (муж, жонка, дзеці).

Аграрная рэформа выклікала стварэнне фальварачнага гаспадарання і запрыгоньвання сялянства, што паўплывала на шлюбна-сямейную інстытуцыю. Феадал меў неабмежаваную ўладу над прыгоннымі: асабістую, маёмасную і судовую. Усталяваўся абавязковы дазвол на шлюб з боку феадала, які нярэдка жаніў і скасоўваў шлюб падуладных яму людзей. Асобы, якія жаніліся, абкладаліся падаткам (вясельная куніца), прычым удовы ў большым памеры, чым дзяўчаты.

Згодна з прынцыпам — стан жонкі адпавядае стану мужа — свабодная жанчына магла стаць у выніку замужжа несвабоднай. Але калі шляхцянка па паходжанні выходзіла замуж за простага чалавека, то статус свой не траціла, а супраць яе ўжываліся санкцыі матэрыяльнага характару. Калі ж простая жанчына выходзіла замуж за шляхціца, то атрымлівала статус шляхцянкі.

Імкненне захаваць зямельныя ўладанні ў межах адной сям'і спрычыніліся да ўзнікнення ў асяроддзі феадалаў і заможных сялянаў шлюбаў паміж роднымі ў чацвёртай і шостай ступе-

нях (стрыечныя, траюрадныя), хоць царква забараняла ўступленне ў шлюб блізкіх. Такім чынам, матэрыяльныя інтэрэсы наўпрост уплывалі на шлюбна-сямейную інстытуцыю: чым багацейшая сям'я, тым больш значныя гэтыя інтэрэсы.

У XVI ст. у Беларусі адзначаны інтэнсіўны працэс росту гарадоў, вылучэнне часткі іх у самастойную станава-адміністрацыйную адзінку. З XIV ст. пачаўся працэс атрымання гарадамі самакіравання на магдэбургскім праве — Вільняй, Берасцем, Гародняй.

Крыніцы XV-XVI стст.сведчаць, што гарадское насельніцтва даволі інтэнсіўна папаўнялася сялянствам. Гарадская сям'я адрознівалася ад сялянскай перад усім тым, што яна ўзнікла і існавала на прафесійнай аснове. Дзейнасць жанчыны як у мяшчанскай сям'і, так і сялянскай распаўсюджвалася на вядзенне хатняй гаспадаркі і выкананне абавязкаў, звязаных з вытворчай дзейнасцю, таму што ўсе развітыя цэхавыя рамёствы грунтаваліся на сям'і. Права ўдавы на прадаўжэнне справы свайго мужа грунтавалася на норме аб супольнай маёмасці мужа і жонкі, якая была нажытая супольнай працай (Статут 1588, р.V, арт.21). Жанчыны маглі працаваць ва ўласных або чужых рамесніцкіх установах як самастойныя прадпрымальніцы або як найманыя работніцы, пра што сведчыць наяўнасць жаночых цэхавых рамёстваў.

У XVI ст. жаночая праца шырока ўжывалася ў вытворчасці, але заняць жанчын, якія не мелі сям'і, прафесійнай дзейнасцю было немагчыма.У гэты час адзначаецца значны рост жаночых кляштараў і прытулкаў. У кляштарах была магчымасць набыць адукацыю або займацца ткацтвам, кравецтвам, вышываннем, пляценнем, вязаннем, а Божыі дамы давалі магчымасць прытулку для бедных адзінокіх жанчын.

Праблемы становішча жанчын ў грамадстве і шлюбна-сямейнага жыцця прыцягвалі да сябе ўвагу палітыкаў, грамадскіх дзеячоў і навукоўцаў. Даследчыкі шлюбу і сям'і ў Вялікім княстве, перад усім А.Лявіцкі, зыходзячы з тэзы, што становішча жанчыны ў грамадстве, ацэнка грамадствам яе ролі адлюстроўваюць узровень развіцця грамадства, прыйшлі да высновы, што жанчыны ў нашай краіне ў XVI ст. былі вельмі дзейнымі супольнікамі грамадства, карысталіся шырокай свабодай і незалежнасцю магчымай у феадальным грамадстве і амаль не саступалі мужчыну ў паўніні сваіх цывільных правоў. А.Лявіцкі падкрэслівае, што жанчыны ў нашай дзяржаве не ведалі "манастырскага зняволення, горкай дамастроеўскай няволі і прыгнёту", якія выпалі на долю жанчын Масковіі. Наадварот, кансэрватары скардзіліся, што ў вышэйшым асяроддзі грамадства жонкі атрымалі прыкметную перавагу над мужамі з таго часу, як дзяржаўнае заканадаўства — Статут 1529 г. — забяспечыла іх маёмасныя правы. Жанчыны ў нашай краіне мелі права на атрыманне зямельнай уласнасці ў спадчыну, што забяспечывала роўнасць іх асабістых правоў з мужчынамі, за выняткам правоў палітычных і правоў па прадстаўніцтву. Актыўная роля жанчыны ў грамадстве на падставе традыцый і шырокіх маёмасных правоў выклікала заклапочанасць такіх грамадскіх дзеячоў, як М.Літвін, А.Валан ды інш., якія бачылі ў гэтым негатыўную тэндэнцыю, што супярэчыла інтэрэсам дзяржавы (калі лічыць, што інтарэсы дзяржавы есць інтарэсы мужчын гэтай дзяржавы): права жанчын на зямельную ўласнаць пагаршала вайсковую пазямельную службу, псавала маральнасць мужчын, якія шукалі шлюбу з багатымі спадчынніцамі, уплыў багатых землеўладальніц на палітычныя справы не спрыяў умацаванню цэнтральнай улады. Крыніцы сведчаць пра яскравыя ўзоры жаночай эмансіпацыі ў гэты час.

Актавыя матэрыялы перыяду Рэфармацыі згадваюць пра актыўных жанчын- пратэстанак. Соф'я Чартарыйская заклала ў сваім маёнтку друкарню, пераклала з грэцкай мовы на стараславянскую Эвангелле і апостальскія размовы. Вядомыя выключныя прыклады і вайсковай дзейнасці жанчын, якія арганізоўвалі наезды на суседзяў, асабіста камандуючы пяхотай і конніцай. Найбольш важным сведчаннем эмансіпацыі жанчын у гэты час з'яўляўся іх актыўны ўдзел у судовых працэсах, дзе жанчыны часта абаранялі свае інтэрэсы самастойна, без дапамогі адваката, таму што самі добра ведалі заканадаўства.

Відавочна, што прыклады жаночай эмансіпацыі не даюць падставаў казаць пра агульную роўнасць правоў жанчыны і мужчыны, бо не супадаюць з уяўленнямі феадальнага грамадства і прававой трактоўкай заканадаўствам. Абмежаванне правадзеяздольнасці жанчын найперш тычылася правоў палітычных, немагчымасці займаць дзяржаўныя пасады, удзельнічаць у працы шляхецкіх прадстаўнічых органаў і органах самакіравання. Сфера правоў маёмасных і

асабістых не прадугледжвала выразных абмежаванняў для жанчын, з выняткам інстытуцыі апекі, але ускосна адлюстроўвала іх падпарадкаваную ролю.

Апека над жанчынай існавала на падставе даўняй традыцыі, таму што з часоў патрыярхату праблемы права часта вырашаліся сілай. Да таго ж узрост паўналецця жанчын быў устаноўлены значна ніжэйшы, чым для мужчын (Статут 1588 г.- 13 год для жанчын і 18 для мужчын), што падкрэслівала прыярытэт адной функцыі для жанчыны ў грамадстве — функцыі дзетанараджэння. Часам жанчыны маглі валодаць усёй паўнінёй правоў і абавязкаў, але не ўсе, што і адлюстравала заканадаўства, якое давала права апекі над жанчынай і ў той жа час прадугледжвала магчымасць карыстання жанчынай самастойна усімі правамі (удовы), акрамя палітычных.

На працягу XVI ст. у нашай дзяржаве было створана самае сучаснае для свайго часу заканадаўства ў выніку кадыфікацыі і ўніфікацыі права. Каштоўнасць чалавека як асобы і адсюль ідэя роўнасці яго перад законам сталіся падмуркам, на якім атрымалі развіццё суб’ектыўныя правы асобы ў межах станаў, на гэтай ідэалагічнай хвалі зацвярджаюцца асабістыя і маёмасныя правы жанчын гэтых станаў.

Найбольш дэталёва распрацаваны ў Статутах інстытуцыі, якія датычаць сямейна-маёмасных дачыненняў. Маёмасныя дачыненні, якія вынікалі са шлюбна-сямейных стасункаў, у адрозніванні ад ўласнашлюбных, дзяржава заўсёды імкнулася пакінуць пад юрысдыкцыяй свецкай улады. Пра гэта сведчаць падрабязна распрацаваныя ў Статутах інстытуцыі спадкаемства, апекі, маёмаснага забеспячэння жанчыны (Статут 1529, р.1,арт.17; р.4, арт.1-4, 7-11; р.5, арт.10-11, 16; Статут 1566, р.6, арт.1-4.6; Р.5, арт.1-5,9,15,17; р.3, арт.9; Статут 1588, р.5, арт.5-7,8,11).

Рэгуляванне шлюбных дачыненняў, якія знаходзіліся па традыцыі пад юрысдыкцыяй царквы, часткова прадугледжвалася толькі трэцім Статутам — 1588 г. Свецкае заканадаўства замацоўвала агульныя прынцыпы сямейна-шлюбных дачыненняў: свабоду на шлюб для ўсіх станаў грамадства, крымінальную адказнасць за прымусовы шлюб, адлюстравала паслядоўнае развіццё асноўных маёмасных інстытуцый шлюбна-сямейнага права — пасагу, вена, спадкаемства, апекі. Асновы заканадаўства па рэгуляванню сямейна-маёмасных дачыненняў склаліся на падставе развіцця інстытуцый матэрыяльнага забеспячэння жанчыны: пасагу і вена. Шлюбна-сямейныя дачыненні рэгулаваліся трыма сістэмамі права: звычаёвым (у асноўным падрыхтоўка да шлюбу), кананічным (шлюбныя), свецкім (маёмасныя).

Падрыхтоўка да шлюбу мела некалькі этапаў і вызначалася сваім важным юрыдычным значэннем у жыцці сям’і. Для таго, каб пагадненне аб шлюбе было сапраўдным, неабходна было выкананне шэрагу абрадаў. Абрад “заручын” або “запоін” пачынаў падрыхтоўку да шлюбу. “Запоіны” падзяляліся на малыя і вялікія і пачыналіся звычаем “сугляд” — сватаннем, аглядам абодвума бакамі будучых мужа і жонкі ды іх блізкіх. Абрад “малыя запоіны” выконваўся пры атрыманні прынцыповай згоды бакоў і бацькоў нявесты. Скасаванне дамовы на гэтым этапе шлюбнага працэсу не мела ніякіх юрыдычных вынікаў. “Вялікія запоіны” ўяўлялі сабой абрад канчатковых змовін аб тэрмінах, умовах і парадку вяселля, прынцыповых пытаннях будучага сямейнага жыцця. Пад час такіх “змовін” у доме нявесты, дзе збіраліся бацькі і родныя жаніха, вызначалася маёмаснае забеспячэнне нявесты яе бацькамі, якое называлася “пасаг” або “выправа”, або “унясенне”, а таксама дамаўляліся аб гарантыях захавання маёмаснага забеспячэння нявесты з боку будучага мужа, што называлася “вена”. Калі жаніх і нявеста былі розных хрысціянскіх веравызнанняў, то пад час гэтага абраду дамаўляліся аб веравызнанні будучых дзяцей: па традыцыі дачка атрымлівала веравызнанне маці, а сын — бацькі. Вынікі “змовін” афармляліся пісьмовым пагадненнем паміж бакамі, падпісаным жаніхом і бацькам нявесты (або яе апекуном), якое называлася “змоўны ліст”. Гэтае пагадненне мела важнае юрыдычнае значэнне і прадугледжвала маёмасныя санкцыі у выпадку невыканання дамовы, зацверджанай “змоўным лістом”, у выглядзе выплаты “зарукі” (грашовага штрафу) і кампенсацыі шкоды пацярпеламу боку. Юрыдычная важнасць гэтага пагаднення выклікала неабходнасць афіцыйнага парадку яго афармлення. “Змоўны ліст” павінен быў пацвярджацца подпісамі і пячаткамі бакоў і сведак, а таксама часцей\ за ўсё ўносіўся ў актавыя кнігі судоў. Калі адзін з бакоў адмаўляўся ўзяць шлюб, то прымусіць выканаць дамову ў гэтай частцы яго ніхто не мог, толькі спагнаць матэрыяльныя страты і грашовы штраф. Наступным і апошнім этапам падрыхтоўкі да шлюбу былі “заручаны”, у часе

якіх адбывалася перадача пярсцёнкаў, што сімвалізавалі згоду бакоў і іх бацькоў на шлюб і пераход улады над нявестай да яе будучага мужа.

Наступным этапам шлюбнага працэсу было вянчанне, якое стала неабходным элементам законнага шлюбу з прыняццем хрысціянства. Але да сярэдзіны XVI ст. да царкоўнага вянчання ставіліся як да элементу падрыхтоўчага этапу шлюбу. Таму звычайна вянчанне здзейснялася задоўга да вяселля, адначасова са змовінамі і заручынамі. Канчатковым і асноўным этапам шлюбнага працэсу было ўласна "вяселле".

Шлюбныя дачыненні ў другой палове XVI ст. рэгуляваліся не столькі звычаёвым правам і свецкім заканадаўствам, але ў большай ступені кананічным (царкоўным) правам.

Здаўна на землях сучаснай Беларусі хрысціянства існавала ў двух абрадах: заходнім і ўсходнім. Паколькі з увядзеннем хрысціянства рэгуляванне сямейных (асабістых) і шлюбных дачыненняў адышло да юрысдыкцыі царквы, то рэгуляванне адзначаных інстытуцый адбывалася пераважна царкоўным і свецка-царкоўным заканадаўствам. Для каталіцкай царквы крыніцамі кананічнага права былі "Дэкрэт Грацыяна", "Дэкрэталіі Рыгора IX", "Corpus juris canonici", праваслаўная царква карысталася такімі крыніцамі царкоўнага права як "Скрутак Яраслаўля" і "Кормчая". У сваім маральным вучэнні царква прызнавала шлюб неабходным і трывалым звязам, прапагандуючы яго непарушнасць. У пачатковы перыяд усталявання хрысціянства з прычыны супярэчнасцей паміж хрысціянскім вучэннем і звычаямі свецкага грамадства царква не вызначыла свайго стаўлення да факта скасавання шлюбу, што пазней спрычынілася да ўзнікнення розных падыходаў да гэтай праблемы ва ўсходней і заходней царквах (праваслаўная царква дазваляла скасаванне шлюбу, а каталіцкая лічыла скасаванне немагчымым).

Канцэпцыя шлюбу і яго скасавання па кананічнаму (царкоўнаму) праву фармавалася пад пэўным уплывам свецкага рымскага заканадаўства. У асноўныя кананічныя зборнікі было ўнесена азначэнне шлюбу, дадзенае яшчэ рымскім юрыстам Мадэстынам і змешчанае ў Дыгестах Юстыніяна, адкуль і было запазычана царквой: "Шлюб ёсць хаўрусам мужа і жонкі, супольнасцю ўсяго жыцця, з'яднаннем божага і чалавечага права". Неабходнасць царкоўнага вянчання як абавязковая ўмова законнага шлюбу была ўведзена ў IX ст. для свабодных, і толькі ў 1563 г. Трыдзенскі Сабор зацвердзіў абавязковасць царкоўнага вянчання як умовы законнасці шлюбу для ўсіх хрысціян. У Вялікім Княстве пастановы Трыдзенскага сабора былі ўведзены ў 1577 г. Судовая практыка ў княстве сведчыць пра наданне вянчанню ў XVI ст. важнага юрыдычнага значэння, незалежна ад абрада хрысціянскага веравызнання, таму што законнасць шлюбу наўпрост уплывала на законнасць паходжання і спадкаванне сацыяльнага статусу. Акрамя вянчання, заключэнне сапраўднага шлюбу мела некалькі вызначаных умоў. Галоўнай умовай сапраўднасці шлюбу з'яўлялася згода бакоў на шлюб, парушэнне яе мела вынікам несапраўднаць шлюбу. Сапраўдны шлюб мог быць заключаны асобай, якая мела шлюбны ўзрост (па Статуту 1588 г. 13 год для дзяўчыны і 18 год для юнака), не знаходзілася ў шлюбе з іншай асобай, не мела кроўнай, духоўнай, цывільнай роднасці і сваяцтва з сужэнцам і інш. Патрабаванне захавання мноства ўмоваў сапраўднасці шлюбу вызвала неабходнасць стварэння дыспензацыйнага права, якое пры пэўных умовах дазваляла вызваленне ад другарадных перашкод да шлюбу, напрыклад, калі дазвалялася ўступіць у трэці па ліку шлюб па прычыне немагчымасці інакш выхаваць асірацелых дзяцей.

Заканадаўства каталіцкай і праваслаўнай цэркваў па-рознаму ставілася да пытання скасавання шлюбу. Праваслаўная царква прызнавала скасаванне шлюбу, але па вызначаных прычынах: пералюб, няздольнасць да сужэнцкага жыцця, адсутнасць без вестак, прызнанне дзяржаўным злачынцам (выволанцам) па суду, жаданне мужа і жонкі ўступіць у манаства, нежаданне хрысціяніна жыць з язычнікам і наадварот, выбранне епіскапам і інш. Асноўнай падставай для скасавання шлюбу паводле Кормчей і канона ўсёй усходняй царквы прызнаваўся пералюб. Царкоўная практыка па-рознаму вызначала пералюб мужа і жонкі. Муж лічыўся пералюбнікам толькі тады, калі меў інтымную сувязь з замужняй жанчынай ці ўступаў у новы шлюб, не скасаваўшы папярэдняга. Жонка прызнавалася пералюбніцай у кожным выпадку ўступлення ў сувязь з мужчынам, незалежна ад таго, жанаты ён ці не. Такім чынам, права патрабаваць вернасці ў шлюбе належыла ў асноўным мужчыну. Муж юрыдычна быў вінаваты не перад сваёй жонкай, а перад іншым мужам. Сувязь жанатага мужчыны з незамужней жанчынай асуджалася з пункту гледжання маралі. Незамужняя жанчына у такім

выпадку магла быць пакарана з боку сваіх родных пазбаўленнем правоў на спадчыну. Пры пералюбстве жонкі муж не толькі меў права скасаваць шлюб, але і пакараць жонку пры ўмове, што ён сам не вінаваты ў пералюбстве, не прабачыў жонцы, не прапусціў працэсуальных іскавых тэрмінаў (6 месяцаў).

Каталіцкая царква прызнавала непарыўнасць шлюбу, але пры вызначаных умовах дазваляла разлучэнне сужэнцаў (сепарацыю), "адлучэнне ад стала і ложа" без права ўступлення ў новы шлюб. Разлучэнне дапускалася з наступных прычын: пералюб, замах на жыццё сужэнца, інфекцыйная хвароба, згода бакоў на ўступленне ў манаства, нежаданне сужэнца жыць з асобай нехрысціянскага веравызнання, жаданне ўступіць у манаства. У праве каталіцкай царквы шырокае распаўсюджванне набыло прызнанне шлюбу несапраўдным . Несапраўдным шлюб прызнаваўся пры парушэнні ўмоваў яго заключэння ад самага пачатку свайго існавання, тады бакам дазвалялася ўступаць у новы шлюб.

Шлюбныя дачыненні ў пэўнай частцы рэгуляваліся і свецкім правам, пачынаючы з першага агульназемскага прывілея ад 20 лютага 1387 г., дзе зацверджана права свабоднага ўступлення ў шлюб (без згоды манарха) жанчын баярскага стану. Пашырэнне рэгулявання шлюбных дачыненняў адзначаецца ў Статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг. Першы Статут рэгуляваў абмежаваную колькасць шлюбных дачыненняў: пацвярджаў прынцып свабоды выхаду замуж, права жанчын на свабоднае волевыяўленне на шлюб незалежна ад стану (р.3, арт.31), ускосна прызнаваў сапраўднасць нават чацвёртага шлюбу (што супярэчыла пазіцыі царквы). Другі Статут рэгуляваў шырэйшае кола шлюбных дачыненняў, у прыватнасці парадак злучэння ў шлюб. Развіваючы норму аб свабодным волевыяўленні на шлюб, Статут 1566 г. прадугледжваў суровыя санкцыі за прымус жанчыны да шлюбу : за "гвалтоўнае ўзяцце ў жоны" прызначалася смяротнае пакаранне (р. 8, арт.9). Але свабода волевыяўлення нявесты па-ранейшаму абмяжоўвалася згодай бацькоў і апекуноў (р.4,арт.11,12; р.5,арт.7,8,9,31). Калі нявеста выходзіла замуж без згоды бацькоў, то такі шлюб лічыўся законным, але пры гэтым былі вызначыны маёмасныя санкцыі ў дачыненні да нявесты — яна пазбаўлялася пасагу і страчвала права на спадчыну бацькоў.

Пры ўступленні ў шлюб і пры скасаванні яго шырока карысталіся звычаёвым правам.Таму распаўсюджаным у Беларусі было скасаванне шлюбу без падстаў, паводле ўзаемнай згоды сужэнцаў, абумоўленае поглядам на шлюб як на свабодную дамову. У гэтым выпадку факт скасавання шлюбу быў пацверджаны складаннем "разваднога ліста" з подпісамі сведак. Пры скасаванні шлюбу паводле згоды выяўлялася незалежнае становішча мужа і жонкі, роўнасць іх правоў, замацоўвалася права бакоў на новы шлюб. Гэтыя нормы былі атрыманы ў спадчыну ад звычаёвага права і прызнаваліся дзяржаўнай уладай, таму што ў сферы шлюбных дачыненняў звычаёвае права найбольш трывала і доўга захоўвала свой уплыў.

Маёмасныя вынікі скасавання шлюбу былі звязаныя з вінаватасцю або невінаватасцю бакоў пры скасаванні шлюбу і рэгуляваліся свецкім правам. Калі быў вінаваты муж, ён страчваў сваю маёмасць, запісаную ў вена жонцы. Але калі ад шлюбу былі дзеці, то гэтая маёмасць пераходзіла ў іх уласнасць, а жонка валодала і карысталася ёю да паўналецця дзяцей. Калі ў скасаванні шлюбу была вінаватая жонка, то яна страчвала права на свой пасаг і на маёмаснае забеспячэнне мужа — вена. Пры наяўнасці ад шлюбу дзяцей права ўласнасці на гэтую маёмасць пераходзіла да іх. А муж толькі валодаў і карыстаўся ёю да іх паўналецця. У выпадку адсутнасці ў вінаватай жонкі пасагу або вена яна страчвала чвэрць усялякай сваёй маёмасці, але і тут захоўваўся прынцып: уласнікі — дзеці.

У інстытуцыі сям'і як універсальнай супольнасці былі арганічна ўзаемазвязаны асабістыя і маёмасныя правадачыненні. Свецкае заканадаўства дэталёва рэгулявала фарміраванне маёмаснай асновы сям'і: пасагу, вена, перадачы маёмасці па спадчыне, апеку маёмасных і іншых інтэрэсаў. Канцэпцыі пасагу і вена гарантавалі захаванне маёмасных інтэрэсаў жанчыны на працягу сямейнага жыцця і ў выпадку спынення шлюбу. Рэгуляванне сямейна-маёмасных дачыненняў адносілася выключна да кампетэнцыі свецкага суда і на падставе толькі свецкага заканадаўства.

Матэрыяльную аснову сям'і фарміравалі "пасаг" і "вена", якія ў сваю чаргу цесна звязаны з правам спадкаемства і апекай. На маёмасныя правы сужэнцаў уплывала найперш рэгуляванне правадачыненняў па пасагу. Канцэпцыя пасагу, які гарантаваў маёмасныя інтэрэсы

жонкі, палягала ў тым, што на час шлюбу маёмасць, якая складала пасаг, паступала ў карыстанне сям'і.У выпадку спынення шлюбу з прычыны смерці жонкі спадчына на пасаг належыла дзецям, а пры іх адсутнасці ён вяртаўся асобам, якія забяспечвалі пасаг (бацькам, родным). У Статутах 1529, 1566, 1588 гг. інстытуцыя пасагу была падрабязна распрацавана, дэталізаваны дачыненні па пасагу, вызначана фіксаваная частка пасагу паводле закону (адна чвэрць маёмасці бацькі, але закон не абмяжоўваў гэтай часткай родных і пасаг вызначаўся бацькамі паводле іх меркавання). Паводле меркавання бальшыні шляхты (што не заўседы супадала з поглядамі грам-паліт дзеячоу), шырокія правы жанчын па пасагу забяспечвалі трываласць яе асабістых правоў, гарантыю шляхецкіх вольнасцей.

Для забеспячэння маёмасці жонкі , яе пасагу, муж павінен быў у адказ запісаць частку сваёй маёмасці (1/3), якая называлася вена і мела асобны прававы рэжым: распараджацца гэтай маёмасцю магчыма было толькі са згоды жонкі. Пасля смерці мужа жонка валодала вэнаванай маёмасцю пажыццёва.

Пасаг і вена фарміравалі спадчынную маёмасць, якая пераходзіла да спадчыннікаў па закону або па тэстаменту (завешчанне). Спадчыннікамі па закону была чарга кроўных родных: дзеці, браты і сёстры, бацькі. Па тэстаменту можна было прызначыць спадкаемцам нeродную, чужую асобу. Закон падзяляў парадак спадкавання пасля маці і пасля бацькі. Спадчыну пасля маці атрымлівалі дочкі і сыны ў роўных далях, а маёмасць пасля бацькі пераходзіла 3/4 сынам, а 1/4 дочкам. Часцей за ўсё бацькі ўраўноўвалі маёмасныя валоданні дзяцей шляхам "запісаў" дочкам маёмасці пры сваім жыцці. Спадчыннікамі маглі быць толькі законныя дзеці, у сувязі з чым узрасло значэнне законнага шлюбу (вянчальнага). Незаконнымі лічыліся дзеці ад невенчаных шлюбаў, а таксама пры адмове бацькі ад бацькоўства. Пры гэтым прадугледжвалася, што бацька не можа адмовіцца ад бацькоўства, калі пэўны момант прызнаваў дзіця сваім.

Бенкарты не атрымлівалі бацькоўскай спадчыны. Пад уплывам царкоўнага права Статут 1566 г. разглядаў пазашлюбнае дзіця мужчыны пры яго законным шлюбе з іншай жанчынай як бенкарта. Гэтае дзіця заставалася ў становішчы бенкарта і не атрымлівала спадчыны пасля бацькі, нават калі апошні пазней уступаў у шлюб з ягонай маці. У такім выпадку існавала практыка набілітацыі такіх дзяцей праз манарха і сойм, але ,зразумела, для вельмі ўплывовых асоб дзяржавы.

Сужэнцы па законах тых часоў не атрымлівалі спадчыны адзін пасля другога, і толькі Статут 1588 г., як лічыцца пад уплывам магдэбургскага права, рэгуляваў дачыненні ў спадкаванні супольна набытай маёмасці мужа і жонкі (калі яны не мелі да шлюбу ніякай уласнай маёмасці, а ўсю маёмасць нажылі ў шлюбе). Толькі у гэтым выпадку пры адсутнасці дзяцей — спадчыннікаў маёмасць цалкам пераходзіла да аднаго з сужэнцаў, які пeражыў другога. Калі ад шлюбу былі дзеці, то яны атрымлівалі пасля смерці бацькі 2/3, а маці заставалася 1/3 частка маёмасці. Тое ж тычылася і бацькі. Існуе меркаванне , што ў гэтай норме знайшоў адлюстраванне ўплыў магдэбургскага права, якое першае зацвердзіла прынцып роўнасці правоў жанчыны і мужчыны з таго, што яны нараджаюцца на свет роўнымі.

Спадчынных правоў пазбаўляліся жанчыны, якія выйшлі замуж без згоды бацькоў або апекуноў, а мужчыны былі поўнасцю незалежныя ад волі сваіх блізкіх. Такім чынам, інстытуцыя спадкаемства, даволі распрацаваная ў тагачасным праве Беларусі, была накіраваная на забеспячэнне маёмасных правоў дзяцей і іншых асобаў, звязаных роднасцю. Спецыфічнай рысай спадкавання ў праве Беларусі ёсць права на вызначаную частку нерухомай маёмасці для дачок; дакладнасць вызначэння часткі дачок ў нерухомай маёмасці, што звязана з пэўнасцю закону наконт пасагу і вена.

Цесна звязана з сямейнымі дачыненнямі права на апеку. У аснову заканнадаўства па Статутах 1529,1566,1588 гг. была пакладзена канцэпцыя апекі як абавязак клопату дзяржавы пра асобаў, якія па тагачасных поглядах, самі не могуць клапаціцца пра сябе. Такімі лічыліся непаўналетнія дзеці, незамужнія жанчыны і іншыя асобы, напрыклад, хворыя.

Інстытуцыя апекі дастатутавага перыяду істотна адрознівалася ад апекі паводле статутаў. Становішча ўдавы згодна з прывілеямі XV ст. (агульнадзяржаўнымі законамі) вызначалася шырокімі правамі па апецы ў выніку "сядзення на ўдовіным стальцы", але канарэтна гэтыя правы не рэгламентаваліся. Жанчына па смерці мужа спачатку заставалася

ўладальніцай усёй маёмасці, апякавала дзяцей і кіравала іх маёмасцю пажыццёва або да ўступлення ў новы шлюб. У апошнім выпадку сямейная маёмасць распадалася, таму што ўдава была абавязаная пакінуць сабе толькі вена, але аддаць нерухомасць першага мужа яго спадчыннікам — дзецям, а пры іх адсутнасці — мужавай радні. У інтэрэсах земскай службы рабіліся выняткі. Сыны ў інтэрэсах вайсковай службы маглі атрымліваць спадчынныя маёнткі бацькі незалежна ад становішча ўдавы — выйшла яна замуж або не.

Інстытуцыя апекі паводле статутаў уяўляла сабой апеку па законе, па тэстаменце, па прызначэнні дзяржаўнай улады. Апека па законе ёсць самы старадаўні від апекі. Першы Статут рэгулюю ў асноўным дачыненні апекі па закону, але апека па тэстаменту таксама прызнавалася,другі Статут аддаваў ёй перавагу, а ў трэцім Статуце гэты від апекі прызнаваўся прыярытэтным. Але і тады, калі апека не была прызначана бацькам у тэстаменце, яна наставала паводле закону. Калі не было бацькоў, апекуном згодна з законам станавіўся старэйшы брат, кроўныя (мужчыны) па лініі бацькі, пры іх адсутнасці — родныя (мужчыны) па лініі маці, калі і такіх не было, то родныя (жанчыны) па лініі бацькі, а затым — па лініі маці. Пры гэтым ад апекуноў-жанчын патрабаваліся дадатковыя гарантыі іх матэрыяльнага дабрабыту: сямейны стан, добрапрыстойнасць, матэрыяльная забяспечанасць і згода мужа. За стагоддзе змяняліліся значна правы ўдавы на апеку сваіх дзяцей і іх маёмасці.У выніку Статут1588 г. увасабляў падобны да рымскага падыход да жанчын-апякунак — практычнае іх адхіленне ад апекі, гэта значыць, ад кіравання маёмасцю.

Вось як гэта адбылось. Інстытуцыя апекі паводле Статута1529 г.зацвердзіла, што ўдава можа быць апякункай над дзецьмі па смерці мужа, калі муж не прызначыў у тэстаманце апекуна. Статут прызнаваў прыярытэт апякунства бацькі ў выпадку смерці маці; калі ж паміраў бацька, то апякункай была маці. Па Статуце 1566 г. апекуноў мусіў прызначаць бацька ў тэстаменце. Калі не было тэстаменту, то па закону апекуном станавіўся старэйшы паўналетні сын або наступныя родныя. Калі па Статуце 1529 г. маці дзяцей магла быць апякункай ва ўсіх выпадках адсутнасці спецыяльна прызначанага бацькам апекуна, то па Статуце 1566 г. маці магла стаць апякункай толькі паводле тэстамента. Пры гэтым яшчэ пералічваўся шэраг неабходных умоваў : маці дзяцей павінна была мець аселасць, нерухомую маёмасць і вяноўную маёмасць, а таксама рукаемства паважанай і забяспечанай асобы.У Статуце 1566 г. назіралася значная розніца ў падыходах да наступстваў няўдалага апякунства бацькі і маці.Так, калі апякунка-маці растрачвала апекаваную маёмасць, то яна магла быць прыцягнутая да суда і мусіла выплаціць усе страты з вена або ўласных маёнткаў. У выпадку яе няздольнасці ажыццявіць гэтыя выплаты яны рабіліся за кошт маёмасці рукаемніка. Бацька валодаў шырэйшымі правамі. Калі пасля маці-нябожчыцы засталася нерухомая маёмасць, то бацька абавязкова быў апекуном над дзецьмі і маёмасцю. Апякунства бацькі не патрабавала справаздачнасці, у адрозніваннне ад маці і ўсіх астатніх апекуноў. Але Статут 1588 г. яшчэ больш змяніў інстытуцыю апекі. Маці магла быць апякункай сваіх дзяцей і іх маёмасці толькі ў выпадку, калі муж прызначыў ёй апеку ў сваім тэстаменце. Калі бацька не прызначыў апекуна, то апека ўскладася не на маці, а на родных.Малалетнія дзеці заставаліся з маці, а на іх утрыманне апекун выдаваў пэўную суму. Сыны заставаліся пад апекай да сямігадовага ўзросту, а дочкі — да замужжа.Пры гэтым маці павінна была паведамляць апекуну пра замужжа дачкі і раіцца з ім. У выпадку, калі прызначаны па тэстаменту або па закону апекун прычыняў страты маёмасці апекаваных, то апека спынялася, апекун уносіў з сваёй маёмасці шкоду, адхіляўся ад апекі і на яго месца судом прызначаўся новы апекун. Такім чынам, правы жанчыны па апецы на працягу XVI ст. у нашай краіне значна звузіліся.

Для Беларусі XVI ст. стала часам інтэнсіўнага развіцця заканадаўства. Інстытуцыя сям'і як асноўны структурны элемент сацыяльнай сістэмы адлюстравала гэта найбольш дакладна. Адбылася выразная індывідуалізацыя сямейных дачыненняў, вылучыліся і набылі развіццё правы суб'ектаў – мужа, жонкі і дзяцей. Закон адлюстраваў жаданне кожнага сямейніка мець свой статус, абараніць свае маёмасныя і асабістыя правы, што адпавядала духу эпохі, якая паклала пачатак зацверджання правоў асобы ў законе. Пэуныя правы жанчыны былі зацверджаны і абаронены законам, але ён таксама прызначыу жанчыне падпарадкаваную ролю. Заканадаўчае вызначэнне правоў жанчыны рабіла пэўныя крокі як ў накірунку пазбаўлення яе абмежаванняў, так і іх умацавання.

G. Dzerbina

LEGAL STATUS OF THE FAMILY AND REGULATION OF MARITAL RELATIONS IN BELARUS DURING THE RENAISSANCE

Summary

During the age of Renaissance in the ancient Belarusian state, the Grand Duchy of Lithuania a complex legal system was worked out which was recognized by some researchers as the most advanced in medieval Europe. Legislation and legal practice regulated marriage, divorce and property relations within the family. Women had wider personal and property rights than in the neighboring Muscovy, though the societal tendency was to restrict their agency.

РАЗДЕЛ II. ГЕНДЕРНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ПРАВА: РЕАЛИИ XX ВЕКА

Ф. Бутегва

НЕДОСТАТКИ СИСТЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЖЕНСКИХ ПРАВ

БУТЕГВА Флоренс — региональный координатор WiLDAF "Женщины, право и развитие в Африке", а также Председатель правления Института женщин, права и развития, неправительственной организации, имеющей консультативный статус при ООН.

Одна из определяющих характеристик международного правозащитного законодательства состоит в том, что оно имеет государственную основу (т.е. формируется путем достижения соглашений между государствами), хотя его цель в том, чтобы защищать интересы определенных групп, например, интересы семьи. Таким образом, нарушения прав человека считаются нарушениями с точки зрения различных правозащитных документов только в том случае, если государство, подписавшее этот документ, можно считать ответственным за данное нарушение. Это порождает ряд проблем и ограничений в плане защиты прав женщин.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Нередко нарушения человеческих прав женщин совершаются не государством или его представителями, а частными лицами. Это верно в первую очередь в отношении насилия против женщин, дискриминации женщин в сфере трудоустройства и в приобретении прав на землю. Некоторые государства и правозащитные НПО уже давно отстаивают ту точку зрения, что такие нарушения не касаются международного правозащитного законодательства, т.к. они не заложены в законах государства, а относятся к сфере частной жизни.

Этот аргумент необоснован. В международном правозащитном законодательстве совершенно ясно определены обязанности государств. Статья 2 Международного пакта по гражданским и политическим правам являет характерный пример такого определения. В Статье 2(1) сказано, что государства обязаны "обеспечить всем лицам, находящимся на их территории и подпадающим под их юрисдикцию, все права, предусмотренные в данном Пакте..." В статье 2 (2) на государства возлагается обязанность "...принять правовые или иные меры, необходимые для осуществления прав, предусмотренных в данном Пакте".

Обязанность каждого государства, подписавшего какой либо правозащитный документ, — обеспечить, чтобы все лица, находящиеся под его юрисдикцией, обладали правами, определенными в данном документе. Если какое либо лицо или группа лиц систематически нарушают гарантированные гражданам права, государство, под юрисдикцией которого происходит нарушение, несет ответственность за это. Однако государство систематически оказывается не в состоянии "обеспечить" гражданам соблюдение их прав и принять необходимые меры для предупреждения нарушения этих прав.

Международные правозащитные неправительственные организации, такие как Human Rights Watch, в нескольких случаях воспользовались этим аргументом для установления ответственности государств. Например, было признано, что Бразилия и Малайзия несут ответственность за насильственные действия против малоимущих крестьян, хотя эти действия осуществлялись частными вооруженными формированиями, которые были наняты местными землевладельцами. Аналогичный аргумент можно привести в отношении неспособности государства защитить женщин от систематических нарушений прав.

Вышеприведенные аргументы относительно легко применить к действиям или бездеятель-

ности лиц, принадлежащих к определенному государству; гораздо сложнее применить их к таким нарушениям, которые вызваны проводимой политикой, непосредственными действиями или бездеятельностью международных агентств, таких как Международный Банк и Международный Валютный Фонд. Многие страны третьего мира стали свидетелями нарушений человеческих прав женщин в результате политики экономических структурных перестроек, насаждаемой этими агентствами. Являются ли государства, на чьей территории осуществляются экономические программы, ответственными за нарушения, или же сами международные агентства должны нести ответственность по международному законодательству как юридические лица? Или, например, следует ли отнести ответственность на счет государств, формирующих политику международных агентств? Это проблема, для решения которой требуется глубокое обдумывание, анализ и практическая проверка.

ПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТНЫХ ЛИЦ В ГОСУДАРСТВЕ

Третий фактор, вытекающий из природы международного правозащитного законодательства, — невозможность воспользоваться правозащитным документом для граждан тех стран, которые не подписали данный документ. Международное правозащитное законодательство, как международное законодательство в целом, принимается и ратифицируется отдельными государствами на основе добровольного согласия или консенсуса. Может ли международное сообщество оставить без защиты население целых стран лишь потому, что их правительства не пожелали ратифицировать правозащитный документ?

Сюда относится также проблема обширных оговорок, которые были внесены значительным числом государств при ратификации Конвенции по ликвидации всех форм Дискриминации женщин (CEDAW). Посредством таких оговорок государства освобождают себя от обязательств устранить дискриминацию женщин по религиозным и культурным основаниям. Так же и в этом случае, вправе ли международное правозащитное сообщество оставить женщин этих стран практически без защиты? Здесь я обращаюсь к фундаментальному вопросу о том, насколько отдельные государства имеют или могут иметь суверенное право ратифицировать или не ратифицировать правозащитные документы и вносить обширные оговорки такого рода, как были внесены в CEDAW.

Недавнее прошлое показало, что достигнут некоторый прогресс в принятии мировым сообществом идеи о том, что обращение государства со своими гражданами не всегда является внутренним делом этого государства. Если происходит систематическое и повсеместное нарушение человеческих прав, международное сообщество может вмешаться. Эта идея — шаг вперед в правозащитном мышлении, и женские правозащитники могут далее развивать и применять ее в тех случаях, когда государство отказывается ратифицировать правозащитные конвенции или вносит поправки, которые отказывают женщинам в защите от дискриминации и других гендерных нарушений прав.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права человека универсальны, в смысле того, что они применимы к каждому человеку. Международное сообщество государств признает человеческие права за всеми людьми во всем мире. Все люди признаются равными, все имеют ценность и обладают некими неотъемлемыми правами. Человеческие права в этом смысле универсальны, что подчеркнуто во всех правозащитных документах. Статья 2 Международного пакта о гражданских и политических правах требует, чтобы каждое государство уважало и обеспечивало всем лицам на своей территории предоставляемые им права, без каких-либо различий на основе расовой принадлежности, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических и иных взглядов, национального или социального происхождения, имущественного или иного статуса". Аналогичные положения можно найти в Пакте об экономических, социальных и культурных правах и в региональных правозащитных документах.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Концепция универсальности прав человека не всегда безоговорочно принимается всеми членами международного сообщества государств. Некоторые государства, особенно те, в кото-

рых имеется влиятельное религиозное лобби, приводили довод, что права человека должны быть подчинены религиозным законам. Другие государства приводили "культурные особенности" как основание для отказа уважать и/или защищать человеческие права отдельных групп или сообществ.

Эта проблема имеет очень важное значение для человеческих прав женщин. Это можно проиллюстрировать, взглянув на те оговорки, которые были внесены некоторыми государствами при ратификации правозащитных документов. В настоящее время из всех подписанных конвенций наибольшее число оговорок имеет CEDAW. Эти оговорки якобы продиктованы религиозными или культурными соображениями. Озабоченность вызывает тот факт, что непринятие принципа универсальности, как правило, возникает в тех сферах, где человеческие права женщин наиболее уязвимы.

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ РЕАКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА НА НАРУШЕНИЕ ПРАВ

Хотя международное сообщество продолжает утверждать, что человеческие права должны рассматриваться как универсальные, его часто непредсказуемая реакция на нарушения прав человека подрывает данное утверждение.

Вызывает беспокойство та избирательность, которая проявляется при осуждении и принятии других санкций по отношению к государствам, нарушающим правозащитное законодательство. Основания для такой избирательности могут быть различны: в зависимости от страны, которая подлежит осуждению, от конкретной проблемы и т.д. Можно отметить, что международное сообщество очень слабо проявляет свое возмущение по поводу повсеместных нарушений прав женщин во всем мире.

ДОСТУПНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОЗАЩИТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕГО МЕХАНИЗМОВ

Эффективность международного правозащитного законодательства и его механизмов зависит еще и от того насколько они доступны. Я перечислю лишь некоторые из существующих в этой области проблем, а именно: недостаточная информированность граждан и НПО о содержании и процедуре работы, а также о мерах воздействия, имеющихся в распоряжении международных правозащитных организаций. Как воспользоваться этой системой для защиты и утверждения человеческих прав женщин, если женщины и неправительственные организации не понимают, как выйти на эту систему и как она действует? Кто должен отвечать за распространение правозащитной и формации? Должны ли государства, ООН и другие коллективные правозащитные органы осуществлять и/д поддерживать инициативы по правозащитному просвещению неправительственных организаций? Нельзя недооценивать тот вклад, который могут внести граждане сообщества в дело защиты и утверждения своих человеческих прав посредством мониторинга, докладов и общественной деятельности.

Перевод И. Савельевой

F. Butegwa

INCONSISTENCY OF THE SYSTEM OF HUMAN RIGHTS IN PROTECTING WOMEN'S RIGHTS

Summary

The international system of human rights may not be effective in protecting women's rights due to the division between public and private. Another obstacle may be national culture or religion.

Х. Махиньска

СОВЕТ ЕВРОПЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

МАХИНЬСКА Ханна — доктор права, директор Союза по информации и документации Центра Совета Европы, профессор Варшавского университета, Президент Польской ассоциации университетских женщин

Совет Европы как международная организация, представляющая 33 государства, работает во многих областях, имеющих важное значение для функционирования современных демократических стран. Сюда относятся защита прав человека и его социальных прав, здравоохранение, сотрудничество в области культуры и спорт, укрепление демократии на местах, защита окружающей среды и др.

В начале деятельности Совета Европы защита прав человека была его основной заботой, и Европейская конвенция является одним из самых значительных достижений Совета. В течение многих лет эта Конвенция является основой международного законодательного порядка, соблюдение которого — *sine qua non* (непременное условие) членства в Совете Европы.

Права человека охватывают широкий спектр прав и свобод и осуществление их должно гарантироваться без дискриминации, в соответствии с положениями статьи 14 Конвенции, которая гласит, что: "Обладание правами и свободами, изложенными в этой Конвенции, должно быть гарантировано без дискриминации на каком бы то ни было основании, как-то: по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного, сословного или иного положения".

Активно решавшиеся до настоящего времени Советом Европы задачи содействуют практическому осуществлению принципа равенства. Хотя сам принцип не был сформулирован *expressis verbis* (четко) в тексте Конвенции, он, без сомнения, стал центральным принципом межправительственных акций Совета Европы.

За более чем сорокалетний период деятельность Совета Европы в области обеспечения равенства охватила гражданские и политические права, образование, культуру и спорт, здравоохранение, законодательство, средства массовой информации, социальные и экономические проблемы, диалог "Север—Юг" и т. д. Она представлена в виде рекомендаций, резолюций и деклараций Комитета министров, рекомендаций и резолюций Парламентской Ассамблеи, резолюции Конференции местных и региональных властей и резолюции Конференции европейских министров по проблемам равенства.

Это значит, что проблемами равенства занимались главные органы Совета Европы. Невозможно перечислить все резолюции, однако следует выделить направления работы Совета Европы, играющие особенно значительную роль в процессе установления единых принципов поведения, и направления, способствующие единому пониманию принципа равенства между женщинами и мужчинами.

Во многих документах Совета Европы подчеркивается, что неравенство положения женщин в обществе мешает установлению демократии. С учетом этого особое значение приобретает Резолюция по политике и стратегиям для достижения равенства в политической жизни и в процессе принятия решений. В 1986 году состоялась Конференция европейских министров по проблемам равенства между женщинами и мужчинами. В ее резолюции обращено внимание на неравное участие женщин и мужчин в политической и общественной жизни. Правительства государств-участников обязывлись разработать активную стратегию всемерной поддержки и продвижения женщин. К политическим партиям, профсоюзам и неправительственным организациям был обращен настоятельный призыв проводить акции, содействующие выдвижению женщин на руководящие должности.

Министры рекомендовали Комитету министров оценить эффект от претворения в жизнь этой политики содействия равенству женщин и принять меры, направленные на увеличение представительства женщин в органах Совета Европы. Рекомендации, адресованные государствам-членам Совета, довольно абстрактны. Поэтому министры также попросили правительства

осуществлять политику, содействующую равенству полов и претворению в жизнь положений и условий данных конвенций и рекомендаций.

Декларация Комитета министров по проблемам равенства женщин и мужчин (ноябрь 1989 года) — еще один важный документ, определяющий политику в этой области. В ней Комитет разъяснил, что равенство является принципом, восходящим к универсалистской идее прав человеческой личности. Многим обществам, однако, не удалось претворить в жизнь этот принцип в сфере политических, экономических, социальных, культурных и образовательных прав. Декларация призывает государства-члены утвердить равные права в области:

а) защиты прав личности;
б) участия в политической, экономической, общественной и культурной жизни;
в) доступа ко всем уровням государственной службы;
г) доступа к образованию и свободы выбора в образовании и начальном и дальнейшем профессиональном обучении;
д) ликвидации насилия в семье и в обществе;
е) прав и обязанностей в отношении детей;
ж) доступа ко всем профессиям, профессиональному росту и вознаграждению;
з) содействия экономической независимости;
и) доступа к информации.

Из документов Парламентской Ассамблеи особого внимания заслуживают резолюции и рекомендации, принятые в 1987 году. В центре их внимания политическое, общественное и гражданское положение женщин в Европе. Парламентская Ассамблея рекомендовала Совету Министров предпринять шаги в направлении обеспечения полного соблюдения конвенций и контроля за соблюдением их положений, направленных против дискриминации (*inter alia* Конвенции по защите прав человека и основных свобод и Конвенции ООН по политическим правам женщин) и включить в Программу Совета Европы проведение акций , содействующих установлению равенства в вопросах оплаты труда, профессионального обучения, и других подобных мероприятий. В результате этих информационных кампаний в общественном сознании формируется устойчивое представление о проблемах, проистекающих из неравенства между женщинами и мужчинами.

В 1985 году Парламентская Ассамблея приняла рекомендацию по улучшению политического положения женщин. В ней подчеркивалось, что неравенство между женщинами и мужчинами проявляется во многих сферах и что женщины особенно сильно дискриминированы в политической жизни. В связи с этим Комитету министров предлагалось назначить министра или госсекретаря из числа государств-членов для осуществления программы содействия равенству между женщинами и мужчинами и для разработки механизмов, облегчающих участие женщин в политической жизни.

Совет Европы обратил внимание на недостаточное представительство женщин в местных органах власти. В "Афинском послании" (Конференция Совета Европы по проблеме "Женщины в местной и региональной жизни") подчеркивалось, что неадекватное представительство женщин в органах власти препятствует установлению демократии. К Комитету министров была обращена просьба организовать региональные комитеты для координирования политики обеспечения равенства и для создания учреждений по содействию активизации деятельности женщин, особенно в сельских районах, удаленных от городских центров.

РУКОВОДЯЩИЙ КОМИТЕТ ЗА РАВНОПРАВИЕ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

В период с 1989 по 1993 годы Совет Европы проводил в жизнь многие инициативы, способствующие установлению равенства женщин. Среди них особого упоминания заслуживает создание в 1987 году Руководящего комитета за равноправие женщин и мужчин, пришедшего на смену Комитету по положению женщин. Учитывая важную роль Комитета в правовых вопросах, правительства государств-членов назначают в енго своих представителей из числа высококвалифицированных специалистов. Кроме того, в его заседаниях в качестве наблюдателей имеют право участвовать представители государств Центральной и Восточной Европы, не являющихся членами Совета.

Согласно программе на период 1992-1994 гг., комитет должен был: а) изучить состояние проблемы равенства между женщинами и мужчинами в европейских странах; б) содействовать сотрудничеству государств-членов, направленному на воплощение принципов равенства и, в частности, проведению акций в рамках Комиссии ООН по положению женщин; в) оценивать государственную политику в сфере равенства и предлагать соответствующие правовые акты; г) организовывать правительственные совещания по проблемам равенства и гарантировать претворение в жизнь их рекомендаций посредством решений Комитета министров; д) давать оценку годовым отчетам Генерального секретаря в отношении включения принципа равенства в планы работы Совета Европы.

С институциональной точки зрения Комитет является составной частью Директората по правам человека. В течение 1992-1993 гг. Комитет проводил акции, направленные против проституции, разработал проект Протокола к Европейской конвенции о правах человека, сформулировал направления первоочередных исследований и организовал Конференцию по проблемам равенства между женщинами и мужчинами в меняющейся Европе (Познань, Польша, 31 марта — 2 апреля 1992 года), создал Европейский орган по наблюдению за осуществлением равенства и организовал международный семинар по проблемам равенства в переходный период в странах Центральной и Восточной Европы (София, Болгария, 1993 год).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ЕВРОПЫ В СФЕРЕ ДЕМОКРАТИИ, СВОБОДЫ И ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Группа экспертов Руководящего комитета за равноправие женщин и мужчин разработала проект по Протокола о равенстве, включаемого в Европейскую конвенцию о правах человека. Среди других предпринятых акций выделяется анализ распространения проституции и разработка совместных мероприятий по уменьшению масштабов этого явления в государствах-членах. Комитет отказался от организации общественных кампаний в защиту равенства, переключившись на проведение Европейской конференции по равенству и демократии. Эта конференция оказалась существенным вкладом Совета Европы в подготовку 4-й Всемирной Конференции ООН по проблемам женщин, которая состоялась в Пекине в 1995 году.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Комитет за равноправие женщин и мужчин стал инициатором диалога с учреждениями средств массовой информации в государствах-членах. Уделяя значительное внимание роли средств массовой информации, Комитет министров принял "Рекомендацию R/84/3" о принципах телевизионной рекламы, в которой провозглашается, что свобода, терпимость, достоинство и равенство создают основу для деятельности в этой области.

В следующей рекомендации — "Рекомендации R/84/17" Комитет министров предлагает государствам-членам обеспечить равенство между женщинами и мужчинами в средствах массовой информации. Правительства государств-членов должны поддерживать мероприятия по обеспечению равенства, исследованию телепрограмм с учетом различий в возрасте, поле, уровне образования, а также обеспечить разработку образовательных программ, адресованных женщинам, участие женщин в дискуссионных программах, встречах и семинарах, посвященных проблемам равенства.

ОРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, НАСЛЕДИЕ, СПОРТ

Европейское сообщество специалистов, занимающихся гендерными исследованиями, функционирует под эгидой Совета Европы. Это хороший пример стимулирования образовательных инициатив государств-членов. Важную роль здесь играют рекомендации по созданию программ исследований проблем женщин, принятые Конференцией Совета Европы (21-26 ноября 1986 года). Исследования проблем женщин должны быть организованы на университетском уровне при поддержке министров образования. Обучение должно быть непрерывным как в форме стационара, так и в форме заочного обучения. Совет Европы и другие международные организации должны пропагандировать и обеспечивать развитие системы учреждений для таких исследований.

Эти рекомендации, однако, не являются обязательными и, оформленные как предложения, лишь частично осуществляются Советом Европы. Одним из положительных примеров в этом плане является программа стажировки учителей: высокая степень феминизации этой профессии позволяет оказывать женщинам особенно важную поддержку.

С 1979 года Постоянная Конференция европейских министров образования неоднократно обсуждала вопросы, касающиеся учреждения образовательной системы для женщин, особенно для женщин-мигрантов, которые ищут работу.

Политика в области образования взрослых стала предметом "Рекомендации R/81/17" Комитета министров. В ней отмечается необходимость развития различных форм образования лиц, нуждающихся в дополнительном обучении из-за перерыва в работе по профессии, вызванного, к примеру, безработицей. Эти формы обучения должны стать основным фактором содействия равноправному положению женщин и мужчин.

Представляется, что работа Совета Европы по организации изучения прав человека в школах также играет значительную роль (Комитет министров рекомендует правительствам государств-членов включать вопросы прав человека в школьные программы).

Здравоохранение, особенно просветительская работа в этой области, создание и функционирование детских садов, а также планирование семьи, половое воспитание, аборты и пренатальное генетическое обследование представляют собой еще одну сферу деятельности Совета Европы. Эти вопросы затрагиваются в "Резолюции R/75/29" Комитета министров и в "Рекомендации R/90/13" Комитета министров государствам-участникам по пренатальному генетическому обследованию, пренатальной генетической диагностике и связанному с ними генетическому консультированию.

Сотрудничество в правовых вопросах предусматривает принятие 2-го Протокола к Конвенции о сокращении случаев множественного гражданства и воинской повинности в случаях множественного гражданства. Протокол предоставляет возможность второму поколению иммигрантов получать гражданство принимающей страны, не отказываясь от прежнего гражданства и, в случае браков между лицами с разным гражданством, супругу или супруге сохранить первоначальное гражданство. "Рекомендация 1146/91" Парламентской Ассамблеи по равным возможностям, равному отношению к женщинам и мужчинам на рынке труда относится к этой же категории вопросов. 1 сентября 1992 года вступил в силу Протокол к Социальной хартии. Он устанавливает право на равное отношение к работникам при их приеме на работу и запрещает дискриминацию по признакам пола.

Совет Европы внес также изменения в свои положения о персонале и назначениях. Статья 12, посвященная политике в области найма персонала, гарантируется справедливое распределение должностей между полами, в то время как в статье 22 о равенстве возможностей утверждается, что предпочтение следует отдавать кандидату того пола, который недостаточно представлен в том классе или категории, к которым относится данная вакантная должность (т. е. менее 40% общего числа работающих).

Таким образом, Совет Европы уделяет значительное внимание вопросам равноправия женщин и мужчин. Проблема, однако, состоит в том, что принятые резолюции и рекомендации соблюдаются государствами-членами далеко не полностью. Думается, что в ликвидации такого положения правительственные конференции и семинары, организованные при содействии Руководящего комитета Совета Европы за равноправие женщин и мужчин, способны сыграть важную роль. Подтверждением этого может служить Конференция по проблемам равенства между женщинами и мужчинами в меняющейся Европе. Ввиду огромной важности выводов, сделанных Генеральным докладчиком Конференции, они будут представлены *in extenso* (полностью) в "Приложении".

Перевод О. Рябкова

H. Machinska

THE COUNCIL OF EUROPE. PERSPECTIVES OF GENDER EQUALITY

Summary

The Council of Europe as an international organization of 33 states promotes gender equality and equal opportunities as its priorities. The Steering Commettee for Equality Between Women and Men was set up in

1987 as a part of the Directorate for Human Rights. The Committee promotes equal rights in politics, mass media, education, culture, heritage, sport.

Н. Кольнерик

ОТ КАЛАНКЕ ДО МАРШАЛЛА

Нинон КОЛЬНЕРИК — профессор, председатель суда по трудовым делам земли Шлезвиг-Гольштейн, г. Киль (ФРГ).

I. ВВЕДЕНИЕ

В прошлом году суды по трудовым делам земли Шлезвиг-Гольштейн отметили пятидесятилетнюю годовщину своего возрождения после нацистского режима. Готовя свое выступление, я просмотрела старые газеты и наткнулась на длинную статью британского регионального комиссара в Шлезвиг-Гольштейне. Он выступал на конгрессе церковных служителей с лекцией на тему “Христианство и демократия”. Говоря об ответственности родителей за образование своих детей, он отмечал: “Все же радиус действия матерей не должен ограничиваться домом. Они должны бороться против любого ограничения сферы своего влияния и проявлять интерес к публичной защите своей точки зрения”.

Это оказалось довольно примечательным, поскольку у нацистов были совсем другие представления о женщинах вообще и матерях в частности. Уже в 1933 году трудовые суды одобрили увольнение женщин в случае замены их мужчинами на рабочих местах, хотя имелся пункт соответствующего закона 1920 года, обеспечивающий защиту от увольнения по признаку пола. В ведущем прецеденте суд доказывал, что новое правительство пытается вернуть женщин в домашнюю сферу действия и сохранить рабочие места для мужчин, если это не приведет к сложностям в каждом отдельном случае. Судьи стремились не принимать решений, которые противодействовали такому волеизъявлению. В 1937 году законодательная власть издала указ, по которому замужние государственные служащие должны были увольняться с работы, если экономический уровень их жизни представлялся устойчиво гарантированным согласно доходу семьи[1]. Этот указ затрагивал и университеты. В качестве основания для ограничения числа женщин-студенток использовался также и “Акт, направленный против переполненности немецких школ и университетов,[2]” направленный, главным образом, против евреев. В 1933 году Министерство внутренних дел постановило, чтобы в университетах число женщин не превышал 10 от общего числа студентов университетов[3].

После падения нацистского режима такие взгляды отмирали с трудом, особенно в Западной части Германии. Прошло некоторое время, прежде чем случаи увольнения женщин из-за вступления в брак или из-за так называемого двойного дохода стали повсеместно расцениваться как незаконные[4]. Сразу же после войны Тюббингенский университет, которому суждено было стать моим первым университетом, вообще не принимал на учебу женщин. Эдуард Керн, профессор права, оправдывал это следующими соображениями: “То, что женщин не принимают, действительно не является целиком совместимым с демократическими принципами, но этого едва ли можно избежать из-зи приема бывших солдат и инвалидов войны, а также учитывая профессиональные перспективы для женщин, которые исключительно неблагоприятны в настоящее время”[5].

Семейное право в это время поддерживало дискриминацию женщин. Вплоть до 1976 года в Гражданском кодексе содержалась статья, которая гласила: “Содержать дом — это обязанность жены. Она имеет право работать по найму с денежной оплатой в той мере, которая совместима с ее супружескими и семейными обязанностями”.

Постепенно общественный климат в Германии изменился – в известной степени под влиянием законодательства ЕС и Конвенции ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин. Отчет Комиссии Бундестага по проблемам женщин и общества, выпущенный в 1980 году,[6] был отправным пунктом для целого ряда мероприятий в области равных возможностей. В нем рекомендовалось взять за образец общественно-государственную службу и содержалась мажоритарная рекомендация о преимущественном праве женщин, имеющих одинаковую с мужчинами квалификацию, на получение работы по найму и продвижение по службе до тех

пор, пока не будет достигнуто адекватного равновесия полов.

В настоящее время в законодательстве каждой из шестнадцати немецких земель (Lander), а также самой федерация (Bund) закреплено право на равные возможности при приеме на общественно-государственную службу. Предписывается при приеме на работу отдавать преимущество женщинам, а не мужчинам той же самой квалификации, в тех сферах, где женщины представлены не достаточно. В Германии такие пункты законодательства получили название "*квоты решений*", поскольку они предписывали, как решать вопрос при равной квалификации. Обычно такие правила смягчаются исключениями в случае наличия серьезных трудностей у мужчины-конкурента. Чаще всего, непосредственной целью является 50% соотношение вне зависимости от пропорции женщин в той группе, из которой они могли бы быть наняты на работу. Более умеренный вариант базируется на модели "*прорастания*": при продвижении по службе применяется норма предпочтения до тех пор, пока пропорция женщин не становится такой же, как и в следующей низшей группе[7]. Имеются также и примеры правил по *квотам, ориентируемым на результат*. Они ставят цель увеличить количество женщин в тех сферах, где они недостаточно представлены, но не требуют предпочтительного (преференциального) режима для женщин в каждом случае равной квалификации. В сфере профессионального обучения известен третий тип квоты: *резервационные квоты*, когда сохраняется (резервируется), как правило, 50% мест производственной практики для женщин.

Когда были введены квоты решений, суды вскоре столкнулись с ходатайствами о предварительных запретах в судебном порядке от мужчин-конкурентов. Эти мужчины заявляли, что данные оговорки нарушают запрет Конституции Германии на дискриминацию по половому признаку — так называемый Grundgesetz (основной закон) — и другие законы. Такие случаи приходилось рассматривать двум ветвям немецкой судебной власти: государственным служащим, чья связь с государством основана на публичном праве, приходилось обращаться в административные суды. Служащим госсектора, контракты которых основаны на частном праве, приходилось обращаться в суды по трудовым спорам. В административных судах мужчины-истцы почти всегда выигрывали. Не так обстояло дело в судах по трудовым спорам.

II. ДЕЛО КАЛАНКЕ

Федеральный суд по трудовым спорам был первым судом федерального уровня, которому пришлось заниматься вопросом о том, является ли *норма преимущественного права женщин* законной или нет. Истцом в деле выступал г-н Каланке, его конкурентом была женщина г-жа Глиссман. Г-ну Каланке нужно было содержать двух детей и неработающую жену. У г-жи Глиссман не было детей, и ее муж был финансово независим. Оба подали заявление, претендуя на пост управляющего подразделением в Управлении парков города Бремена. Сначала наниматель хотел принять решение в пользу мужчины, аргументируя этот выбор тем, что его квалификация выше. Однако после вмешательства Комитета по персоналу оба кандидата рассматривались как обладающие одинаковой квалификацией. Таким образом в игру вступил бременский закон об одинаковом отношении к мужчинам и женщинам. Он предусматривал наиболее радикальный вариант преимущественного права, т.е. правило преимущественного права без пункта о государственном положении, которое прямо предусматривало 50-процентную долю представительства женщин во всех сферах, где они не составляют, по крайней мере, половины персонала. Причина этого бескомпромиссного подхода состояла в том, что бременский законодатель опасался, что его решения могут на практике оказаться неоднозначными, если включить в закон исключающую оговорку.

Федеральный суд по трудовым спорам внимательно рассмотрел все аргументы, которые были выдвинуты против юридической действенности правил преимущественного права в пользу женщин. Он постановил, что бременская система квот соответствует закону Германии, но что *пункт о затруднительном пложении* должен быть увязан с положенями Конституции Германии. Суд не усмотрел затруднительного положения в деле Каланке, поскольку экономически Каланке был обеспечен, даже если и не продвинут по службе. Федеральный суд по трудовым делам отметил ряд факторов, позволяющих сделать вывод о соответствии такой системы квот законодательству Европейского Сообщества, и тем не менее справедливо запросил предварительное определение у Европейского Суда.

Интересны вопросы, заданные в пункте 11 решения, вынесенного Европейским Су-

дом. Вопросы правильны постольку, поскольку в них не уточняется, распространяется ли на этот бременский закон Директива о равном отношении к мужчинам и женщинам. Проблема описывается в абстрактных терминах. Важно отметить, что положения закона, описанные в пунктах решения, не содержат изъятия из правила преимущественного права. Но, как видно из пункта 9, при объяснении подоплеки вопросов федеральный суд по трудовым спорам упомянул, что бременский закон должен толковаться в том смысле, что исключения должны осуществляться в соответствующих случаях.

Положение, имеющее центральное значение для европейского измерения проблемы, излагалось в статье 2(4) Директивы о равном отношении [к мужчинам и женщинам]. Оно звучит следующим образом: “Настоящая Директива осуществляется без ущерба для мер, содействующих равным возможностям для мужчины и женщины, в частности посредством устранения существующего неравенства, которое влияет на возможности трудоустройства для женщин в сферах, упоминаемых в статье 1 (1)”. Европейский Суд уже толковал данное положение в 1988 году, а затем заявил, что оно специально и исключительно предназначено для осуществления мер, которые, хотя внешне и выглядят дискриминационными, на самом деле рассчитаны на то, чтобы устранить или уменьшить число фактических случаев неравенства, которые могут существовать в реальности социальной жизни. (См. пункт 18 решения по делу Каланке).

Более неожиданным было заключение, которое представил генеральный адвокат Италии Тезауро в апреле 1995 года. Он спросил, означает ли выражение ”равная возможность” в статье 2(4) равенство в отношении отправных пунктов или в отношении конечных пунктов. Его ответ можно прочесть в пункте 13 его заключения: “предоставление равных возможностей может означать факт помещения людей в некоторое положение для достижения равных возможностей и, следовательно, восстановления равенства между ними как между лицами двух полов, что касается отправных пунктов.” Другие важные формулировки таковы: “Сам факт, что два кандидата разных полов имеют эквивалентную квалификацию, в действительности подразумеет по определению, что эти два кандидата имели и продолжают иметь равные возможности… Статья 2(4) Директивы все же представляет право вмешательства посредством позитивного действия, но …только с тем, чтобы поднять отправной порог для категории, находящейся в невыгодном положении... Позитивное действие должно, таким образом, быть направлено на снятие препятствий, мешающих женщинам иметь равные возможности, путем осуществления руководства образованием и профессиональным обучением. И наоборот, позитивное действие не может быть направлено в сторону гарантирования женщинам равных результатов в занятии должности, так сказать, в конечных пунктах, путем компенсации за историческую дискриминацию.”

При таком подходе на карту были поставлены не только квоты решений, но и более мягкие формы квот, ориентированных на результат.

Ответ федерального суда по трудовым спорам на вопросы, предложенные Тезауро, содержится в пункте 29 его заключения.

Решение Европейского Суда по делу Каланке слушалось в атмосфере высокого напряжения. Средствам массовой информации было сообщено, что о решении будет объявлено 17 октября 1995 г. в десять часов. Рано утром в тот день мне позвонили из радио- и телевизионных компаний, прося прокомментировать решение. Я ответила им, что не скажу ни слова, не получив достоверной информации из самого суда. Мне предоставили “факсы” из разных источников, и я смогла очень хорошо понять, как начали принимать решение суда в Германии.

Посмотрим, что сказал суд. Во-первых, двумя определяющими пунктами являются пункты 22 и 23. А теперь прочтем сам ответ. Ключевые слова — “абсолютный”, “безусловный” и “автоматический”. Теперь послушаем прессу. Через три минуты после объявления о решении DPA, одно из самых главных информационных агенств, сообщило:

“Европейский Суд провозгласил незаконной квоту для женщин. Положения квоты в пользу женщин нарушают европейский закон. Так было решено сегодня в Люксембурге Европейским Судом. Европейский Суд последовал юридическому заключению своего генерального адвоката. В соответствии с ним основное право человека на равное отношение не может быть нарушено из-за борьбы с невыгодным положением некоей группы в прошлом.”

Прокомментировать эти новости попросили политиков. Сообщение спровоцировало бурную реакцию за и против. Когда другое агенство в 11.30 привело более точный отчет, битва

политиков уже началась и искажения умножились.

Теперь я приведу вам пример того, как сообщение суда было представлено по ТВ. Через день после объявления о решении состоялось ток-шоу на NDR, одной из государственных телевизионных компаний. Во время этого шоу был показан фильм, который дает представление о самих главных актерах драмы.

Всегда трудно убедить людей, что телевидение нередко ошибается. Мой собственный анализ состоял в том, что Европейский Суд ответил на абстрактные вопросы, заданные федеральным судом по трудовым спорам, и это были вопросы о нормах преимущественного права без возможных исключений в пользу мужчин. Так, вопрос о том, совместимы ли нормы преимущественного права, включающие пункты о затруднительном положении, с законодательством ЕС, оставался открытым.

Эффект решения по делу Каланке состоял в том, что попытки содействия равенству были серьезно ослаблены. На следующий день партийный съезд Христианско-демократичекого союза отклонил ходатайство о введении женского кворума на выборах партии, хотя оно было поддержано канцлером Колем. Несколько административных судов придерживались мнения, что даже правила преимущественного права, включающие пункты о затруднительном положении, не соответствуют законодательству ЕС. Некоторые из них утверждали, что, согласно решению федерального суда по трудовым спорам, исходный пункт подразумевался в бременском законе о равенстве и что Европейский Суд упоминал об этом.

Такая обстановка повлияла даже на решения Федеральнго конституционного суда. В 1995 году административный суд города Арнсберг просил Конституционный суд вынести предварительное решение по вопросу, является ли норма преимущественного права земли Северный Рейн-Вестфалия, которая включала четкий пункт о затруднительном положении, совместимый с конституцией. В январе 1996 года судья Конституционного суда поручил административному суду изучить, является ли данный вопрос по-прежнему относящимся к делу в свете решения Европейского Суда по делу Каланке. Административнй суд отозвал дело и принял решение, что норма преимущественного права не имеет юридической силы из-за нарушения законодательства ЕС.

Опять суды по трудовым спорам понимали его по-разному. В марте 1996 года федеральный суд по трудовым спорам вынес свое собственное решение по делу Каланке. Он признал, что норма преимущественного права бременского закона о равенстве не является совместимой с законодательством ЕС, поскольку возможности для исключений недостаточно велики. Но в obiter dictum (особом мнении) он утверждал, что возражения со стороны органа законодательства ЕС, которые сделали неприменимым бременскую норму квоты, не применимы к другим нормам квот, которые предусматривают тщательное изучение каждого отдельного случая.

Федеральный суд по трудовым спорам рассмотрел и заключение Тезауро. Он признал, что не следует делать различия между возможностью и результатом. Суд заявил, что само собой разумеется, невозможно постоянно соблюдать это разграничение в случае приема на работу и продвижения по службе, поскольку на сам отбор влияют обстоятельства, ожидания и предрассудки, которые обычно уменьшают шансы женщин. Но базы для такого разграничения нет также и в правовых терминах. Оно равносильно тезису о том, что ущерб возможностям женщин не может быть компенсирован санкциями, которые налагают прямые обязательства на лиц, принимающих решения, тем самым предотвращая грозящий ущерб. Такой принцип не находит поддержки в статье 2(4) Директивы о равном отношении.

Решение Европейского Суда по делу Каланке шокировало не только женщин Германии. Волна сильной критики была поднята и в других странах. Комиссия ЕС выпустила сообщение, в котором утверждалось, что решением по делу Каланке были отвергнуты системы квот, которые в целом являются жесткими и не позволяют учитывать конкретные обстоятельства. Чтобы покончить с полемикой вокруг толкования решения, в сообщении было выдвинуто предложение прояснить Директиву о равном отношении. Женское лобби настаивало на поправке к Маастрихтскому соглашению.

III. ДЕЛО МАРШАЛЛА

К счастью, административный суд города Гельзенхаргена передал на рассмотрение в Европейский Суд новое дело[8]. Оно касалось господина Маршалла, школьного учителя, который подал заявление, желая занять более высокую учительскую должность в Северном Рейне-Вестфалии. Норма преимущественного права в законодательстве государственной гражданской службы этой земли содержит пункт исключения, который гласит: "если обстоятельства, сопутствующие отдельному кандидату-мужчине, не изменяют равновесия в его пользу." На этот раз в вопросе, переданном на рассмотрение в Европейский Суд, упоминалось о такого рода исключении.

И вновь заключение генерального адвоката оказалось неожиданным. Дело вел Франсис Жакобс. Центральным моментом его мотивировки была статья 2(1) Директивы о равном отношении, которая предусматривает отсутствие какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, прямой либо косвенной, связанной, в частности, с состоянием в браке или семейным положением. Представители Северного Рейна-Вестфалии доказывали, что норма преимущественного права рассчитана на противодействие структурной дискриминации, с которой иначе бы столкнулись женщины из-за традиционных вторичных критериев: мужчину стремились бы назначать на должность выше, чем женщину равной квалификации (а), потому что он, скорее всего, старше и имеет больший стаж, благодаря меньшему количеству перерывов в карьере и (б) "по причине социального характера" — тенденции награждать должностью мужчину-кормильца с иждивенцами, а не жену мужчины-кормильца (п. 7). Жакобс соглашался с тем, что эти традиционные вторичные критерии являются дискриминационными, но все же продолжал: "Оговорка, однако, как представляется, предусматривает, что именно эти критерии могут тем не менее использоваться там, где она применяется, с тем результатом, что должность может быть предложена кандидату-мужчине на основании критериев, которые принято считать дискриминационными. Если основная норма, дающая преимущество женщинам по признаку пола, незаконна, то условная норма, которая либо дает преимущество женщинам по признаку пола, либо дает преимущество мужчинам на основании дискриманационных, по общему признанию, критериев, должна тем более (a fortiori) быть незаконной."

В ноябре 1997 года Европейский Суд достиг изящного компромисса: он нашел различие между делом Маршалла и делом Каланке в исключающей оговорке. После социологического анализа (п. 29) он явно отверг мнение Тезуаро, что один лишь факт, что кандидат-мужчина и кандидат-женщина квалифицированны в равной степени, делает их шансы одинаковыми (п. 30). Такое понимание заставило судей принять, что норма преимущественного права, содержащая исключающую оговорку, может подпадать под статью 2(4) Директивы о равном отношении (п. 31).

Суд отметил, чтозаконодательная норма, которая содержит исключающую оговорку, соответствует статье 2(1), а также статье 2(4) настоящей Директивы, если соблюдены два условия:

1. В каждом отдельном случае норма предусматривает для кандидатов-мужчин, которые квалифицированны в равной степени с кандидатами-женщинами, *гарантию* того, что кандидатуры станут предметом *объективной оценки*, которая будет учитывать все критерии, характерные для этих кандидатов, и лишает юридического действия преимущество, предоставленное кандидатам-женщинам, если один или более из этих критериев изменяют равновесие в пользу кандидата-мужчины; и

2. Такие критерии не являются дискриминационными в отношении кандидатов-женщин.

В отличие от заключения Жакобса, в решении Европейского Суда не было четко определено, какие критерии являются дискриминационными в отношении кандидатов-женщин.

Женщины Германии были восхищены этим решением, но они возрадовались слишком рано. Очень скоро административный суд второй инстанции опять решил дело в пользу конкурента-мужчины[9]. Данное дело касалось нормы преимущественного права закона о равенстве земли Саар, которое содержит такую же исключающую оговорку, как и соответствующая норма земли Северный Рейн-Вестфалия. Несмотря на это, высший административный суд земли Саар не смог гарантировать, что все критерии, являющиеся дискриминационными в отношении женщин, будут приняты во внимание, поскольку другая оговорка в законе запрещала учитывать возраст, стаж работы и время, прошедшее с момента последнего повышения в должности как критерии, если они не связаны с исполнением службы.

В печати утверждалось, что решение по делу Маршалла следовало “читать” в свете решения по делу Каланке. Автор, профессор университета, делал вывод, что при повышении в должности критерий пола сам по себе никогда не может быть определяющим[10].

В деле, появившемся в Берлине как результат конфликта, связанного с продвижением по службе, федеральный суд по трудовым спорам усмотрел, что норма преимущественного права в берлинском законе о равенстве, в котором тоже есть ссылки на необходимость отправлять правосудие в отдельном случае, является совместимой с законодательством ЕС. Тем не менее женщина, хотевшая занять более высокую должность, проиграла. Данную должность уже предоставили конкуренту-мужчине, и суд признал, что в таком случае неправомочно требовать нового назначения, даже если нарушена норма преимущественного права[11].

Само дело Маршалла никогда не было бы решено государственным судом. Оно разрешилось, потому что господин Маршалл и его конкурентка-женщина получили более высокие должности. Но административный суд города Гельзенкирхена имел возможность решить два сопоставимых дела после принятия Европейским Судом решения по делу Маршалла. Он применил довольно тонкий подход. В обоих случаях кандидат-мужчина потребовал промежуточного судебного запрета, чтобы воспрепятствовать выдвижению конкурента-женщины на более высокую должность. В первом случае мужчина не добился успеха[12]. Если сравнивать его стаж со стажем различных конкурентов-женщин, то его стаж работы был либо меньшим либо равным, либо незначительно большим их стажа. Во втором случае суд наложил судебный запрет[13]. На этот раз стаж работы мужчины был на восемь лет больше, и он был почти на шесть лет старше, чем отобранные женщины. Суд доказывал, что, согласно решению по делу Маршалла, следует принять это во внимание. Он отклонил узкое толкование исключающей оговорки, использованное государственной администрацией. Административный суд признал, что исключающая оговорка, толкуемая так, как это сделал Европейский Суд — не просто оговорка о затруднительном положении. Он пришел к заключению: такие вторичные критерии, как стаж работы, время, прошедшее с момента последнего повышения по службе, возраст и социальные аспекты, продолжают иметь значение. Если бы существовали четкие различия в этих отношениях, вторичный критерий “продвижение женщины по службе” мог бы изменить равновесие в ее пользу, только если бы данная женщина находилась в невыгодном положении относительно карьеры, проистекающем из социальной действительности. В деле, решаемом судом, женщина лишь прервала свою профессиональную практику на девять месяцев из-за декретного отпуска. Суд признал, что этого недостаточно, чтобы компенсировать больший стаж и старший возраст конкурента-мужчины.

IV. ДЕЛО КАЛАНКЕ II

События в Бремене показали, что и господин Каланке обрадовался слишком рано. Пока дело находилось в процессе рассмотрения, госпоже Глиссман временно предложили должность управляющего подразделением на основе компромисса в ходе предварительных судебных разбирательств. Федеральный суд по трудовым делам распорядился не повышать господина Каланке в должности, а принять окончательное решение, не применяя нормы преимущественного права бременского закона о равенстве. Суд города Бремена дал свою оценку письменному свидетельству. Результат был тот же: равная квалификация. Поэтому обоих кандидатов решили пригласить на интервью. Между тем Управление парков было преобразовано в государственное предприятие. Это означало, что появились новые требования к управляющим, например: выполнять задачи, максимально заботясь о снижении расходов. Центральным моментом интервью была новая организационная структура и ее воздействие на функции управляющего. Господин Каланке появился с адвокатом. Он был убежден, что может претендовать на эту должность и даже не дал себе труда отвечать на задаваемые вопросы. С другой стороны, госпожа Глиссман показала себя очень хорошо. После интервью работодатель был убежден, что она имеет более подходящую квалификацию. Ей предложили должность управляющего подразделением на постоянной основе.

И вновь господин Каланке пошел в суд. Пока напрасно[14].

V. АМСТЕРДАМСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Амстердамское соглашение призвано вновь изменить правовые рамки политики равенства. В его новой оговорке четко сформулировано: “С целью гарантирования полного равенства между

мужчинами и женщинами в сфере занятости принцип равного отношения не препятствует ни одному из государств-участников поддерживать или применять меры, обеспечивающие особые преимущества, чтобы облегчить полу, который представлен не адекватно, занятие профессиональной деятельностью или предотвратить либо компенсировать невыгодное положение в профессиональной карьере". Это является результатом инициативы, отраженной в п. 50 заключения Жакобса по делу Маршалла. Пределы, какие она устанавливает для правил преимущественного права, остаются по-прежнему вопросом толкования. Итак, непохоже, чтобы решение по делу Маршалла было последним словом Европейского Суда по позитивному действию.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ РЕШЕНИЙ СУДА

22.Согласно статье 2 (IV) существует директива "не противодействовать мерам, направленным на обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин, в частности посредством ликвидации фактически существующего неравенства, которое уменьшает возможности женщин в сферах, указанных в статье 1 (I)".

23. В п.16 решения по делу Каланке суд определил, что общегосударственное положение, согласно которому автоматическое преимущество при продвижении по службе получают претендентки женщины, которые имеют одинаковую с конкурентами-мужчинами квалификацию в тех сферах деятельности, в которых на соответствующих более высоких должностях занято женщин меньше, чем мужчин, приводит к дискриминации по половому признаку в отношении мужчин.

29. Оказалось, однако, как подчеркивали работодатели и многие заинтересованные руководители, что при одинаковой квалификации уже существует сама по себе тенденция повышения по службе конкурентов-мужчин, а не конкурентов-женщин; это связано прежде всего с рядом предубеждений и стереотипных представлений о роли и способностях женщины в профессиональной деятельности и, к примеру, с опасением, что женщины будут часто прерывать свою карьеру, что их рабочий график будет менее гибким из-за загруженности женщин домашними и семейными делами или что они будут часто выпадать из профессиональной деятельности по причине беременности, родов и кормления детей.

30. По этим причинам один лишь факт, что два конкурента разного пола имеют одинаковую квалификацию, не означает, что они имеют равные возможности.

---

1 П. 69 Deutsches Beamtengesetz, RGB1. I 1997, стр. 51. Предшественником этого акта был "Акт о положении женщин-служащих" от 30.05.32 (RGB1, 1932, стр. 245). Им создавалось право увольнять женщин-служащих при равных условиях, но увольнение пока не предписывалось.
2 Акт от 25.04.33, RGBL, 1933, стр. 225.
3 Hiltrud Hantzschel/под ред. Hadumod Bussmann: Bedrohlich gescheit. Ein Jahrhundert Frauen und Wissenschaft in Bayern. Мюнхен 1997, стр. 344.
4 Heide M. Pfarr/Klaus Bertelsmann: Diskriminierung im Erwerbsleben. Ungleichbehandlung von Frauen und Mannern in der Bundesrepublik Deutschland. Баден-Баден 1989, стр. 374.
5 Ausbildungsfragen. В журнале: Deutsche Rechts-Zeitschrift, 1946, стр. 14-15.
6 BT-Drucks, 8/4461.
7 См. п. 7 Gesetz zur Gleichstellung von Frauen und Mannern im Hamburgischen offentlichen Dienst.
8 21.12.95 — 1 K 6303/94.
9 Oberverwaltungsgericht des Saarlandes, 19.1.1988 — 1 V 48/97.
10 Christian Starck, JZ 1998, 140f.
11 Судебное решение от 2.12.97-9 AZR 668/96-пресс-релиз No. 63/97.
12 9.12.97 — 1 L 3468/97.
13 14.2.98 — 1 L 4346/97.
14 Фarbeitsgericht Bremen, 14.11.96 — 6 Ga 109/96 (предварительные судебные разбирательства) и 12.12.96 — 6 Ca

N. Colneric

FROM KALANKE TO MARSCHALL

Summary

In Germany, several types of quotas were introduced to insure equal career opportunities for women and men. Labour courts, administrative courts and the European Court of Justice issued controversial statements

as to the use of positive action machinery in Kalanke case and Marschal case. Some courts consider these mechanisms inlawful, while others recognize them as means to overcome structural inequality.

Е.И. Гапова

СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ

ГАПОВА Елена Ильнинична — доцент Европейского гуманитарного университета, директор Центра гендерных исследований, открытого в 1997 г. при поддержке фонда Макартуров. Автор работ по гендерным проблемам посткоммунизма, опубликованных в Германии, США, Центральной Европе.

Все люди обладают репродуктивными правами, основанными на принципах человеческого достоинства и равноправия. Но женщины играют особую роль в процессе воспроизводства, поэтому репродуктивные права фундаментальны для их социальной судьбы[1] и не могут рассматриваться вне концепции прав женщин как прав человека. Возможность осуществлять свои репродуктивные права зависит от статуса женщин в обществе.

Концепция репродуктивных прав, служащая основой для современнного международного законодательста, охватывает достаточно широкую сферу. Исторически основным вопросом в ней была проблема аборта; в конце XX века человечество столкнулось с необходимостью осмыслить — и отразить это осмысление в праве — появление новых репродуктивных технологий. Предлагаемая ниже статья состоит из трех частей: первая посвящена дискурсу по проблеме аборта, вторая — репродуктивным правам в трактовке международного законодательства, третья — новым репродуктивным технологиям.

ПРОБЛЕМА АБОРТА: СВОБОДА ЛИЧНОСТИ, ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР

С тех пор, как человечество осознало связь между половым актом и наступлением беременности, оно пыталось регулировать рождаемость и народонаселение — точно так же, как и производство пищи. Знахари готовили снадобья, могущие предотвратить зачатие, а старейшины наделялись властью отбраковывать младенцев в зависимости от их физической полноценности или пола. Существует работа антрополога Жоржа Девре, сделавшего, в результате исследования 350 первобытных, древних и доиндустриальных обществ, вывод о том, что аборт является универсальным социальным явлением и что невозможно даже умозрительно сконструировать такое общество, в котором ни одна женщина никогда не испытала бы необходимости к нему прибегнуть[2].

Аборт никогда не был безопасен для здоровья и жизни, однако использовался в дополнение (или вместо) к существовавшим средствам контрацепции: презервативу (для этой цели использовались кишки животных), прерванному половому акту и воздержанию. Все названные средства невозможны без “сотрудничества” сексуального партнера; аборт такого сотрудничества не требовал. Это был один из способов увеличения интервала между появлением детей, так как в среднем на женщину приходилось семь родов, а в некоторых случаях и до двадцати, в результате чего она превращалась в детородную машину. Нередко организм не выдерживал подобной нагрузки, и женшина погибала. Аборт вызывался не только насущной общественной потребностью в регулировании населения, но и индивидуальной потребностью женщины хотя бы в частичной свободе распоряжаться своим собственным телом и своей жизнью: он социален и индивидуален одновременно, как и сам процесс воспроизводства.

Возможность распоряжаться своим телом как непосредственное право человека связана с принципом самодетерминации тела, с “собственностью на свою личность”[3]. Эти идеи по отношению к “человеку вообще” были высказаны в Англии во время буржуазной революции и постепенно стали существенной частью либеральной политической и правовой традиции. Однако для женщин “право на свою личность” в связи с их ролью в процессе воспризводства всегда в большей или меньшей степени ограничивалось обществом. Эти ограничения существовали как в виде социальных норм сексуального поведения женщин, дававших им гораздо меньше свободы, чем мужчинам, так и в виде правового регулирования отношений пола, в частности, контроля воспроизводства.

К середине прошлого века увеличение производства пищи и медицинские меры привели к уменьшению смертности, что способствовало снижению рождаемости: отпала необходимость компенсировать высокую смертность бессчисленными родами. Произошли также кардинальные изменения в экономике. Производство из семьи переместилось на фабрики, и женщина более не могла совмещать производственную функцию с уходом за детьми и домом. Дети же, перестав работать на семейном предприятии, более не приносили доход, а, наоборот, требовали вложения денег, поэтому многодетность стала доступна не всем. Постепенно все большее количество женщин начинают работать вне дома, становясь менее экономическими зависимыми от мужчин, однако это было бы невозможно без использования ими средств регулирования рождаемости. Исторически аборт являлся частью социальной реальности репродукции, которая изменялась в зависимости от того, кто (какая социальная группа) контролировал воспрозводство населения, какими методами и с какой целью. В XIX веке, когда аборт начал восприниматься в контексте процесса эмансипации женщин и связываться с правом самостоятельного регулирования промежутка между родами и их количеством, а следовательно, распоряжения своей судьбой, государства объявляют запрет на аборт, который был снят, во многих странах частично, только в нынешнем столетии.

Законы против аборта в разное время обосновывались борьбой профессиональной мужской медицины с бабками-знахарками; стремлением белого католического и протестантского населения сохранить численное превосходство над новыми эмигрантами и цветными; заботой о сохранении традиционных ценностей и женской чистоты (двойной стандарт не налагал таких ограничений на мужчин). В конце XX века эта борьба сосредотачивается вокруг эмбриона: его спасение отождествляется со спасением нации, генофонда, государственной независимости, культуры и так далее. Возникает концепция "прав эмбриона" и движение "pro-life": за жизнь зародыша. Например, принятый в 1993г. в Польше антиабортный закон назывался "Закон о планировании семьи, *защите человеческого эмбриона* и условиях легальных абортов". Согласно ему, аборт может быть произведен только в следующих случаях:

1) когда беременность представляет угрозу жизни или серьезную угрозу здоровью матери, что подтверждено двумя врачами, один из которых не участвует в производстве аборта;
2) результаты дородового осмотра, подтвержденные двумя врачами, один из которых не участвует в производстве аборта, свидетельствуют о серьезном, необратимом повреждении эмбриона;
3) есть подтвержденные прокуратурой основания полагать, что беременность наступила в результате противозаконных действий[4].

Этот закон ограничивает право женщины на принятие репродуктивного решения, безусловно отдавая приоритет правам эмбриона, что спорно, так как зародыш не жизнеспособен вне тела женщины.

Американская исследовательница Р. Печески[5] считает, что движение pro-life, создавая образ матерей, от которых надо защищать их собственных детей, оправдывает появление сильного мужского лидера нации. Государство использует эту идеологию как способ сместить общественное внимание с неспособности решить вопросы занятости, обеспечения жильем, образования, медицинского обслуживания и экологии и переключить его на контроль над женским поведением. Обычно эта идеология связана со становлением национальных государств, что происходит сейчас в некоторых странах Центральной Европы, с усилением роли церкви (как в Польше), либо с приходом к власти недемократических политических сил. Изменение в какой-то стране устоявшегося отношения к аборту свидетельствует о том, что прозошли серьезные сдвиги в распределении власти в обществе.

Дискуссия вокруг аборта в гораздо меньшей степени порождена заботой о судьбе плода, чем беспокойством о том, что женщины видят для себя иные роли в жизни. В публикации в белорусской газете "Літаратура і мастацтва" приводятся следующие аргументы: "Жанчыны… паддаліся хваробе… эгаізму… Апошнім жа часам усе больш паяуляецца гэткіх бізнес-лэдзі, якія і не думаюць раджаць дзяцей; кідаць высокааплачваемую працу і сідзець дома з дзіцем ім проста сумна і зневажальна"[6]. Согласно этой логике, женщина виновна, осуществляя свое право работать (что обычно является для нее необходимостью). Чувство вины "за грех" постоянно подкрепляется обществом: "Народная газзета" печатает заметку о росте числа абортов в стране под рубрикой "Не греши" и заканчивает ее словами о том, что "якія б не былі эканамічныя

цяжкасці, апраудання такім жанчынам няма"[7]. Очевидно, что всю ответственность общество перекладывает на женщину.

Проблема аборта — это арена широкой идеологической борьбы по таким вопросам, как семья, государство, материнство и сексуальность, в особенности, женская. Если ранее секс как грех оправдывался деторождением, то появление современных средств контрацепции позволило разделить эти понятия. Смыслом сексуальных отношений становится не только деторождение, а достижение близости и получения удовольствия. Это означает исчезновение определенных табу и перестройку в содержании понятий греха и морали, что трудно осмысливается.

Проблема аборта — это также проблема прав граждан и прав государства: где кончаются одни и где начинаются другие? До какой степени государство имеет право вмешиваться в частную жизнь граждан, если само понятие частной сферы формируется в отношениях гражданина с государством? Например, Чаушеску говорил, что "зародыш является собственностью румынской нации". Во время его правления аборты в Румынии были не только запрещены, но все женщины регулярно подвергались принудительному гинекологическому осмотру с целью выявить, не скрывают ли они беременность. Подобные меры означают полное пренебрежение женской субъектностью, поэтому защитники аборта формулируют право на него именно в терминах личной свободы. Оно понимается ими как право женщин не быть средством воспроизводства человеческого материала, не быть "беременным телом"[8]. Как указывает Е.А. Баллаева, у нас (имеется в виду Россия, но в Беларуси ситуация та же) аборт легализован, но не на языке равноправия женщины, а на языке вынужденной необходимости. Безусловно, если государство не в состоянии обеспечить достаточно надежные, безопасные и экономически доступные средства контрацепции и научить их использованию, оно не имеет права запрещать аборт.

Если же государство затинтересовано в повышении рождаемости, оно разрабатывает такую социальную политику, при которой еще один ребенок не рассматривается семьей как лишний рот. Оно дает на детей дотации, сравнимые с пенсиями, строит просторные квартиры и разрабатывает такую концепцию зарплаты, чтобы один работающий мог содержать семью: врядли можно ожидать, что в многодетной семье оба родителя могут работать вне дома. Если же государство пытается действовать по принципу "вы не хотите, а мы вас заставим", то обычно это приводит к многочисленным трагедиям. После введения польского закона увеличилось количество подпольных и немедицинских абортов, брошенных детей, а также появился аборт-туризм. В Беларуси в 1997г., когда возникла спровоцированная государством дискуссия по проблеме аборта, значительно увеличилось количество женщин, которые пытались прервать беременность сомнительными химическими средствами, после чего обращались к врачам.

Средства, способствующие регулированию рождаемости, принимаются или отвергаются обществом, что находит отражение в праве, и их нельзя рассматривать вне исторического контекста. Известно, что уровень абортов был чрезвычайно высок среди черных рабов Америки: женщины не хотели рожать детей в рабство. Вообще, женщины не против детей. Они просто хотят иметь желанных детей в желанное время.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА В ТРАКТОВКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

Понятие репродуктивных прав включает целый перечень специфических прав, центральным из которых является право на принятие независимого и свободного репродуктивного решения, то есть право распоряжаться своим телом и принимать решения, связанные с репродукцией, сексуальностью и благополучием[9]. Далее в эту группу входят права, связанные с вопросами защиты репродуктивного здоровья: аборт, безопасное материнство, проблемы подростков, СПИД и заболевания, передаваемые половым путем, а также насилие против женщин. В разделе рассматривается интерпретация этих прав международным сообществом: в документах ООН или в резолюциях и конвенциях, принятых на последних конференциях ООН по народонаселению и проблемам женщин. Это Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-

* *При подготовке этой части статьи использована работа "Promoting Reproductive Rights: A Global Mandate", изданная в Нью-Йорке Центром репродуктивного законодательства и политики в 1997 г.*

Жанейро, 1992); Всемирная конференция по правам человека (Вена, 1993); Международная конференция по народонаселению и развитию (Каир, 1994); Четвертая всемирная конференция по положению женщин (Пекин, 1995).

1. Принятие репродуктивного решения

Права, связанные с принятием репродуктивного решения, были впервые признаны в решениях ООН еще в 1968г. (на Тегеранской Конференции по правам человека); тогда они распространялись на группы людей, называемых родителями. Современное понимание этого права было сформулировано на Конференции по народонаселению (Мехико, 1984) следующим образом: "Все пары и отдельные лица обладают фундаментальным правом принятия свободного и ответственного решения относительно количества детей и длительности периода между их появлением, а также доступа к информации, просвещению и средствам для обеспечения этого…"[10].

Основным изменением, отразившемся в новом определении, является расширение категории лиц, обладающих правом репродуктивного решения, до отдельных лиц и пар. Это означает признание мировым сообществом того, что право на репродукцию принадлежит не только семьям, но всем людям. Вторым важным моментом является требование не только информации и просвещения в соответствующей области, но и средств (методов и ресурсов) для осуществления репродуктивных прав.

Все последующие дискуссии признают право решения основным среди всех репродуктивных прав. В частности, состоявшаяся в 1994г. Каирская конференция по народонаселению, явившаяся во многих отношениях новаторской, отмечает важность как национального (внутреннего), так и международного законодательства для защиты этого права. Однако формулировки, принятые в международных актах, оставляют открытыми значительное количество вопросов, связанных с его осуществлением. Одним из главных является вопрос о соотношении между понятиями свободы и ответственности. Что такое ответственное поведение и кто может решить, что поведение является ответственным?

Второй круг вопросов относится к выражению "отдельные лица и пары". Вытекает ли из выражения "отдельные лица" то, что мужчины и женщины обладают равным правом принятия репродуктивного решения, даже если именно женщины вынашивают и рожают ребенка и обычно выполняют работу по уходу за ним? Кто может разрешить возникший между партнерами спор? Международные документы не дают полноценных ответов на эти вопросы; вместе с тем ясно, что существуют многочисленные факторы, которые могут ограничивать право на принятие репродуктивного решения. Это культурные нормы, религия, политика государства, семья или сексуальный партнер.

Международные документы также не определяют тот набор прав, который позволяет лицам осуществлять право принятия репродуктивного решения. Например, распространяется ли доступ к информации и просвещению на все аспекты репродукции или только те, которые признаются данным правительством, семьей или религией? Включает ли понятие "средств" доступ к широкому спектру методов контрацепции, к которым относятся аборт или стерилизация, или только к так называемым "естественным" методам планирования семьи? Означает ли право на "информацию, просвещение и средства" обязательность осуществления правительством этих мер и предоставления финансовых ресурсов для этого, если пара испытывает в них недостаток? Или это означает, что государство всего лишь не мешает гражданам самим получать эти ресурсы? Существует ли право не пользоваться методами планирования семьи, даже если государство желает, чтобы они использовались?

Не давая исчерпывающих ответов, документы, принятые, например, в Мехико, отмечают, что информация, образование и средства должны включать все "медицински оправданные и подходящие методы планирования семьи, включая национальные"[11]. Очевидно, что такая формулировка оставляет правительствам значительную свободу выбора при решении вопроса о том, что является "подходящим" и "медицински оправданным".

Упомянутая уже Каирская конференция знаменательна еще тем, что в ее Программе действий впервые открыто указывается несовместимость принятия репродуктивного решения с дискриминацией, принуждением или насилием, а также признается, что осуществление репродуктивных прав невозможно без развития взаимоуважительных и равноправных отношений

между полами.

2. **Репродуктивное здоровье.**

Право на репродуктивное здоровье основывается на международном праве человека на здоровье и на правах, связанных с доступом к медицинским услугам и информации, относящимися к репродукции. Важным международным документом в этой области является Конвенция по искореннению всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), в которой неоднократно утверждается право на информацию и консультирование по планированию семьи, право на охрану репродуктовной функции, право на услуги здравоохранения, включая связанные с планированием семьи, на "основе равноправия мужчин и женщин"[12]. Женская конвенция, выдвигая требования на право репродуктивного здоровья, тем не менее ограничивает это право, так как требование его осуществления на основе равноправия мужчин и женщин не учитывает того огромного значения, которое репродукция имеет для социальной жизни женщин.

Кроме того, Женская конвенция не учитывает того, что в некоторых странах мира женщины неравноправны в сфере сексуальных отношений, а потому возникает необходимость предусмотреть законодательную реакцию на фактическое неравенство. Теоретически возможна ситуация, при которой в некоторой стране женщинам не будет предоставляться право на услуги в сфере репродуктивного здоровья и тем не менее эта практика не будет вступать в противоречие с требованиями Женской конвенции, если мужчины также не обладают этим правом.

Впервые репродуктивное здоровье в контексте человеческого развития было определено на Каирской конференции как "состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни или увечья во всем, связанном с репродуктивной системой, ее функциями и процессами"[13], а охрана репродуктивного здоровья как "объединение методов, технологий и услуг, которые защищают репродуктивное здоровье посредством предотвращения и решения проблем в этой сфере". В этот перечень входят: консультирование, информирование, просвещение и услуги по планированию семьи; обучение и обслуживание беременных, обеспечение безопасных родов, патронажный уход за матерью и новорожденным; предупреждение и лечение бесплодия; предупреждение аборта и борьба с его последствиями; выполнение аборта, где таковой легален; лечение инфекций репродуктивной системы, включая СПИД и рак груди; борьба с традициями, которые могут угрожать репродуктивному здоровью (такими, как принятая в некоторых странах "женская кастрация"); просвещение и информирование о сексуальности человека и ответственном родительстве.

Каирская программа действий рассматривает репродуктивное здоровье и его защиту широко, признавая "право на достижение максимально высокого возможного уровня физического и умственного здоровья"; она также включает возможность удовлетворительной и безопасной сексуальной жизни. Охрана репродуктивного здоровья должна распространяться на весь период жизни человека, включая детство, подростковый возраст и старость, а не только репродуктивный период. Безусловно, что те идеи, которые положены в основу Каирской программы, предполагают значительное усиление ответственности государства и дополнительные меры по обеспечению репродуктивного здоровья.

Вместе с тем, рекомендации Каирской конференции налагают определенные ограничения на доступность услуг по охране репродуктивного здоровья, указывая, что ее методы должны быть "приемлимыми" (для некоторой культуры) и "не противоречащими закону". Возникает вопрос о том, кто наделен правом решать, что именно приемлимо: очевидно, что это не сама женщина, особенно в части непротиворечия закону.

2а. Аборт

Проблема аборта нашла отражение в документах ООН только после 1992г. Ранее правительства поощрялись к тому, чтобы "предпринимать соответствующие шаги с тем, чтобы помогать женщинам избегать аборта, который ни в коем случае не может поощряться в качестве метода планирования семьи и, если это возможно, гуманно обходиться и обеспечивать психологическое консультирование женщин, которые прибегли к аборту"[14]. В связи с приведенной формулировкой возникает вопрос о том, рассматривается ли все-таки аборт как метод планирования семьи в том случае, если к нему прибегают для увеличения интрквала между появлением детей. Являет-

ся ли любая процедура, приводящая к увеличению периода между родами, методом планирования семьи?

На Каирской конференции по народонаселению было признано, что немедицинский аборт является проблемой общественного здравоохранения, а государства были призваны проявлять сочувствие по отношению к женщинам, прибегнувшим к аборту. Сохранив положение о том, что аборт не должен становиться методом планирования семьи, документы конференции призывают обратить особое внимание на проблемы женщин, столкнувшихся с нежелательной беременностью. Предотвращение и уменьшение числа нежелательных беременностей должно быть достигнуто посредством расширения и улучшения услуг по планированию семьи.

2б. Безопасное материнство

В 1994 г. Всемирная организация здравоохранения дала следующее определение безопасного материнства: "Безопасное материнство означает достижение оптимального здоровья матери и ребенка. Оно подразумевает снижение материнской и младенческой смертности и усиление заботы о здоровье новорожденного, что осуществимо при доступности мер по охране здоровья, включая планирование семьи, медицинское обслуживание беременности, родов и послеродового периода". В документах Каирской Конференции по народонаселению безопасному материнству посвящен специальный раздел. В нем рассматривается тот вред, который может нанести здоровью женщины беременность в тех случаях, когда женщина не может выносить ребенка, однако все же пытается это сделать, а также опасность криминальных абортов.

2в. Подростки

Признав, что репродуктивные права и репродуктивное здоровье подростков оставались вне сферы внимания мировой общественности, документы ООН последнего десятилетия, взяв за основу Конвенцию о правах ребенка, призывают правительства организовывать специальные обучающие программы для подростков. Их содержание должно включать информацию о роли, правах и обязанностях родительства, а также о методах планирования семьи. Цель же состоит в том, чтобы помочь подросткам осмыслить тот возраст, в который они вступают, а также уберечь их от нежелательных беременностей и СПИДа. Среди психологов и педагогов во всем мире идет спор о том, предотвращает ли половое просвещение подростковую беременность и распространение заболеваний или, наоборот, стимулирует интерес к этой сфере. Поэтому в документах Каирской конференции отмечается, что половое просвещение должно вестись с учетом национальных традиций и культурных особенностей каждой страны, а Пекинская конференция призывает учитывать прежде всего интересы ребенка.

2д. СПИД и болезни, передающиеся половым путем

В документах ООН с тревогой признается, что количество заболеваний, передающихся половым путем, растет. Особую озабоченность вызывает распространение СПИДа, а также тот факт, что 4/5 страдающих от него людей живут в неиндустриальных странах (именно этот термин используется в решениях Каирской конференции). Особенно страдают женщины, становящиеся жертвами рискованного сексуального поведения партнеров: вероятность передачи заболевания от мужчины к женщине выше, чем от женщины к мужчине; кроме того, женщины, обладая меньшей властью в обществе, часто не имеют возможности отказаться от нежелательной половой близости, а симптомы заболевания у них довольно долго остаются скрытыми.

Люди с вирусом приобретенного иммунодефицита часто подвергаются дискриминации; осуждая ее, решения многочисленных международных конференций направлены на поиск средств и методов борьбы со СПИДом.

2е. Насилие против женщин

После состоявшейся в 1985г. Всемирной конференции в Найроби насилие против женщин, почти не рассматриваемое ранее как значимая проблема, попало в фокус общественного внимания в качестве критического нарушения прав женщин и проявления дискриминации по признаку пола. В Декларации ООН по искоренению насилия против женщин оно было определено как "любой акт насилия, основой которого являются половые различия, результатом которого является причинение физического, сексуального или психологического ущерба или страдания женщине, включая такие действия как принуждение или ограничение свободы как в общественной, так и в частной жизни"[15].

Насилие может осуществляться как в семье (то есть частным лицом), так обществом или государством. Значительное количество актов насилия против женщин остаются скрытыми и до последнего времени не привлекали внимание социологов и юристов: с одной стороны, их трудно выявить традиционными методами, с другой — это считалось сферой частной жизни, в которую государство не должно вмешиваться.

Огромная роль в визуализации насилия против женщин принадлежит неправительственным организациям. Они привлекли внимание к существующей в некоторых африканских странах традиции ритуального калечения женщин (удаления клитора) как средства контролировать их сексуальное поведение. Они заставили мировое сообщество признать сексуальное насилие во время вооруженного конфликта (это произошло во время событий в бывшей Югославии) в качестве военного преступления. Ранее существовала популярная версия, что "разгоряченные войной мужчины не могут удержаться". Тот факт, что они "не могут удержаться" только по отношению к женщинам побежденной нации, во внимание не принимался. После выступлений югославских женщин мировое сообщество официально признало сексуальное насилие со время вооруженного конфликта способом ведения войны, этнической дискриминации и нарушеним прав человека. В этой связи уместно вспомнить, что нацисты в своей войне с "низшими расами" помещали в центр геноцида именно женщин как матерей, способных еще родить детей той национальности, которая должна быть уничтожена. Об этом говорил Гиммлер в речи 1943 г.[16]

Неправительственные организации заставили осудить в международных документах практику предпочтения ребенка мужского пола. Во многих странах это приводит к абортам в тех случаях, когда ультразвуковое тестирование выявляет эмбрион женского пола, к более высокой смертности младенцев-девочек, к задержкам в развитии в результате того, что девочкам дают меньше пищи, чем мальчикам. Кроме того, у них меньше шансов получить образование и пользоваться услугами здравоохранения. Эта практика признается нарушением прав женщин как прав человека.

НОВЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Общественная дискуссия вокруг проблемы аборта, с одной стороны, и гигантский технологический прогресс, сделавший возможным многое из того, что ранее казалось немыслимым, в том числе "нетрадиционные способы" зачать и родить ребенка, с другой, неизбежно порождают новые вопросы относительно репродуктивных прав. Сейчас на Западе достаточно широко используются такие методы как искусственное осеменение; оплодотворение *in vitro* — в искусственной среде с последующей пересадкой зародыша в матку женщины, которая иначе неспособна зачать; а также суррогатное материнство: зародыш, полученный слиянием мужской и женской клеток, помещают для вынашивания в тело женщины, которая в таком случае не является генетической матерью. Можно ли все же считать ее биологической матерью? И сколько матерей может быть у человека? Кроме того, если существует право на аборт, то есть право *не* воспроизводить потомство, возможно, должно существовать и "противоположное" право его воспроизволить и прибегать к описанным технологиям? Но кто может обладать этим правом: только состоящие в браке гетеросексуальные пары, или одинокие люди, или гомосексуальные пары, чьи браки регистрируется сейчас в некоторых странах?

Принять законы, отвечающие на эти вопросы (что время от времени пытаются делать Конгресс США и парламенты европейских стран), означает признать или отвергнуть те фундаментальные изменения в концепциях семьи и родительства, которые происходят на пороге XXI века. Может ли стать отцом умерший человек, если его сперма находится в банке спермы и теоретически возможно использовать ее для зачатия? На последний вопрос уже пришлось отвечать американскому суду, когда умерший оставил завещание, в котором выразил волю, чтобы жена родила его генетического ребенка. Суд решил, что посмертного права на воспроизводство не существует. Однако врядли можно считать вопрос полностью закрытым, ведь опыты по клонированию уже порождают дискуссии о том, что такое личностность и как ее вписать в сферу права.

Если мужчина может быть донором спермы, что позволяет многим бездетным парам

родить долгожданного ребенка, то имеет ли право женщина продать свои яичники? Не приведет ли это к соблазну продавать свои органы многих женщин, испытывающих острую экономическую нужду? Но, с другой стороны, морально ли оставлять без помощи тех, кто хочет детей, но не может зачать?

Если рассмотренные выше проблемы относятся к сфере этики и вторжению человека в ту область, которая ранее считалась подвластной только Создателю (а это означает нормативную трансформацию, осмысливать которую предстоит нашим потомкам), то предмет дальнейшего обсуждения относится скорее к страховой медицине. Весной 1998 года в США было объявлено об окончании клинических испытаний и появлении на рынке препарата от мужской импотенции Viagra. О лекарстве сразу же стали много писать в прессе: в Америке сексуальное удовольствие считается одной из наиважнейших ценностей (не будем касаться вопроса о сущности интимной близости). Таблетка стоимостью десять долларов обеспечивает эрекцию для одного полового акта, и всего за несколько месяцев врачи выписали 47 млн. рецептов, 47% из которых были оплачены за счет медицинской страховки. Одновременно возникла дискуссия, какое количество таблеток человек может получить таким образом бесплатно. Является ли одна таблетка в неделю нормальным сексуальным рационом — и что такое сексуальная норма, если речь идет о количестве? Женщины детородного возраста, для которых получение сексуального удовольствия невозможно без существования надежных и безопасных средств контрацепции, стоимость которых чрезвычайно редко включается в медицинскую страховку, стали задавать закономерный вопрос о том, почему они в таком случае должны платить из своего кармана. В Сенат США был внесен законопроект о включении контрацептивов в список препаратов, которые оплачивает страховая медицина. Пока еще рано говорить о будущем законопроекта, однако есть все основания полагать, что взбудораженное общественное мнение на этот раз отстоит равноправие[17].

Международное сообщество приняло немалое количество актов и рекомендаций, касающихся репродуктивных прав и репродуктивного здоровья, однако оно не выработало полноценной стратегии для их воплощения. Это особенно очевидно в тех случаях, когда решения международного сообщества вступают в противоречие с национальной культурой: приктически все традиционные культуры характеризуются двойным стандартном при оценке репродуктивного и сексуального поведения мужчин и женщин. Считается, что женщина должна следовать традиции, в то время как мужчина обладает определенной свободой. Дискриминация женщин в этой сфере — это часть их общей социальной дискриминации. Осуществление же репродуктивных прав является той основой, без которой не может быть построено общество фактического равенства мужчин и женщин.

---

[1] Баллаева Е.А. Репродуктивные права женщин как проблема гендерных исследований, “Материалы Превой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям “Валдай-96”, М., 1997

[2] Devereux, George. A Typological Study of Abortion in 350 Primitive, Ancient and Pre-Industrial Societies.// Abortion in America. Boston: Beacon, 1967.

[3] R. P. Petchesky. Abortion and Woman’s Choice. The State, Sexuality and Reproductive Freedom. Northeastern University Press, Boston, 1990 edition.

[4] Новицка, Ванда, Результаты антиабортного закона, действующего в Польше с 16 марта 1993г., “Диалог российских и американских женщин”, 1997, № 2, с.22.

[5] R. P. Petchesky. Там же.

[6] “Літаратура І мастацтва”, 1998, 13 лютага.

[7] “Народная газета”, 1996, 14 верасня.

[8] Баллаева Е.А. Там же.

[9] Recommendations for the Further Implementation of the World Population Plan of Action.// Report of the International Conference on Population, Mexico City, 1984.

[10] Recommendations for the Further Implementation of the World Population Plan of Action.// Report of the International Conference on Population, Mexico City, 1984.

[11] Recommendations for the Further Implementation of the World Population Plan of Action.// Report of the International Conference on Population, Mexico City, 1984.

[12] Women’s Convention, art. 12.

[13] Cairo Program of Action, art. 7.2.

[14] Recommendations for the Further Implementation of the World Population Plan of Action, in Report of the International Conference on Population, Mexico City, 1984.

[15] Declaration on the Elimination of Violence Against Women, 1993.
[16] Bock, Gizela, "Gender Politics and Women's History" in A History of Women. Towards a Cultural Identity in the Twentieth Century, The Belknap Press of Harvard University Press, 1994, p.157.
[17] Roseman, Mindy Jane, "Women's Rights in the United States: recent developments", presentation at the "Women's Rights within the Context of European Integration" workshop, International Institute for the Sociology of Law, Onati, Spain, May 28-29, 1998.

E. Gapova

THE CONTEMPORARY CONCEPT OF REPRODUCTIVE RIGHTS

Summary

The three issues in the focus of the paper are 1. The abortion debate; 2. Reproductive rights in contemporary international law and 3. Legal debate around new reproductive technologies.

РАЗДЕЛ III. ОБЗОРЫ

F. Ferguson

PORNOGRAPHY: THEORY

Ф. Фергюсон

ДЕБАТЫ О ПОРНОГРАФИИ

ФЕРГЮСОН Фрэнсис — профессор гуманитарных дисциплин в Университете Джонса Хопкинса (США), известная исследовательница теории либерализма.

Ниже предлагается реферативное изложение ее работы “Порнография: теория”[1], освещающей основные философско-правовые дискуссии вокруг проблемы порнографии.

Споры относительно сущности порнографии, о том уроне, который, возможно, ее распространение наносит обществу и мерах по ее ограничению, имеют долгую, в том числе и юридическую, историю. До некоторого времени эти дебаты относились более всего к сфере морали: считалось, что порнографическая продукция способствует падению нравов. Возникшая в 1960-х годах на Западе волна феминистского движения, а вместе с ним и распространение взглядов на проблематику пола, перенесли сущность спора в иную плоскость: порнография начала рассматриваться как элемент культуры насилия и дискриминации по признаку пола, а это уже относится к сфере распределения власти в обществе. Аргументы одних за ограничение и цензурирование порнографии наталкивались на серьезные контраргументы других, причем обе стороны заявляли, что выступают с позиций демократии и защиты прав человека. Обе точки зрения находили в свое время отражение в законодательстве: преобладала то одна, то другая.

Аргументация за ограничение порнографии последовательно и концентрированно отражена в ставшей классической на Западе работе исследовательницы-юриста К. МакКиннон “Сестра Фрэнсиса Бидла: порнография, гражданские права и свобода слова”[2], в которой она рассматривает это социальное явление как “один из видов дискриминации по признаку пола”, совместивший в себе исторически легализованный способ откровенного изображения всего, связанного с сексом, и отношения, лежащие в основе неравенства полов — субординацию”. К. МакКиннон считает, что порнография — это действие или серия действий, определенным образом связанных с поведением людей. По ее мнению, вред порнографии не в том, что она изображает, а в том, что она “делает”, т.е. на какие поступки толкает потребителя соответствующей продукции. Ф. Фергюсон в работе “Порнография: теория” (1995) рассматривает порнографию только как объект или множество объектов (например, изображений) и пытается понять, что она собой представляет.

Позиция, выразителем которой является МакКиннон, логически предполагает, по мнению ее оппонентов, введение цензуры на порнографию, что многими юристами и философами права рассматривается как попытка подавления инакомыслия: в свободном демократическом обществе любое ограничение прав личности (в том числе и ограничение прав на потребление порнографической продукции) является нарушением исходных принципов этой демократии. В Великобритании и США существует давняя юридическая традиция защиты права человека на самовыражение, даже если таковое происходит посредством порнографии.

Пытаясь обосновать необходимость ограничительных мер, их сторонники обычно ссылаются на исследования и статистические данные, которые выявляют причинную связь между порнографией и так называемыми преступлениями по имитации (например, изнасилованием и убийством). Их оппоненты утверждают, что найти данные, опровергающие эту точку зрения, также достаточно просто. На Западе очень широко известны работы Берла Кучински, посвященные изучению конкретных законодательных изменений и их последствий на примере Дании. Как известно, там в 1967 г. были сняты запреты на текстовую порнографию, а в 1969 – на

визуальную. Легализация в этой сфере привела, как полагает Кучински, к значительному уменьшению сексуальных преступлений против детей. Кроме того, многие исследователи полагают, что причинную связь между порнографией и сексуальными преступлениями против женщин нельзя считать установленной еще и потому, что, несмотря на ее распространение, значительное количество женщин не были жертвами таких преступлений и не считают, что порнография создает для них какую-либо угрозу.

В обществе, признающем существование порнографии как социального явления, традиция обсуждения этой проблематики, в основе которой лежит все тот же вопрос о необходимости юридических мер по ее ограничению, находится в контексте более широкого общественного дискурса о сущности современных демократических обществ. А именно: каким образом эти общества могут влиять на тенденции, которые они сами порождают? Как избежать однозначных ограничительных мер, которые можно определить всего лишь как установку на соответствие определенному общественному стереотипу? Философская база для обсуждения вопроса — понятия эстетической нормы, оценки, стереотипа — разработана еще Кантом в "Критике способности суждения". Стереотип потому и является стереотипом, что отражает некоторую признаваемую большинством оценку, однако при этом не учитывается мнение тех, кто думает иначе. Эти рассуждения, типичные для теории классического либерализма, приобретают новый смысл в контексте порожденной феминизмом дискуссии о правах женщин. Ее исходным постулатом можно считать утверждение: именно потому, что женщины являются дискриминируемой группой, они используются в качестве объектов для производства порнографической продукции, изображающей их обычно в унизительных сценах, нередко в качестве объектов насилия, лишенных индивидуальности либо вообще личностности.

Такие изображения наносят вред всей группе (т.е. всем женщинам), так как препятствуют достижению некоторых значимых для них целей. В этой связи логично упомянуть, что в действующем в Америке Кодексе законов о гражданских правонарушениях ценность индивида ставится в зависимость от какого-либо происшествия, не позволившего ему/ей достичь некоторой своей ценности, которую бы он/она достиг/ла, если бы данное происшествие не прервало нормальный ход событий. Этот свод законов является попыткой компенсировать человеку ущерб за его/её потенциально возможную безупречную репутацию, неповрежденную собственность и отличное здоровье, которые не стали реальностью. В вопросах женского равноправия логическая опора на Кодекс возможна, например, при описании сексуальных домогательств на рабочем месте как происшествий, помешавших ему/ей достичь некой планируемой, желаемой ценности. По мнению некоторых экспертов, изображение отдельных женщин как предметов сексуального потребления для мужчин отражается на общем образе женщины.

Иногда в философских и юридических дискуссиях по этому вопросу современное общество определяется как "созданное порнографией" в смысле распределения в нем значимых ролей: представители тех групп, которые наиболее часто становятся объектами соответствующих изображений (женщины, дети, цветные), редко занимают в этом обществе значимые (властные) позиции. Именно поэтому порнографию можно рассматривать как дискриминацию по признаку пола, а такой подход помогает лучше понять проблемы, связанные с равенством людей и важность для достижения равенства искусственно создаваемых сред (например, рабочее место или школа). Эти среды способны изменять ценность человека внутри общества, а право входить в них является одним из основополагающих. Порнография может рассматриваться как попытка ограничения доступа индивида в те группы, в которых происходит изменение его/ее значимости, а поэтому как преступление против равноправия.

В 1983 г. мэрия города Миннеаполиса (штат Миннесота) приняла постановление[3] о порнографии, в разработке которого участвовали две известные исследовательницы этой проблемы А.Дворкин и К.Мак-Киннон, выступающие как активистки женского движения за ограничение порнографии, потому что ее существование противоречит идеям равенства. Одна из статей постановления гласит: "…совет города Миннеаполиса считает порнографию одной из центральных причин появления и поддержания неравенства в обществе. Порнография как систематическая эксплуатация женщин и подчинение на основе секса наносит вред женскому населению. Фанатизм и неуважение, которые порнография поощряет, а также идеи насилия, которые она воспитывает, не позволяют женщинам полностью использовать права на работу, образование, частную

собственность, пользоваться общественными учреждениями и социальным обслуживанием; порнография также создаёт условия для социального насилия и клеветы, содействует распространению таких преступлений, как изнасилования, избиения и проституция, мешает применению законодательства по фактам совершения названных преступлений; порнография существенно ограничивает возможности женщин пользоваться общими правами граждан, принимать участие в общественной жизни и наносит вред отношениям между полами, подрывает возможности женщин пользоваться правами на свободу речи и на действия, которые гарантируются всем гражданам Конституцией США и законами штата Миннесота".

На это постановление мэр Миннеаполиса наложил вето, затем оно было принято в переработанном виде и в 1984 г. отменено. Заявления, подобные постановлению, сейчас звучат все чаще, обвиняя порнографию в создании женоненавистнического поведения, которое выражается в имитировании действий, увиденных, например в порнофильме. Это дает основание утверждать, что уничтожение порнографии позволило бы снизить уровень проявления ненависти по отношению к женщинам. Это верно, но только отчасти. В соответствии с постановлением мэрии г. Миннеаполиса, порнография, "поощряя", "содействуя", "воспитывая", является не чем иным как некой формой языка, то есть порнография как бы предоставляет идеи. Но в этом случае возникает вопрос о состоятельности обвинений порнографии в действиях, основанных на выраженных в ней идеях Если руководствоваться утверждением о существовании подобной связи, то способность представить в воображении какое-либо действие должна получать продолжение и быть функционально эквивалентна совершению данного действия в действительности.

Несогласие с данной линией аргументации выразили многие. Сара Даймонд (автор некоторых работ по вопросам порнографии), например, говорит, что проблема К.Мак-Киннон и А.Дворкин состоит в неспособности различить демонстрирование какого-либо действия и само действие[4]. Лиза Дугган и ее соавторы по работе "Лживые обещания: законы в защиту феминизма и против порнографии"[5] в своем выступлении против идей К.Мак-Киннон и А.Дворкин указывают на то, что последние приравнивают образное представление действий к самим действиям, как будто путь восприятия какого-либо образа для всех один и тот же. По их мнению, существует множество образов, влияющих на поведение человека, и списывать все на порнографию было бы ошибочно. Например, религия в свое время достигла намного больших результатов в воспитании ненависти к женщинам. Ведь не порнография приводила к сожжению ведьм или к принятию в Англии закона, который относил женщин к движимой собственности. Противники цензуры иногда даже указывают на положительное воздействие порнографии, так как она позволила "отказаться от неких традиционных правил в сексе, а также подчеркнуть важность половых потребностей человека". Очевидно, что подобная трактовка возможна в той культуре, где сексуальность признается естественной и значимой частью личности.

Мнение, что результатом процесса против порнографии должно быть введение цензуры постепенно создало противоположное мнение о том, что выступление против цензуры предполагает поддержку порнографии.

Как видно, начав с сомнений по поводу неизбежности связи между мысленным представлением действия и самим действием, которое в каком-либо виде повторяет этот мысленный образ, мы пришли к сильным доводам против существования такой связи вообще. От позиции скептицизма касательно регулярности негативного воздействия порнографии произошел переход к утверждению ее позитивного влияния. В настоящее время порнография разделилась на несколько жанров, каждый из которых рассчитан на определенную аудиторию, и многие считают, что она учит возможностям сексуальной самореализации людей, выбравших для себя определенный ее жанр (предполагается, что речь идет только о взрослых). Получается, что порнообраз является как бы самовыражением людей, его наблюдающих. Линия рассуждения приводит нас к весьма сильному аргументу феминисток, выступающих против цензуры: потребление является одним из важнейших видов деятельности и понимается ими как нечто неприкосновенное. Другими словами, потребление рассматривается как процесс оценки, исключающий ошибки, так как именно оценка потребителя определяет цену любого предмета.

Однако несовершенство линии аргументации противников цензуры состоит в том, что она развивается в двух противоречащих друг другу направлениях. С одной стороны, они правильно указывают на трудности, с которыми сталкивается цензура при определении возмож-

ных путей использования порнографии, и поэтому происходит отрицание как положительного, так и отрицательного ее воздействия. С другой стороны, их утверждение о том, что даже негативные по своему содержанию порнографические образы могут оказывать положительное воздействие, становится несостоятельным при попытках обобщить воздействие порнографии. Если смысл порнообраза меняется в зависимости от того, какой группой он используется, встает вопрос о праве различных групп пользоваться порнографической продукцией, и разговор переходит на ограничение групп людей в формах самовыражения, одной из которых является порнография, а это уже подрыв самой идеи равенства.

Несмотря на убедительность некоторых аргументов, направленных против цензуры, ее сторонники идут в этом вопросе намного дальше. Размышляя над средствами, которые используются для создания порнографических демонстраций, они указывают, что демонстрация действия и само действие могут в достаточной степени совпадать. Например, изображение изнасилования в самом деле может быть изнасилованием. Может, конечно, существовать весьма слабое наложение между показом действия и самим действием, как в случае с рисованной кинематографией или картинками, но тем не менее порнография зачастую — это не изображение секса, а секс в действительности. В таком случае речь идет о товаризации секса, т.е. о создании товара, предназначенного для продажи, и это очень серьезный аргумент. Для актрис, участвующих в съемках видеопорнографии, разница между “игрой и жизнью” (демонстрацией секса и самим сексом) полностью исчезает: товаром становится то, что у людей недискриминируемых групп понимается как выражение привязанности друг к другу, как высшая степень близости. В таком случае порнография придает эротический характер в лучшем случае неравенству, а в худшем — насилию. Мнение, что порнография эротизирует насилие или неравенство, безусловно, является отзвуком западного феминистского дискурса 70-х гг.: в то время была популярной идея о том, что поскольку женщины являются дискриминируемой группой, то в любом гетеросексуальном половом акте присутствует неравенство и насилие. Например, те формы, в которых субординация выражена в обществе, можно легко представить при просмотре порнофильма, который показывает такие отношения в сексе; однако этого можно “не увидеть”, не имея соответствующей “идеологической” подготовки.

Второй аргумент также имеет недостатки. Сложно описать все возможные эффекты порнографии, если говорить о ней не только как о средстве какой-либо группы. Если принимать во внимание точку зрения, что сексуальные демонстрации всех видов помогают индивиду видеть себя частью общества, помогают понять самого себя и легитимизировать некоторые собственные желания через наблюдение за другими людьми, то это не имеет никакого отношения к возможности имитирования увиденных действий.

Когда в фокус обсуждения проблемы попадает видео или фотопорнография, то обычно рассуждения следуют одной из двух противоречащих друг другу точек зрения. Сторонники одной из них считают, что, например, в театре или на съемках фильма существует традиционное разделение актера/актрисы как человека и того, что они играют, т.е. их реальные состояния не должны совпадать с теми чувствами и образами, которые они демонстрируют, и то же самое происходит при изготовлении порнопродукции. С другой стороны, в порнографии демонстрация чувств и поведения основана на реально происходящих действиях. Сторонники этой точки зрения говорят, что видеокамера снимает только то, что видно через объектив, то есть порнофильмы могут обойтись без многих вещей, но без живых актеров, реально действующих перед камерой, ничего не получится, поэтому люди, занимающиеся производством порнопродукции, “пишут свои истории телами людей”.

Как видно, от рассуждений о мотивах показа чего-либо относящегося к сексу дискурс постепенно переходит к вопросу о средствах демонстрации. В порнографии это действия актеров и актрис. Их согласию действовать перед камерой не придается значения: внимание юристов обычно приковано к эффектам потребления порнопродукции, а не к процессу ее производства. Но возможно ли вообще в данном случае отделять сексуальные отношения по согласию от отношений по принуждению? Ведь все, запечатленное на экране, теряет свою документальность в показе насилия из-за того, что понимается нами лишь как симуляция действий, как нечто вымышленное, и таким образом “приучает” зрителя к насилию.

Порнографическая продукция, безусловно, служит распространению некоторых идей; по мнению сторонников введения цензуры, потребляя порнопродукцию, человек не обязательно будет имитировать увиденное поведение: сам акт ее потребления уже есть акт насилия, так как приобретение порножурнала или кассеты ведет к повышению спроса на данную продукцию. Уровень предложения всегда старается достичь уровня спроса – потребуется большее количество сексуального насилия, запечатленного на бумаге или кинопленке. Это не признак уважительного отношения к разным вкусам, а некая "крыша", которая заставляет нас не обращать внимания на какие бы то ни было эффекты потребления порнопродукции, из-за кажущейся нереальности образов, изображенных в ней. Само отрицание возможности присутствия насилия, превращение его в нечто повседневное уже может быть одной из самых отрицательных характеристик порнографии. Делая ударение на потреблении, можно считать, что каждый, купивший порнографическую продукцию как бы становится ответственным за все мыслимые эффекты этого действия.

В истории юридических дебатов о порнографии есть страница, связанная с деятельностью Комитета по литературе и киноцензуре, возглавляемого Бернардом Вильямсом. Комитет настаивал на запрете порнографии, мотивируя это тем, что художественные драматические произведения никогда не демонстрируют секс "по-настоящему", и что показ живого секса сразу же лишает произведение каких-либо претензий на художественность и включает зрителя в некое иное пространство по сравнению с тем, которое создается, например, фильмом, и общее для зрителя и "актеров". Идея об общем пространстве рано или поздно сталкивается с аргументами о тех изменениях, которые связаны с развитием технологии производства визуальных образов. То, что технологически возможно сейчас, было немыслимо ранее, и вместе с совершенствованием технологий меняется сознание людей. Возможна следующая параллель: учитывая разницу между равенством, которое было закреплено за гражданами США создателями Конституции 1776 г., и тем равенством, которое практикуется в этой стране сегодня, можно предположить, что многие действующие теперь законы для последующих поколений также будут выглядеть не только не нейтральными, но даже ущемляющими права или противоречащими тем принципам, которые данные законы должны отстаивать.

Очередное обвинение, брошенное порнографии, состоит в том, что она является двигателем сексуальных домогательств, считающихся в США серьезным преступлением. Возможно, в отдельных случаях это и так; если идти дальше, можно предположить, что потребление порнографии все-таки грубо нарушает согласие индивида. В рамках аргумента о сексуальных домогательствах иногда говорят о том, что коллективный образ женщин влияет на наше представление об отдельных женщинах, и что введение ограничений на порнографию послужит переосмыслению данного образа. Этот подход затрагивает важность образа группы, к которой индивид причислен, но точно не объясняет, какой образ для группы будет оптимальным и когда этот образ примет конечную форму.

Аргументы за или против цензурирования порнографии могут иногда восприниматься как изысканные логические упражнения в сфере права, однако они затрагивают самую сущность проблемы власти, демократии и морали. Вред порнографии состоит не в том, что она превращает нечто интимное в публичное (а существование неких табу является чертой любого общества), и даже не в том, что порнография может содержать в себе элементы насилия или реальные действия. Скорее, вред порнографии состоит в том, что она могла бы уничтожить наше понимание публичного через разрешение каждому индивиду в отдельности или маленькой группе решать, что относится к публичному, а что нет, несмотря на решение самого общества.

Проблема порнографии помогает понять противостояние многих прав: например, права на свободу речи, с одной стороны, и право каждого иметь в обществе равные возможности со всеми, с другой. Ясно, что свобода речи одних может ограничивать равные возможности других.

Споры вокруг порнографии поднимают вопрос о понятиях терпимости и плюрализма как нельзя более явно. Наше понимание природы и ценности терпимости может быть в корне неправильно истолковано, если общество будет рассматриваться как место, где встречаются конфликтующие взгляды разных групп. Вследствие того, что мы обычно действуем на основе наших убеждений, которые мы выражаем через членство в какой-либо из социальных групп,

наличие общественной сферы, искусственно созданной на основе согласия общества, воспитывает терпимость. Сам факт существования возможности высказать, и, следовательно, выслушать, разные мнения, позволяет индивиду быть более гибким в своих убеждениях и действовать в соответствии не только с принципами группы, к которой он/она принадлежит, но также в соответствии с принципами других групп. В этом и состоит цель существования общества – сделать те аспекты индивидуальности человека, которые не могут изменяться в соответствие с его/ее убеждениями (такие как раса или пол), менее существенными для реализации возможностей человека.

Обзор подготовлен С. Медвецким

[1] Ferguson Frances, "Pornography: Theory" // Critical Inquiry, 1995. N.21.
[2] MacKinnon Catherine A, "Francis Biddle's Sister: Pornography, Civil Rights and Speech" // Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law. Cambridge, 1987.
[3] "Minneapolis Ordinance" // Women Against Censorship. Vancouver, 1985.
[4] Diamond Sara, "Pornography: Image and Reality" // Women Against Censorship.
[5] Duggan Lisa, Nan D. Hunter and Vance, "False Promises: Feminist Antipornography Legislation in the US" // Women Against Censorship.

F. Ferguson

PORNOGRAPHY: THEORY

Summary

The paper is a summary of the work by Frances Ferguson "Pornography: Theory" (1995). Pornography has featured in the discourse over women's rights since 1960-ies. Some feminists argue against censorship, while other insist on it.

K. Daly
M. Chesney-Lind

FEMINISM AND CRIMINOLOGY

К. Дейли
М. Чесни-Линд

ФЕМИНИЗМ И КРИМИНОЛОГИЯ

К. Дейли — социолог (Йельский университет), М. Чесни-Линд — криминолог (Гавайский университет). Ниже предлагается реферативное изложение их совместной работы “Феминизм и криминология”.

Наиболее очевидным вкладом феминистской мысли в исследование проблем преступности и правосудия является формирование адекватного подхода к гендерным отношениям в этой сфере. К сожалению, большинство криминологических теорий рассматривается и проверяется только на базе наблюдений над мужчинами, без какого-либо допущения возможности гендерной специфики концепций или результатов. Усилия по преодолению этих традиционных проблем должны основываться на концепции гендера (социального пола) и гендерных различий. Теоретические основания для такого преодоления могут быть найдены в феминизме различного толка: либеральном, марксистском, радикальном и социалистическом. Различные философские феминистские перспективы обогащают криминологию разными версиями включения гендера в теорию преступности, методами исследования мужской и женской преступности, широким спектром позиций при оценке политики и практики уголовного правосудия.

Исследования, в которых рассматриваются оба пола, существенно повышают достоверность выводов криминологов при изучении мужской и женской преступности, поскольку они позволяют заменить расхожие предположения о женском опыте (например, о том, что женщины моральнее мужчин) корректным знанием структурных и социальных контекстов поведения мужчин и женщин. Введение понятия “гендер” в криминологию создает новые основания для этой дисциплины и условия для постановки тех вопросов, решения тех проблем, которые раньше этой дисциплиной игнорировались. Гендерный подход преодолевает изучение женщин как группы, редко являвшейся объектом научного рассмотрения или анализа того, как их поведение трактуется в имеющихся теориях. Он позволяет изучать пока еще неисследованные стороны человеческой преступности и правосудия, предлагает модели конструирования теории и верификации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ "ЖЕНСКОГО ВОПРОСА" В КРИМИНОЛОГИИ

В конце шестидесятых две женщины — Бертран(1969), канадский криминолог, и Хейденсон (1969) — криминолог из Великобритании, обратили внимание на исключение женщин из основных теорий преступности. Хотя они не были первыми, кто это отметил, их работа возвестила о пробуждении криминологии от андрогенной дремоты. Несколькими годами ранее Уолтер Реклесс писал в третьем издании "Проблемы преступности" (1961): “Если криминолог, выдвигая или принимая некоторую теорию преступности или делинквентности, затрудняется ответить на вопрос о применимости этой теории к женщинам, он должен отказаться от этой теории вследствие ее неприменимости к женщинам”.

Проблема, идентифицированная Бертран и Хейденсон, имеет два измерения, порождающих следующие вопросы:

- Можно ли теории, разработанные для описания противоправного поведения мужчин (мальчиков), распространять на женщин или девочек (*проблема генерализации*)?

- Почему женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины (*проблема гендерных различий)*? (Криминологические теории базируются на представлениях о классовых, расовых и возрастных основаниях преступности и игнорируют гендерные основания).

Ранняя феминистская критика традиционной криминологии выделяла и более очевидную проблему — *интеллектуальный сексизм* (т.е. дискриминационный характер) теорий женской преступности и институциальный сексизм систем уголовного и ювенального правосудия.

РАННЯЯ ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА

В ставших ныне классическими обзорах литературы по женской преступности Клайн (1973) и Смарт (1976) проанализировали существующие описания и объяснения этой преступности. Анализ литературы по женской девиации также был проделан Милмэном (1975). Эти и другие обзоры выделили следующие проблемы: наиболее часто преступность и девиантное поведение женщин и девочек объяснялись биологическими, а не социальными или экономическими факторами; искажались или были ошибочными изложение мотивов и обстоятельств, приведших к преступлению; половая девиация (начиная от расстроившейся свадьбы до аморальности или проституции) объединялась с уголовной девиацией. Чесни-Линд (1973) отмечала "сексуализированность" проступков девочек: побеги из дому, поздние возвращения домой — поступки, имеющие неуголовный характер, — тем не менее трактовались как девичья делинквентность, находящаяся в поле контроля и вмешательства ювенальной юстиции. Критики обращали внимание также на сексистские посылки мужчин-криминологов, которые задавались целью описать преступность женщин, но при этом мало понимали их мир; на неравное обращение с женщинами и девочками в школах и тюрьмах; на законодательство, регламентирующее вынесение приговора: оно допускало неопределенный приговор для женщины, но не для мужчины.

На этой ранней фазе исследователи выступили против взглядов, исходящих из так называемой "раздельности сфер", которые скрыто действовали в праве, в теории криминологии и исследованиях, в юридической практике. Эта идеология отводила мужчине место в публичной сфере (оплачиваемая работа, политика, закон), а женщине — в частной (ведение домашнего хозяйства, семейная жизнь) и характеризовала, по сути дела, гендерные отношения белых гетеросексуальных семейных пар среднего класса. Место женщины как матери и жены обеспечивало ее статус (хотя и ограниченный) нравственного стража дома и культуры, а место мужчины как отца, мужа и наемного работника определяло его статус созидателя и формального арбитра в сфере нравственности и культуры. Эта культурная модель распространялась и на другие социальные группы, хотя не была для них характерной.

Первая и вторая волна феминизма выступали против “раздельности сфер” по-разному, в зависимости от исторических обстоятельств: первая волна феминизма (начало XX века) использовала способности женщин как матерей и гарантов домашней морали для того, чтобы приспособить публичную сферу к интересам женщин. На деле, однако, эти феминистки были вовлечены в крестовый поход за мораль и социальную чистоту, вылившийся в беспрецедентное вмешательство государства в частную жизнь молодых женщин.

Феминистки второй волны (1960 гг. — начало 1970-х гг.) объявляли сферу домашнего или частного сферой угнетения женщин и пытались добиться равенства с мужчинами в публичной сфере. Первые феминистские критики криминологии и уголовного законодательства имели сходную мотивацию, но все они упустили более тонкие вопросы равенства и различия — вопросы, которые поставлены феминизмом и демократией сегодня.

ЖЕНСКАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Ограниченность и проблематичность ответа феминизма на идеологию “раздельности сфер” стала очевидной с появлением двух книг, анализирующих закономерности арестов женщин в 1960-х — начале 1970-х гг. (Адлер. "Сестры по преступлению", 1975, и Саймон. "Женщины и преступность", 1975). Эти авторы связывали рост женской преступности с женским движением и борьбой за равенство с мужчинами в публичной сфере.

Наиболее важный момент в концепции Адлер и Саймон — роль гендера в обусловливании преступности, проблема, которая продолжает обсуждаться и поныне. В исследованиях обеих авторов утверждается, что меньшая по сравнению с мужской женская преступность основывается на ограничении женских стремлений и возможностей; при этом социальные обстоятельства, а не биологические причины объясняют гендерные различия в преступности. Со-

гласно Адлер, снятие ограничений на поведение женщин и их выход в публичную сферу дали им возможность действовать как мужчины: быть жадными, склонными к насилию и преступлениям. Саймон подтверждает аналогичные выводы статистическим материалом.

В критике концепции Адлер и Саймон находят выражение различия между либеральным феминизмом, позиция которого отражена в работах Адлер и Саймон, с одной стороны, и радикальным и социалистическим феминизмом — с другой. Либеральный феминизм как интеллектуальное течение игнорирует классовые и расовые различия между женщинами, а гендер определяет одновременно и как обладание маскулинными или феминными чертами, и как ролевые различия между мужчинами и женщинами. Такая позиция означает, что если женщина становится менее женственной во взглядах либо принимает роль, присущую ранее в данной культуре исключительно мужчине, она начинает думать и действовать как мужчина. Такой ход мысли продолжает и поныне определять исследования гендерных различий преступности и делинквентности. Радикальный и социалистический феминизм рассматривают гендер как следствие властных, а не только ролевых отношений. Роли и характерные черты в этом случае выступают элементами более общей структуры — власти. При всех различиях между радикальным и социалистическим феминизмом во взглядах на класс и расу, они едины в требовании принимать во внимание при изучении мужской и женской преступности патриархальный социальный контекст.

Дебаты на эту тему выявляют важные вопросы. Каково соотношение между преступностью и изменениями в экономическом и социальном положении женщин? Что происходит, когда женщины занимают позиции, до этого принадлежавшие исключительно мужчинам? Как гендерные отношения влияют на соотношение мужской и женской преступности? — Опыт исследований в этой области указывает на зависимость интерпретации от того, какую мировоззренческую концепцию разделяет автор.

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРАВОСУДИЯ И ВИКТИМИЗАЦИИ

Объектом криминологической мысли в середине 1970-х гг. стали иные преступления, иные криминалисты и иные жертвы. Внесение новых тем сместило фокус внимания с мужской уличной преступности и делинквентности мальчиков из необеспеченных семей на женщин — жертв и женщин — преступниц, на случаи изнасилований и избиений мужчинами жен и любовниц, на различные формы сексуального и семейного насилия, на корпоративную преступность и преступность на работе.

В отсутствие аналитического понимания проблемы гендерных отношений усилия исследователей концентрировались на дескриптивных деталях из таких источников статистической информации, как самоописания делинквентного поведения, анализ данных по арестам, по количеству женщин и девушек, содержащихся в исправительных учреждениях и тюрьмах. Авторы поставили много вопросов с позиций, близких феминизму, например: если у мужчин больше власти, чем у женщин, почему их чаще арестовывают? Почему среди заключенных большинство — мужчины? Отличие динамики гендерных отношений от классовой, расовой, возрастной вызывало неопределенность при описании связи этих отношений с объяснением преступности.

Феминистский анализ женской виктимизации был более популярен и продуктивен, нежели анализ женской преступности. Основные причины этого — в связи между патриархатной властью мужчин и мужским насилием, определяющим и отражающим эту власть. Интерес к женщинам-жертвам был обусловлен также приходом в криминологию женщин, в том числе и феминисток.

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ 1980-Х ГГ.

Для переосмысления криминологии с гендерных позиций наиболее важным представляется приоритетное развитие трех важнейших содержательных областей:

а)общее развитие теории;

б) контроль насилия мужчин против женщин;

в) гендерное равенство в системе уголовного правосудия.

СОЗДАНИЕ ТЕОРИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛА И ПРЕСТУПНОСТИ

Гендерный подход к женской преступности, к анализу половых моделей преступности невозможно осуществить только на эмпирической основе, и лишь при отсутствии общей теории все выглядит просто. Для создания такой теории исследователи придерживаются трех основных стратегий. Одни из них базируются на *проблеме генерализации* (допущение применимости к женской преступности тех теорий, которые разработаны на основе наблюдений исключительно над мужчинами). Другие ориентируются на соотношение мужской и женской преступности *(проблема гендерных различий)*, опираясь, преимущественно, на статистическую очевидность материала. Третьи пытаются соединить оба подхода, полагая недостаточным какой-либо один из них.

Отчетливее всего логика сторонников каждой теории может быть выявлена при их сопоставлении. Те, кто работает в русле генерализации, фактически отрицают существование гендерных отношений, сводя все к вопросу "факторов", "различий в длительности воздействия", и мало интересуются различиями между полами по уровню арестов или арестами за отдельные виды преступлений. Но допустив возможность описания с помощью одних и тех же переменных преступности вообще, вне зависимости от пола, они встают перед вопросом: почему же одни и те же причины делинквентности порождают четкие различия в половой структуре совершаемых преступлений? Более того: какова значимость гендерно-нейтральной теории преступности, если структуры общества и преступности не являются гендерно-нейтральными? Следует подчеркнуть, что теории мужской преступности нельзя рассматривать как выражающие гендерную (в данном случае, только мужскую) специфику феномена, в силу их универсалистских претензий.

Криминологи, занимающиеся гендерной структурой преступности, считают, что различия в моделях мужской и женской преступности дают достаточно материала для формулирования новых теоретических положений. Они предлагают учитывать следующие исходные посылки: отношения между мужчинами и женщинами (и среди них) как отношения власти, существование неформального социального различия в жизни женщин и девочек и его усиление в определенные периоды и видоизменение женской сексуальности. В отличие от сторонников генерализуемости криминологи, занимающиеся гендерной структурой преступности, утверждают, что различные (иначе, гендерно-специфические) переменные предсказывают межполовые различия в преступности и делинквентности.

Хотя все подходы к разработке теорий пола и преступности имеют свои достоинства, наиболее перспективным в настоящее время представляется совмещение теорий генерализуемости и гендерной структуры преступности. Это позволяет получить данные о социальных реалиях не только женщин и девушек, но и мужчин и мальчиков, модели преступности которых изменились с 1950-х и 1960-х гг., когда в криминологии процветала этнография делинквентности.

НАСИЛИЕ МУЖЧИН ПРОТИВ ЖЕНЩИН

Считая распространение насилия против женщин (к чему относятся домашнее насилие, порнография, проституция, вывоз женщин для секс-торговли, сексуальные домогательства, в том числе и на работе) одной из главных черт современного общества, криминологи по-разному подходят к объяснению его причин. Радикальный феминизм исходит из того, что любая форма насилия против женщин есть результат и выражение патриархатных общественных отношений и природной склонности мужчин к насилию, ненасытности, контролю над женщинами, в то время как феминизм марксистского и социалистического толка рассматривает природу мужчины как продукт культурно- исторического развития.

Изучение феномена насилия породило острые дебаты о роли государства в контроле над мужским насилием. Основные дискуссии ведутся:

- *По поводу порнографии*. Существуют данные о взаимосвязи порнографии, содержащей насилие, с агрессией, и порнографии, не содержащей насилия (так называемый soft porn)- со сниженной агрессии. Эти данные мало устраивают как противников порнографии, так и феминисток, выступающих против цензуры: они усматривают в попытках ограничения

многих форм коммерциализированной порнографии еще больший вред для женщин и сексуальных меньшинств, так как видят в этом вмешательство государства в личную жизнь граждан.

- *По поводу проституции*. Дебаты среди феминисток и между ними и теми, кто занят в сфере сексуальных услуг, по поводу взглядов женщин на сексуальность и сексуальную власть, на способность государства, в котором властвуют мужчины, защитить женщин, демонстрируют разные точки зрения. Некоторые группы граждан, женские группы, организации сексуальных работников отрицают государственную регуляцию и криминализацию проституции. Отстаивая право проституток на работу, они предлагают следующее краткосрочное решение: нельзя квалифицировать как криминальный род занятий женщин, который контролируется мужчинами и приносит выгоду мужчинам. В любом случае существование проституции как института ставит феминизм перед вопросом о том, насколько защита права свободного выбора женщиной работы поддерживает институт сексуальной эксплуатации, питает насилие над женщиной и усугубляет женскую проституцию. В более широком смысле это вопрос о том, насколько такой выбор "свободен".
- *По проблемам сексуального насилия над женщинами*. Позиции уголовного законодательства относительно сексуального насилия, в том числе изнасилования, за последние годы значительно изменились; стали более доступными общественные формы защиты женщин от насилия. Эти изменения — символы победы феминизма, усматривающего в них признаки борьбы государства с мужским насилием. Государственный контроль в этой области, хотя и уменьшает вероятность убийств на бытовой почве и защищает до некоторой степени женщин от насилия мужчин, сам по себе порождает серьезные проблемы. Следует ли арестовывать и мужчину, и женщину, поскольку непонятно, кто из них жертва? Можно ли игнорировать амбивалентное отношение женщины к близкому ей мужчине, от насилия которого она страдает? Должна ли женщина привлекаться к ответственности за отказ свидетельствовать против мужчины? Проблема требует не краткосрочного решения (предоставление женщине временного убежища, изоляция мужа, угрожающего жене, и т.д.), а поиска принципиального выхода. Но можно ли эффективно влиять на людей, вызывающих невзгоды и страдание, и использовать при этом те же приемы, что и эти люди?

Активное изучение проблемы насилия подводит к следующим выводам:

- Изнасилование и насилие, особенно между близкими людьми, распространены гораздо больше, чем принято считать.
- Полиция, судебные чиновники, представители общественности не рассматривают жертвы таких преступлений серьезно, особенно в случаях, связанных с отношенями родства или знакомстом между жертвой и преступником.
- В работе криминологов, в практике уголовного правосудия, в сознании представителей общественности бытуют предвзятые представления о таких случаях.
- Если женщины — жертвы насилия чувствуют стыд и унижены случившимся, мужчины-правонарушители зачастую не воспринимают свое поведение как преступное.
- Стратегии по изменению ситуации включают оказание помощи женщинам (помощь адвоката, психологическая помощь, создание приютов) и воздействие на поведение мужчин через консультирование, предупреждающие аресты за домашнее насилие, более активное обвинение за изнасилование.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

В отличие от предыдущих, современные качественные исследования больше, чем в прошлом, ориентированы на анализ половой, сексуальной и семейной идеологии, социального контроля в ходе суда и принятия решений. Однако они скорее изучают влияние гендерной структуры на судебные решения, нежели пытаются на основе судебной статистики определить, одинаково ли обращаются с мужчинами и женщинами. Правовая риторика заставляет, в конечном счете, игнорировать существующее неравенство, и потому феминистки, работающие в сфере правовых исследований, критикуют доктрину равенства, а феминистки-криминологи сомневаются в возможностях исследования судебной дискриминации.

Но именно модель равного обращения, ограниченность которой была обоснована в феминистских исследованиях, занимает центральное место в реформировании процесса_вынесения приговора в США. Реформа направлена на ликвидацию различий в приговорах, но реально создана для исключения расового и классового неравенства при вынесении приговоров мужчинам. Применительно к женщинам она проявилась в росте количества осужденных — женщин и удлинении сроков заключения. Как и в реформах законов о разводе и опеке, разработанных согласно либеральным понятиям о равенстве, эта реформа оборачивается против женщин.

Ограниченность доктрины равенства при внесении изменений в условия тюремного содержания для женщин также очевидна. Общие для мужчин и женщин программы образовательного и обучающего характера действительно могут улучшить условия содержания и для женщин, но они не применимы к ряду специфических проблем, связанных со здоровьем, с детьми. Конечно, легче создать новые условия для содержания женщин — правонарушительниц, нежели рассматривать кардинальную альтернативу заключению.

Когда равенство определяется как равное обращение с мужчинами и женщинами, и при этом мужское поведение и опыт принимаются за "общечеловеческую" норму, положение женщин может даже ухудшиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на всплеск внимания исследователей к вопросам женской преступности, к виктимизации женщин, серьезные гендерные исследования во всех сферах криминологии по всем видам преступности, девиации и социального контроля еще предстоит провести. Сосредоточить фокус исследовательского внимания на половых различиях преступности значит не только изучать женские проблемы. Это вопрос о том, как пол организует поведение мужчин и женщин, социальные институты и криминологию в качестве дисциплины. Многие теории преступности говорят о "естественности" преступности в свете социальных процессов и структур, но редко при этом изучают важность патриархатных структур в отношениях между людьми, в формировании и выражении маскулинности общества.

Обзор подготовлен И.Н. Дунаевой

K. Daly
M. Chesney-Lind

FEMINISM AND CRIMINOLOGY

Summary

The paper is a summary of the work "Feminism and Criminology" by K. Daly and M. Chesney-Lind. Feminist thought brings inclusion of gender into theories of crime, new explanations of men's or women's crime and assesses gendered criminal justice policy and practices.

РАЗДЕЛ IV. ГЕНДЕРНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ ПРАВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.В. Мельникова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ЖЕНЩИН И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В БЕЛАРУСИ

МЕЛЬНИКОВА Елена Витальевна — магистр политических наук (Университет штата Оклахома, США), сотрудник Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета.

Правовой основой политического партнерства полов в Беларуси является Конституция, утверждающая равные права для всех, как мужчин, так и женщин, избирать и быть избранным, участвовать в политической жизни общества, в управлении государством. Так, статьи 37, 38, 39 раздела II Конституции гласят: "Граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей"; "Граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы..."; "Граждане Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах.". Статья 32 раздела II непосредственно касается гендерного равенства: "Женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья"[1]. Однако такая формулировка некорректна: мужчина не может рассматриваться как эталон обладания правами, а женщина, которая отличается от "эталона", подтягиваться к нему. Во многих странах это положение формулируется так: "Женщинам и мужчинам обеспечиваются равные возможности…".

Тем не менее приведенные положения Конституции Беларуси формально соответствуют положениям Всеобщей Декларации по правам человека и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Женской Конвенции), принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1979 году, которая гласит: "Государства-участники принимают все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны и в частности обеспечивают женщинам на равных условиях с мужчинами право:

а) голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться во все публично избираемые органы;

б) участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления;

в) принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни..." (Статья 7 Конвенции)[2]. Конвенция призывает правительства "принять соответствующие меры, чтобы обеспечить женщинам возможность..." иметь равные с мужчинами права и возможности их реализации во всех областях жизни.

Как же реально обстоят дела в Беларуси с обеспечением равного участием женщин в политической жизни страны, в парламенте и других выборных органах власти, на разных уровнях управления государством с учетом того, что женщины Беларуси составляют более 50% избирателей?

Недавнее, 1996 года, исследование “Женщины Беларуси в зеркале эпохи”[3] выявило следующие показатели в положении женщин.

Доля женщин, занятых в народном хозяйстве Беларуси, составляет 51, 6%.

Количество женщин, имеющих среднее специальное и высшее образование, —43.5% (по сравнению с аналогичными данными для мужчин — 28.6%). При этом 64% всех безработных — это женщины, а для безработных с высшим образованием эта цифра достигает еще более высокого уровня. В то же время цифры участия женщин в выборных и государственных органах разительно отличаются по величине от приведенных. Так, например, 4.5% женщин — в Палате представителей; 5.5% женщин представляют республику на международной арене. В правительстве республики всего лишь одна женщина — министр социальной защиты, остальные посты занимают мужчины. Аналогичные цифры можно привести по остальным уровням представительной и государственной власти.

Это означает, что женщины как социальная группа почти не участвуют в принятии решений, от которых зависит их жизнь. Единственным исключением является Совет Республики, в котором 30.1% составляют женщины-депутаты. Однако опыт подобного недемократического квотирования в годы Советского Союза показал, что депутаты, попавшие в представительные органы через квоты, в данном случае через назначение, как правило, выполняют свои представительные и политические функции крайне неудовлетворительно с точки зрения реального представительства тех социальных групп населения, от которых они назначены.

Следует отметить, что такие же низкие цифры типичны для политической активности женщин не только в Беларуси, но и в других постсоветских республиках. На Украине они составляют 5% депутатов Высшего представительного органа республики, а в целом по стране — 7%. Для сравнения можно привести аналогичные данные по представительству женщин в парламентах развитых демократических стран. В парламенте Канады, Швейцарии женщин 18%, Германии — 22%, Финляндии — 39%, Швеции — 45%[4].

Вывод однозначен: женщины Беларуси в политической жизни страны представлены крайне недостаточно, особенно на уровне парламента и органов государственного управления. Таким образом, те положения, которые записаны в Конституции о равных правах женщин и мужчин на их участие в политической жизни, на деле не работают, так как отсутствуют социальные механизмы, обеспечивающие реальные гарантии такого равноправия.

В связи с этим возникают два вполне закономерных вопроса. Первый: почему, при декларированном равноправии, существует такая ситуация с участием женщин в политической жизни страны? И второй: что же следует делать для того, чтобы изменить положение и привлечь больше женщин к решению политических проблем страны, которые неизбежно затрагивают все население, как мужчин, так и женщин.

Причин слабой активности женщин Беларуси на политической арене несколько. В целом они достаточно типичны для посткоммунистических обществ, и подобные же тенденции наблюдались и наблюдаются в таких странах как Польша, Украина, Россия[5]. Вообще же политическое представительство женщин растет медленно во всем мире.

Одно из главных препятствий, которое чаще всего называют женщины в странах западных демократий, — это патриархальность общества, в котором власть на внесемейном уровне принадлежит мужчинам. Для того, чтобы женщины получили реальный доступ к власти, выраженный в том числе и в их политическом участии в жизни общества, необходимо, чтобы мужчины как социальная группа согласились “поделиться” властью. Речь, конечно, не идет о “заговоре” мужчин против реализации политических прав женщин. Речь идет об институциональной и идеологической организации общества. Изменение ситуации возможно только при реструктуризации общества от патриархального к реально демократическому по отношению ко всем своим членам[6], для чего необходимо более равномерное разделение труда в обществе между мужчинами и женщинами во всех сферах: от домашней работы до управления государством. На практике это означает приход людей определенного пола в те сферы деятельности, в которых данный пол недопредставлен.

Такое глобальное преобразование общества невозможно осуществить сверху волевым решением правительства или парламента. Государство, существующее в рамках пат-

риархального общества, обычно в своих законах формулирует раздел общественное — частное, который и регулирует различные стороны жизни общества, в том числе и через Конституцию. В Статье 97 Конституции Республики Беларусь записано, что парламент республики "...рассматривает проекты законов, в том числе об ... основах социальной защиты; о принципах регулирования труда и занятости; о браке, семье, детстве, материнстве, отцовстве, воспитании, образовании, культуре и здравоохранении; об охране окружающей среды и т.д.". В условиях патриархальной культуры, к которой несомненно можно отнести культуру белорусского общества, и малого представительства женщин в парламенте, естественно ожидать, что все проблемы общества, так или иначе затрагивающие интересы женщин, не только не будут разрешены, но во многих случаях даже не будут сформулированы, хотя бы в силу того, что у мужчин иной социальный опыт, а женщины от принятия решений отстранены, будучи делегированными патриархальной культурой в сферу частной жизни.

Острой проблемой в республике является женская безработица, но в обществе утвердилась точка зрения, согласно которой в современной ситуации в первую очередь необходимо заботиться о заработках мужчин, поскольку им нужно содержать семьи, и работа нужнее в условиях кризиса именно мужчинам, тогда как женщины должны возвращаться в семью[7]. Эта идеология укореняет гендерное неравенство, не оставляя как женщинам, так и мужчинам возможности свободного личного выбора и это при том, что значительный процент семей в нашей стране состоит из одного родителя, в большинстве случаев женщины, и детей. Кроме того, принятая у нас в государственном секторе концепция заработной платы означает плату индивидуальному работнику за его/ее труд и не предусматривает возможности содержания на нее семьи.

Недавно в республике была совершена попытка поднять общественное мнение на создание системы государственного регулирования абортов, мотивированная низким уровнем рождаемости. Если документ по этой проблеме будет предложен парламенту, сил, способных ему противостоять, скорее всего, не найдется из-за низкого представительства в нем женщин. Что же касается мужчин, их социальная жизнь в гораздо меньшей степени определяется наличием или отсутствием права на свободное репродуктивное решение.

Сам образ жизни женщин в Беларуси, его социально-культурные рамки, т.е. частная, с точки зрения государства, жизнь препятствует их политической активности: в частной домашней жизни практически любая женщина несет на себе дополнительный груз второго рабочего дня, связанного с обслуживанием семьи. При социализме часть "женских забот" брало на себя государство (без чего было невозможно участие женщин в общественном производстве), теперь же государством эта сфера однозначно относится к частной, а значительная часть населения не имеет экономической возможности покупать услуги[8]. Именно этот дополнительный, но социально необходимый труд является, по результатам исследований, основной причиной невозможности активного участия женщин в политической жизни и управлении государством.

Кроме этих причин, достаточно типичных для любого общества, на постсоветском пространстве существуют другие, связанные с идеологическим наследием недавнего прошлого.

В первую очередь, это влияние постсоциалистического менталитета, т.е. противоречие между давлением коллективистского советского общества и индивидуальным восприятием человека, которое привело к неприятию самого понятия коллективности, социальной групповой идентичности при построении демократического общества. Эта отрицательная реакция на коллективизм сказывается на политическом участии членов общества вообще, что находит отражение в малом партийном членстве большинства политических партий Беларуси. Это особенно сказывается на политическом участии женщин, прежде всего потому, что в государствах постсоветского пространства до сих пор не существовало коллективной идентичности женщин. В отличие от Запада, подобную идентичность только предстоит создавать и развивать: женщинам еще предстоит выработать свое коллективное "мы" и сформулировать с этой позиции свои групповые интересы.

С другой стороны, членство женщин в партиях, дающее возможность заниматься политической деятельностью и участвовать в процессе управления, показывает, что в рамках традиционной патриархальной структуры общества другие члены политической партии — мужчины, так же как и официальные государственные структуры, рассматривают женщин скорее

как исполнителей низшего уровня, так же как и официальные государственные структуры. Из-за недооценки и недостаточного количества женщин в партиях их влияние и объективная возможность лидировать и получать партийную поддержку тоже невелика. Эти структурные, институционально закрепленные ограничения на женское политическое участие дополняются сформированным во времена однопартийности отношением к политике как коррумпированной и аморальной сфере, что для многих несовместимо с популярной идеей об особой моральной роли женщин.

Каким образом можно изменить ситуацию, чтобы привлечь женщин к более активному участию в политической жизни? Как показали события в странах Восточной Европы, где проблемы слабой политической активности женщин выявились раньше, чем в Беларуси[9] и были осознаны как общественные, решить их сверху установлением квот невозможно: это может быть воспринято обществом как антидемократическая мера, ущемляющая интересы других слоев населения и усиливающая государство, а не гражданское общество. И самое главное — эта мера не решает основной проблемы. Женщины, привлеченные в политику при помощи назначений сверху, не осознают себя социальной группой, не понимают общности интересов этой группы с обществом в целом. Да и просто их желание работать в этом направлении, как навязанном сверху или извне, достаточно формально.

Как показал опыт Польши, стимулирование политической активности женщин в местных и региональных организациях важно (для многих приход в большую политику начинался с борьбы за оборудование безопасных железнодорожных переходов и т.п.), но является только частичным решением проблемы[10]. Да, на местном уровне активность женщин реально должна быть — и бывает — выше, потому что местные проблемы легче поддаются решению и повлиять на местные власти в сфере, например, охраны окружающей среды, образования и других вопросов в отдельных случаях легче. Можно добиться установления строгого контроля за выбросом загрязняющих окружающую среду веществ на конкретном предприятии или сохранить данный детский садик, предназначенный к продаже. Однако, во-первых, это очень узкие проблемы и решения, не затрагивающие аналогичных проблем страны. Во вторых, большинство этих проблем и их решение связаны с распределением и перераспределением ресурсов, что приводит к вопросу о власти на региональном или национальном уровнях. Распределять ресурсы в пользу решения женских проблем, особенно в условиях дефицита этих ресурсов, патриархальное общество не склонно. А недостаток ресурсов и приводит к "женским проблемам" в частной сфере жизни (если считать, что биологическое и социальное воспроизводство населения – это женская проблема), неизбежно возникающим на глобальном национальном уровне, — женской безработице, низкому уровеню рождаемости, плохому состоянию здоровья детей и многим другим, которые должны решаться не волевым решением парламента или правительства, а высоким уровнем внимания к ним и достаточным финансированием.

Создание женских политических партий также не является панацеей решения проблемы политической активности женщин по двум причинам. Во-первых, они действуют в рамках существующего патриархального общества с соответствующим распределением власти. И в их деятельности основной задачей, как показывает опыт других стран, должно быть не изменение принципов государственного управления в интересах каждого члена общества, а незначительное увеличение доли ресурсов с соизволения мужского правительства или парламента для выполнения каких-либо частных задач в рамках общества, ориентированного в целом по-прежнему на мужчин. Во-вторых, сами женщины, воспитанные в рамках патриархального общества, зачастую не видят в женщинах-политиках представительниц своих интересов.

Очевидно, что ситуация с политическим участием белорусских женщин формально, конституционно соответствует международным нормам. Однако реально действие этих норм у нас не обеспечено и, как следствие, нормы эти не реализованы. Положения Конституции не подтверждаются реальными делами правительства. Самое же главное недоразумение заключается в том, что общество не считает эти вопросы проблемами демократии и не видит в низком представительстве женщин социальной несправедливости.

В данной ситуации универсальной рекомендацией может стать предложение всемерно стимулировать местную и региональную активность женщин, стимулировать создание женских политических партий и неправительственных организаций, активизировать постоянные зако-

нодательные, пропагандистские и образовательные усилия, направленные на постепенное преобразование общества из патриархального в истинно демократическое, в котором все его члены, независимо от пола и других характеристик, обладают равными возможностями.

---

[1] Конституция Республики Беларусь. Мн., 1997.
[2] Мертус Дж, Датт М., Флауэрс Н. Права женщин — права человека. М., 1996.
[3] Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Национальный отчет. UNDP. Мн., 1997.
[4] Материалы первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. Валдай-96. М., 1997.
[5] Voronina O. Soviet Women & Politics: On the Brink of Change // Women and Politics Worldwide./ Ed B.J. Nelson & N. Cowdry. New Haven, 1994. Siemenska R. Polish Women as the Object and Subject of Politics During and after the Communist Period in: Women and Politics Worldwide. Ed B.J .Nelson & N. Cowdry. New Haven, 1994.
[6] Regulska J. The Political and its Meaning for Women: Transition Politics in Poland. // Theorising. 13, November 1997, p.309.
[7] Government Without Women or the Long March. Ed. D.Knezevic, K.Dilic. Zagreb 1997.
[8] Regulska J., P.309.
[9] Gapova E. “National Dreams and Domestic Goddesses” // Transitions. 1998. V.5, No.1.
[10] Regulska J. P.309.

E. Melnikova

POLITICAL RIGHTS AND POLITICAL PARTICIPATION OF WOMEN OF BELARUS

Summary

Belarusian Constitution guarantees equal rights to women and men, while data on political participation and number of women in decision making bodies reveal grave gender inequality. The reasons for it are both institutional and cultural, while changing the situation would require restructuring the society and substituting patriarchal ideologies with ideas of equal opportunities.

И.В. Кучвальская

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В БЕЛАРУСИ

КУЧВАЛЬСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и политологии Гомельского политехнического института, майор милиции в отставке.

Преступность общественным мнением традиционно воспринимается уделом мужчин: женское естество с этой сферой деятельности не идентифицируется. В республике с удельным весом женского населения более 53% в этой связи проблем обычно не возникало[1], однако это не значит, что таковых не было. По старой традиции о малоприятных вещах просто предпочитают не говорить вслух, как это в свое время было с проституцией, наркоманией и прочими не характерными для нашего образа жизни явлениями.

Не вызывает сомнений, что женская половина во всех без исключения государствах более законопослушна, чем мужская. По имеющейся в республике на этот счет статистике за последние десятилетия доля женщин, совершивших уголовные преступления, колеблется от 8 до 12% общего количества всех правонарушителей[2]. Интересно, что согласно данным о количестве женщин, репрессированных в годы сталинского террора и впоследствии реабилитированных, показатели аналогичные[3].

Если анализировать структуру женской преступности, то здесь обнаруживаются как общие, так и особенные черты, присущие всем преступникам независимо от пола или проявляющиеся только у представителей одного пола. И для мужской, и для женской преступности характерно преобладание преступлений против собственности. Около 70% всех преступлений, совершенных и мужчинами, и женщинами, составляют хищения. Так, по данным Министерства юстиции республики за 1996 год, среди всех осужденных за хищения (кража, грабеж, разбой, мошенничество, хищение путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением) женщин – 14%[4].

Понятно, что женщины реже, чем мужчины, совершают хищения с применением насилия. Например, их удельный вес среди осужденных за грабежи составляет 7%, а за разбои – только 1,5%. Зато доля их среди осужденных за хищение путем присвоения или растраты вверенного имущества, хищения путем злоупотребления своим служебным положением достигает 20%. По очевидным причинам значительно большее количество женщин осуждается за обман покупателей и заказчиков: они составляют 87% осужденных по этой статье[5].

Особого внимания заслуживает рассмотрение статистики, отражающей картину женской насильственной преступности в динамике. Сопоставление материалов Министерства юстиции даже с начала 90-х годов вызывает озабоченность ее неблагоприятными тенденциями. Так, если в1992 г. удельный вес женщин, осужденных за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, составлял 7% осужденных за это преступление, то в 1996 г. – уже 10%[6]. В 1992 г. удельный вес женщин, осужденных за умышленные убийства (включая умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах и в состоянии сильного душевного волнения) составлял 9%. В абсолютных цифрах это 40 женщин из 445 всех осужденных за эти преступления. Уже в 1996 г. этот показатель возрос до 11,7% или в абсолютных цифрах – 100 женщин из 849 осужденных за умышленные убийства[7].

Приведенную тревожную статистику подтверждает и отчетность МВД республики, хотя здесь речь идет не об осужденных за преступления, а о только еще выявленных преступниках, и до вынесения им приговора называть таких лиц преступниками неправомерно[8].

Как видно, увеличивается не только общее количество женщин, совершающих опасные насильственные преступления против личности, но и их удельный вес в процентном отношении к числу всех правонарушителей. Обсуждение причин женской преступности, в том числе ее роста, требует обращения к теории преступности, однако в уголовно-правовых исследованиях изучению такого феномена почти не уделялось внимания. Немногочисленные разработки по этой теме дореволюционных ученых не получили продолжения в силу их "изначально чуждых классовых позиций". В дальнейшем "до ликвидации преступности

и искоренения причин, ее порождающих” такое временное негативное явление объяснялось стандартным набором идеологических штампов – пережитками капитализма, мелкособственническими устремлениями отдельных несознательных граждан, проявлением чуждой морали и элементов разложения старого общества[9], а потому не возникало необходимости в серьезных научных разработках.

Тем не менее в конце 80-х начале 90-х годов появилось небольшое количество публикаций, посвященных отдельным проявлениям женской преступности — проституции, тунеядству, уклонению от лечения венерических заболеваний. Так, грузинский профессор А.А. Габиани свою работу посвятил решению проблемы проституции и ее опасных последствий. Интересно, что половая принадлежность автора очень хорошо просматривается в характере изложения материала. Приводя данные своих исследований и отмечая, что среди проинтервьюированных им женщин высок удельный вес выросших в очень неблагополучных семьях, что у большинства не сложилась семейная жизнь : 51,7% — разведены; 30,3% — никогда не были замужем; 6% — вдовы, а 4,9% занимаются проституцией, будучи замужем и проживая с мужем, он гневно комментирует последнюю цифру – “это особенно аморально”[10]. То обстоятельство, что мужья проституток, скорее всего не испытывают угрызений совести, проживая на содержании жен, его не возмущает, а сама проблема предстает не как следствие определенной организации общества (распределения в нем денег и власти между полами), а как проблема аморальных женщин.

Для ее решения автор предлагает следующие меры: легализация проституции с выдачей представительницам этой профессии после проверки их общего и полового здоровья (весьма интересный термин) врачебной комиссией соответствующего разрешения на занятие этим видом деятельности. Замена существующей административной ответственности за занятие проституцией уголовной за уклонение от регистрации и невыполнение правил занятия проституцией, т.е. прохождения медицинского освидетельствования и применения презервативов при случайных половых связях. Меры уголовной ответственности, по его глубокому убеждению, должны быть достаточно строгими, вплоть до лишения свободы на длительные сроки[11].

Не уступают в оригинальности и аргументы установления такой жесткой ответственности. Один из них изложен следующим образом: “ведь карается же в уголовном порядке и достаточно строго заражение венерической болезнью и уклонение от ее лечения, и это ни у кого не вызывает сомнения, тем более, протеста?”[12]. В этой связи у нас есть все основания выразить протест такому подходу и поддержать мнение Г.А. Злобина, усомнившегося в эффективности подобных примитивных решений проблемы проституции, так же, как и распространения венерических заболеваний, поскольку “такая ситуация открывает дорогу для функционирования незаконного врачевания … вновь как и в ситуации с наказуемостью абортов, зло объективно загоняется в подполье, а уголовный закон, создаваемый для борьбы с социально опасными явлениями, на деле не только не приводит к желаемым результатам, но затрудняет принятие эффективных лечебно-профилактических мер и, следовательно, усугубляет, а не выправляет положение в этой области”[13].

В традиционном патриархальном духе пытается объяснить причины женской преступности и выдать рекомендации для ее “искоренения” еще один российский профессор Ю.М. Антонян. В одном из новейших учебников по криминологии он пишет: “Анализ современных социально-экономических процессов, условий жизни женщин позволяет считать, что причины преступности среди них в настоящее время связаны с такими явлениями: 1) значительно более активным их участием в общественном производстве; 2) существенным ослаблением главных социальных институтов и, в первую очередь, семьи, а также социального контроля; 3) возросшей напряженностью в обществе, тревожностью людей, конфликтами и враждебностью между ними; 4) ростом таких антиобщественных явлений, как наркотизм, алкоголизм, проституция, бродяжничество и попрошайничество”[14].

Представляется, что “более активное участие женщин в общественном производстве”, наоборот, следует рассматривать как положительное явление, позволяющее женщине заработать себе на жизнь достойным путем, а не, например, проституцией. С другой стороны, занятость в этом самом общественном производстве отвлекает людей (и женщин, и мужчин) от участия в “криминальном производстве”, что также должно быть поощряемо. А вот незанятость–то и приводит к преступной деятельности. Так, например, по отчету Гомельского областного управления

юстиции за 1996 год из 9755 осужденных – 4096 человек (41,9%) на момент совершения преступления являлись трудоспособными, но не работали и не учились[15]. К сожалению, статистика отдельно для мужчин и для женщин не ведется, поэтому указать точную цифру не работавших на момент совершения преступлений женщин невозможно.

Кстати, сам же Ю.М. Антонян в одной из своих более ранних работ приводит требуемые данные, правда, в немного другом контексте: "Среди конфликтующих с уголовным законом женщин довольно высока доля лиц с высшим и средним специальным образованием, а также имеющих специальность. Наиболее высокая квалификация – у осужденных за тяжкие насильственные преступления, хищения и взяточничество. Однако 44% из них к моменту совершения преступлений не имели определенных занятий (в это число не входят домохозяйки)"[16].

Здесь уместно привести и такой, например, аргумент, очень наглядно иллюстрирующий взаимосвязь женского неучастия в "общественном производстве" с активным их участием в противоправной деятельности. По логике Ю.М.Антоняна, женщины-цыганки в силу того, что почти не участвуют в общественном производстве, должны относиться к группе наиболее законопослушных представительниц слабого пола. Однако, как показывает практика, свою активность в этом случае они переносят в криминальную сферу: их доля среди женщин, совершающих преступления, достаточно велика.

В качестве решения проблемы женской преступности Ю.М.Антонян предлагает идти по пути "возвращения женщины в семью" и критикует ее за то, что она перестает исполнять или исполняет ненадлежащим образом исконно женские роли и обязанности. В таком случае, после достижения качественно нового состояния общества, она займет в нем принципиально новый статус и будет защищена там законом, обычаями и традициями[17].

Знаменательно, что, несмотря на то, что мужская преступность намного превышает женскую, никто не предлагает ограничивать мужскую агентивность в общественной сфере. Несмотря на провозглашенное еще 1917 г. равноправие, автор-юрист(!) рассматривает женщину как гражданина особого типа, по отношению к которому общество имеет право решать, какие обязанности являются "естественными", а какие нет. Очевидно, право все-таки не настолько гендерно нейтрально, как мы привыкли думать.

Кроме того, если даже и предположить, что все женщины захотят "вернуться в семью, чтобы исполнять свои исконно женские роли и обязанности", то по простой арифметике этих семей (обязательным стволом семьи представим мужа) им просто не хватит. Преобладание женского населения в республике налицо. Если к тому же учесть, что количество мужчин, находящихся в местах лишения свободы в основной массе из разряда обеспечивающих семью мужей выпадает, аналогично как и достаточно большое количество мужчин, состоящих на учете по поводу хронического алкоголизма, то многим женщинам оказывается и не к кому возвращаться.

Конечно, нет сомнения в том, что наличие семьи, детей является важным условием счастливой полноценной жизни как женщин, так и мужчин. Очевидно, что некоторое количество женщин согласно "вернуться в семью" и не работать вне дома. В этом нет ничего предосудительного. Однако даже без социологического опроса понятно, что один работающий содержать семью не в состоянии. По озвученным в канун 8-го Марта иследованиям, проведенным по заказу женщин-депутатов Госдумы Российской Федерации, прозвучавшим в информационной телевизионной программе из уст Екатерины Лаховой, в России только 10% мужчин могут содержать семью на свои доходы. Получается, что остальные 90% без "активного участия их жен в общественном производстве" просто не могут обойтись. В Беларуси ситуция аналогичная. Кроме того, человечество не может (и никогда не могло) обойтись без женского труда: согласно "Докладу ООН о развитиии человека за 1995 г" женщины выполняют больше работы, чем мужчины.

Жизнь показывает, что многие женщины с успехом справляются с ранее традиционно считавшимися мужскими профессиями и зарабатывают намного больше, чем их мужья. Зачастую они являются в семье "главными добытчицами". Однако мужчине в этом случае для того, чтобы взять на себя "традиционно женские обязанности" приходится преодолевать навязанные за много веков стереотипы гендерных норм поведения в обществе. Таким образом получается, что от устаревших патриархальных традиций страдают и сами их защитники. Известно, что развивающийся у мужчины в связи с более успешной карьерой жены комплекс неполноценности становится причиной конфликтов в семье и даже преступлений на этой почве. Избавление

же от предрассудков, преодоление вредных стереотипов позволило бы многим мужчинам, имеющим склонность к занятиям с детьми, работе по дому, и даже не имеющим такой склонности, но в силу объективной необходимости вынужденным этим заниматься по той причине, что больше средств на содержание семьи может заработать на данном этапе жена, избежать разрушения семей, пережить трудные времена.

В свою очередь, избавление женщин от стереотипной “зацикленности” на том, что смыслом ее жизни является “обслуживание” взявшего ее замуж мужчины позволило бы избежать многих тяжелых потрясений, связанных с потерей этого объекта. Причем даже независимо от причин, в связи с которыми это произошло – смерть мужа, уход к другой женщине, развод, другой повод и т.д. Не секрет, что в качестве основного мотива для женского суицида преобладает именно этот. Незамужняя женщина рассматривается обществом как ущербная.

Замечено, что между количеством регестрируемых убийств и самоубийств существует четко выраженнная зависимость. Как правило, количество самоубийств в 3-4 раза превышает количество убийств. Это соотношение подтверждает и официальная статистика. Так, в 1993 году по республике было зарегистрировано 756 убийств и покушений на убийство и 2886 самоубийств. Последних в 3,8 раза больше. В 1996 году соответственно 997 убийств и 3602 самоубийства: количество самоубийств больше в 3,6 раза[18].

Можно предположить, что такой феномен объясняется сформировавшейся за длительное время в атмосфере жестокости и насилия психологией личности, в основе которой лежит убеждение, что с помощью насилия можно решить все проблемы. Путем физического истребления политических оппонентов в свое время была решена проблема захвата и удержания власти. Путем ужесточения уголовной ответственности до сих пор пытаются решать проблему борьбы с преступностью. Путем лишения самого себя жизни человек пытается избавиться от решения сложных житейских проблем.

Показательным в этом плане является тот факт, что даже проблему защиты женщин от насилия согласно Национальному плану действий по улучшению положения женщин на период от 1996 до 2000 года правительство обязуется решать таким же проверенным способом. Так, в п. 3.2 упомянутого документа указывается: “При разработке проекта нового Уголовного кодекса предусмотреть меры по усилению наказания лиц, совершивших или способствующих совершению актов насилия в отношении женщин и детей. Срок исполнения – 1997 г. Ответственный – МВД и Минюст.”[19].

Результатом проводимой в течение многих десятилетий уголовной политики, отличающейся постоянным ужесточением наказаний, является острейший кризис уголовно-исполнительной системы. По состоянию на 23.01.1998 г. в местах изоляции содержалось 58 тысяч человек (включая уже осужденных и следственно-арестованных). Как отметил на заседании коллегии Комитета по исполнению наказаний его начальник В.Хомлюк, только за прошедший 1997 год численность “спецконтингента” увеличилась на 3,4%. Перелимит по колониям составил 47%, по следственным изоляторам и тюрьмам – 56%. И это в то время, когда в исправительно-трудовых учреждениях республики содержится 26% выявленных в республике Вич-инфицированных и 10% больных активной формой туберкулеза”[20].

Между тем примитивная политика решения проблем преступности путем осуждения к длительным срокам лишения свободы продолжается. Только за последний год в Уголовный кодекс многократно вносились изменения , усиливающие его и без того репрессивную направленность. Обстановка в местах лишения свободы все более приближается к опасной черте. Через тюремные стены “выползают” в общество все запрятанные там острые социальные проблемы: СПИД, туберкулез, озлобленные, подавленные безысходностью своей судьбы люди, неспособные к самостоятельной социальной реабилитации.

О положении в единственной в республике исправительно-трудовой колонии для женщин, расположенной в г.Гомеле, следует сказать особо. Перелимит в ней составляет 100% ! При предусмотренном лимите наполняемости по жилью 1350 человек по состоянию на 1.03.1998 г. содержалось 2700 человек. И это при наличии в таком большом скоплении людей ВИЧ-инфицированных, больных туберкулезом, несовершеннолетних. Среди содержащихся в колонии около 20% осуждены за насильственные преступления, половина из них за убийства.

Даже поверхностное изучение дел женщин, осужденных за убийства, показывает, что в преобладающем большинстве это выходцы из неблагополучных семей, в которых насилие считалось нормой поведения, а постоянные пьянки и скандалы сопровождали их в течение длительного периода до совершения преступления. Почти половина осужденных за убийства женщин лишили жизни своих фактических или юридических супругов; зачастую это стало местью за многолетние избиения и истязания. Этих преступлений могло не быть, но в нашем обществе практически отсутствуют механизмы защиты женщин от домашнего насилия. Как общественным мнением, так и государством эта проблема не считается серьезной.

Достаточно много находящихся в колонии женщин в качестве объектов для мести за тяжело переживаемые обиды, нанесенные мужем или близким другом, избирали своих детей, детей женщин, к которым уходили мужья, своих соперниц. Очень высок среди женщин, совершивших насильственные преступления, удельный вес страдающих психическими расстройствами различной степени, многие из совершивших убийства покушались на самоубийство.По свидетельству врачей дома ребенка, на территории колонии до 90% рожденных осужденными детей имеют задержку в развитии, неврологические расстройства. Примечательно, что при проведении с ними работы по специальным корректирующим программам за несколько лет их состояние значительно улучшается.

Логично предположить, что если проводить реабилитационную работу с их матерями, то возможно достичь определенных успехов. Однако на сегодня в колонии 2700 осужденных обслуживают всего лишь два психолога. На одного начальника отряда приходится до 150 человек, с которыми он должен работать. Положение усугубляется тем, что и работать осужденные не имеют возможности. Заняты на производстве или на других работах, которые может обеспечить администрация учреждения, не более 30% осужденных, хотя женщины не отказываются заниматься даже самым тяжелым и малоквалифицированным трудом.

По мнению администрации колонии, в ней находится до 10% женщин, изолировать которых от общества нет никакой необходимости, и применение к ним столь сурового наказания совсем неоправдано. По свидетельству руководства мужских колоний, в них количество осужденных за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, еще выше и достигает 30%[21].

В этой связи очень поучительным представляется опыт Польши в реформировании пенитециарной системы, имеющий уже почти десятилетнюю историю. Как отмечает в своей работе на эту тему профессор Варшавского университета Моника Платек, до начала реформы в польских тюрьмах содержалось около 8 тысяч женщин. Первые изменения в пенитенциарной политике Польши начались именно с женских тюрем. В соответствии с новой уголовной политикой лишение свободы могло быть назначено женщине лишь в исключительных случаях, а освобождение – при наличии самого широкого круга оснований. Государству это было очень выгодно: не надо было тратить средств как на содержание женщин, так и их детей. Такая политика привела к интересным результатам. В конце 80-х в тюрьмах Польши находилось лишь две тысячи женщин, хотя их доля в совершаемых преступлениях по-прежнему составляла 10-15%. Таким образом было доказано, что не существует прямой зависимости между количеством осужденных к лишению свободы и количеством совершаемых преступлений[22].

Гуманизация коснулась в Польше и условий содержания заключенных. В соответствии с новым законодательством на каждого заключенного мужчину должно приходиться не менее трех квадратных метров жилой площади, а на женщину — не менее четырех[23]. В польских Правилах выполнения предварительного заключения предусмотрены и иные льготы для женщин, учитывающие специфику их физиологии, например, то, что арестованная женщина имеет право пользоваться не менее одного раза в день теплой водой и два раза в неделю баней (мужчина — один раз)[24].

С горечью приходится констатировать, что даже предусмотренная в нашем действующем Уголовно-исполнительном кодексе норма жилой площади на заключенного — два квадратных метра, не обеспечивается ни для мужчин, ни для женщин. Женщины же живут в еще худших условиях, чем мужчины. А нормативные акты, регламентирующие правила исполнения наказания в виде лишения свободы, вообще не предусматривают никаких различий в условиях содержания женщин и мужчин[25].

Для женщины пребывание в тюрьме, в отрыве от детей, является очень тяжелым. Находящиеся в Гомельской колонии осужденные женщины сами проявляют инициативу, чтобы попасть в те 30%, которые имеют возможность трудиться, выполняя даже такую малоприятную работу, как уборка рынков. Американские юристы, посещавшие цех колонии по пошиву одежды, были удивлены добросовестным отношением осужденных к работе без всякого принуждения к этому со стороны персонала. В нормальных условиях содержания можно было бы обучать готовящихся к выходу на свободу женщин каким-то требующимся на рынке профессиям.

Если мы действительно хотим соответствовать стандартам цивилизованного правового государства, то пора признать, что проводимая до настоящего времени государственная уголовная политика оказалась неэффективной, и ее необходимо срочно пересмотреть. Пора наконец от декларируемой на самом высоком уровне заботы о женщинах перейти к реальным решениям, подтверждающим ее на самом деле. Начать же следует с проведения в уникальной в республике колонии масштабного исследования причин, по которым содержащиеся там женщины попали на скамью подсудимых, а затем выработать научно обоснованную концепцию реформирования республиканской пенитенциарной системы в соответствии с мировыми стандартами. Проблема ресоциализации осужденных, и особенно женщин, как в местах лишения свободы, так и продолжаемая после их освобождения, должна стать делом государственной важности, приобрести соответствующий статус и финансовую поддержку.

---

[1] Жанчыны Беларусі у люстэрку эпохі: Нацыянальная справаздача. Мн., 1997. С.18.
[2] Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.,1992.
[3] Жанчыны Беларусі у люстэрку эпохі … С.20
[4] Подгруша В.В. Уголовное законодательство Республики Беларусь и права женщин // Женщины и права человека: Докл. Конф. Мн.,1997. С.7-8.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Криминология: Учебник / Под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского. М., 1998. С.120-121.
[10] Габиани А.А. О правовых мерах по ограничению проституции и ее социально опасных последствий // Советское госуд-во и право. 1991. № 2. С. 70-73.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Основания уголовно-правового запрета / Под редакцией В.Н.Кудрявцева, А.М.Яковлева. М., 1982. С.224.
[14] Криминология : Учебник / Под ред. В.Н.Кудрявцева, В.Е.Эминова. М., 1995. С.304-310.
[15] Отчет о составе осужденных, месте и времени совершения преступлений Гомельского областного управления юстиции за 1996 год.
[16] Антонян Ю.М. Преступность женщин // Социалистическая законность. 1991. № 7. С.19-20.
[17] Криминология : Учебник / Под ред. В.Н.Кудрявцева, В.Е.Эминова. М., 1995.
[18] Жанчыны Беларусі у люстэрку эпохі … С.72-73.
[19] Збор Указау прэзідэнта і пастаноу Кабінета Міністрау Рэспублікі Беларусь. 1996. №17. С.64.
[20] Ориентир — высокие результаты: Спецвыпуск, посвященный Комитету по исполнению наказаний МВД // На страже. 1998. 23 янв.
[21] Маковецкая И. Новшества белорусского Уголовного кодекса // Белорусская деловая газета. 1997. 22 мая. С.15.
[22] Платек Моника. Реформа пенитенциарной системы в Польше // Проблемы конституционализма. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Мн., 1998. С.64-67.
[23] Там же.
[24] Правила выполнения предварительного заключения. Варшава, 1994. С.12.
[25] Исправительно-трудовой кодекс Белорусской ССР. Мн., 1994. С.50.

I. Kuchvalskaya

FEMALE CRIME IN BELARUS

Summary

Female Crime makes from 8 to 12% of all crimes. The number started to grow since early 1990-ies. Popular explanations of the phenomenon are patriarchal and claims are made by many male experts in the field to “return women into the family”.

Е.В. Левченко

ПРОБЛЕМЫ ВЫВОЗА ЖЕНЩИН ИЗ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ДЛЯ СЕКС-ТОРГОВЛИ

ЛЕВЧЕНКО Екатерина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Харьковского госуниверситета, национальный координатор программы "Предотвращение торговли женщинами в странах Центральной и Восточной Европы – Ла Страда".

Вывоз женщин и девушек из одних стран в другие для сексуальной эксплуатации является общемировой проблемой, лежащей в русле глобальных миграционных и экономических процессов, в результате которых происходит перемещение рабочей силы (независимо от профессии – будь то "утечка мозгов" или поставка проституток) из стран Азии, Африки и бывшего советского блока в страны с более высоким уровнем жизни. В нашем обществе популярна идея, что эта проблема, во-первых, не масштабна, а, во-вторых, это проблема аморальности женщин. В таком случае интересно выяснить, почему аморальными становятся именно женщины из бедных стран. Сколько бы не обвинялась, например, Украина, в том, что она является поставщицей женщин на международные рынки, нужно помнить, что основные сверхприбыли от существования и процветания этого нелегального бизнеса получают заграничные криминальные группировки. Они объективно заинтересованы в сохранении такой ситуации и не в их интересах улучшение экономической ситуации на Украине. Масштабы этого нелегального бизнеса так велики, ежемесячные и годовые обороты — гигантские (а по прибыльности он стоит, но данным Интерпола и ООН, на третьем месте после торговли наркотиками и оружием), а сращивание криминала с властными структурами, прежде всего правоохранительными органами в странах Центральной и Восточной Европы, делает его опасным для национальной безопасности многих стран.

Определение феномена торговли женщинами в международных документах менялось вместе с углублением его понимания. Сегодня торговля женщинами понимается как вербовка или перемещение женщин в пределах одной страны или за ее пределы, принуждение при этом к работе в сексбизнесе, путем угроз или насилия, злоупотребления полномочиями, долговой зависимостью, обманом или любыми другими формами запугивания. Торговля женщинами — это не только форма проявления насилия в отношении женщин, но и нарушение фундаментальных прав человека. Допуская торговлю людьми, закрывая глаза на существование этого явления, государства тем самым способствуют нарушению прав человека.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЖЕНЩИНАМИ НА УКРАИНЕ

Главную роль в возникновении этого явления играют внутренние факторы. Среди них:

- экономический кризис, общее ухудшение жизни в стране;
- кризисная ситуация с занятостью, особенно рост женской безработицы: как известно из официальной статистики, более 70 % из зарегистрированных безработных в Украине — это женщины;
- феминизация бедности: согласно статистике, женщины получают в среднем на 30% меньше, чем мужчины. Феминизация бедности толкает на поиск любой работы и любого способа улучшения собственного материального положения и материального положения семьи (ибо по традиции именно на женщине лежит ответственность за благополучие детей);
- увеличение доли теневой экономики и ее криминализация: процесс миграции криминализуется, потому что дешевая рабочая сила украинских граждан создает основы сверхприбыли посредников как на Украине, так и за ее пределами.

Среди внешних факторов, способствующих возникновению торговли женщинами, есть и положительные, например, открытие границ после падения "железного занавеса", упрощение возможностей для украинских граждан путешествовать в поисках развлечений, отдыха и работы. Есть и негативные: интернационализация теневой экономики, формирование международ-

ных криминальных группировок на территории стран бывшего социалистического лагеря, сращивание правоохранительных органов с криминальными структурами, лояльное по отношению к проституции законодательство многих стран мира.

Чем иным, как не коррумпированностью государственных органов, милиции, полиции разных стран можно объяснить достаточно легкий и распространенный путь попадания наших женщин в страны Западной Европы?

Чаще всего за границу едут с целью трудоустройства. Объявления о работе печатаются практически во всех рекламных газетах. Среди них есть нейтральные, типа: "Работа в Чехии", "Работа для украинских граждан в Германии", "Работа в Голландии" и т.п., а есть объявления, сразу же предъявляющие ограничения по полу, возрасту и даже внешности: "Высокооплачиваемая работа в ночном клубе по контракту для молодых симпатичных девушек. Проживание. Апартаменты. Полный пансион. Наличие загранпаспорта. Оплата от 2000 немецких марок". Или: "Приглашается женский танцевальный коллектив для работы за границей" (внешность и молодость гарантируются самой профессией). Проверить честность намерений подобных работодателей усилиями только одной украинской стороны нелегко, тем более что необходимая для этого законодательно-нормативная база слабо развита. Социологи, занимающиеся проблемами занятости, указывают, что выбор профессий, предлагаемых женщинам за границей, не так велик, как для мужчин; кроме того, женщинам изначально предлагают **другие** профессии, чем мужчинам.

По данным неправительственных организаций и независимых экспертов, абсолютное большинство девушек едет не по объявлениям фирм, а по приглашениям знакомых. Из рассказов пострадавших женщин: "Познакомилась с Юрием в Луганске. Встречались несколько лет. Знала, что возит девушек в Югославию работать, попросила, чтобы отвез туда, так как с деньгами и с работой на Украине — проблема. Юрий говорил, что девушки хорошо зарабатывают — до двух тысяч марок. Привез в Сербию, в г. Самбор. Сам уехал. Хозяин бара объяснил, что купил нас всех за 6000 немецких марок. Работали в стриптиз баре с секс-услугами. Танцевали в нижнем белье, клиент выбирал девушку, сажал за столик, угощал, потом платил хозяйке 100 немецких марок и увозил. Работали в отеле, куда привозил клиент, в машинах, а то и просто в лесу. Как правило не хотели пользоваться презервативами, грозили рассказать хозяину, что плохое обслуживание, иногда были пьяные мужчины. Один брал, а обслуживай двух-трех сразу и опять же под угрозами. Нас активно спаивали клиенты, чтобы мы были расслабленнее и на все готовы. Если девушка возмущалась, жаловались хозяевам на плохую работу. Обращаться в полицию с жалобами и за помощью было бесполезно, так как один из трех хозяев был полицейским. Он даже часто заходил в бар в форме. Денег не заработала. Счастлива, что вернулась, больше не собираюсь ехать".

Важную роль в процессе вербовки играет неинформированность женщин и девушек, которые соглашаются на предложения, даже не задумываясь о том, что им угрожает или о том, имеют ли они, в принципе, право работать за границей. Большинство из них не знакомы с достаточно строгим миграционным законодательством, многие считают, что иностранцы имеют право работать за границей наравне с гражданами этой страны, и получают такую же зарплату. О том, что с туристической или гостевой визой (а именно такие имеют наши девушки, выезжающие за границу и попадающие потом в нелегальный сексуальный бизнес) нельзя работать, тоже знает незначительная часть.

Сегодня на Украине нет официальной статистики количества проданных или обманутых женщин. Для этого есть и объективное оправдание: ее очень сложно вести, ибо многие женщины, ставшие жертвами обмана, боятся рассказывать о случившейся с ними беде. И все-таки, даже там, где можно было бы вести некий частичный учет (выделение из общего количества депортированных, из числа обратившихся в украинские посольства за границей, в милицию и т.п.), он не ведется.

То, что официальные данные не отражают масштабов явления, наглядно видно из Материалов аналитического обзора некоторых проблем борьбы с транснациональной торговлей женщинами и эксплуатацией проституции третьими лицами, подготовленных Центральным бюро Интерпола на Украине. С 1995 по 1997 год 19 украинских женщин были депортированы из стран Западной Европы; в 1996 году было получено 26 уведомлений о фактах торговли

женщинами (9 — из Германии; по 4 — из Сербии, Австрии, Турции; 3 — из Польши; по 2-из Франции и Италии).

Исследуя масштабы распространения феномена торговли женщинами на Украине и в странах бывшего Советского Союза, можно полагаться только на неофициальные источники, экспертные оценки, данные зарубежных неправительственных организаций, которые работают в этой сфере. Так, например в Израиле более половины проституток — это гражданки стран СНГ; из Турции еженедельно депортируют около 10 украинских женщин, в Голландии работает не менее 3000 проституток из бывшего СССР, по оценкам югославских экспертов, только в Сербии в барах принудительно работает около тысячи украинских женщин, значительно больше их в крупных городах России, особенно в Москве и Санкт-Петербурге.

Но этими цифрами не исчерпываются масштабы распространения торговли женщинами. Никто не исследовал масштабы принудительной проституции внутри самой Украины, хотя, как следует из определения феномена торговли женщинами, перевоз женщин внутри страны также рассматривается как торговля. Это явление не фиксируется привычными статистическими методами, не визуализировано даже с помощью показателей статистики министерства внутренних дел. О нем стало известно только благодаря усилиям неправительственных организаций.

Дело в том, что в правовом и политическом дискурсе Украины отсутствует такое понятие как "торговля женщинами". Его нет в Уголовном Кодексе, в Кодексе Украины по административным нарушениям. И даже в таких политических документах, которые посвящены проблемам женщин, как например, материалы парламентских слушаний летом 1995 г., национальный доклад к IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, оно отсутствовало и появилось только к осени 1997 года в таких официальных документах, как Национальный план действий на 1997-2000 годы по улучшению положения женщин на Украине и повышению их роли в обществе (постановление Кабинета Министров Украины от 8 сентября 1997 года).

МОЖЕТ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАЩИТИТЬ ЖЕНЩИН ОТ КРИМИНАЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО БИЗНЕСА?

Украинское законодательство и в первую очередь Уголовный Кодекс, частично перелатанный из бывшего криминального кодекса Украинской Советской Социалистической Республики, не отражают изменившихся реалий современного мира. Прежде всего это касается тех разделов, которые посвящены сексуальной эксплуатации и наказанию за нее. В Уголовном кодексе Украины отсутствует статья, наказывающая за торговлю женщинами, как, впрочем, и само понятие.

Принуждение женщины к занятию проституцией рассматривается как уголовно наказуемое преступление. Это достаточно сложно доказуемое преступление даже в границах одной страны, не говоря уже о международных криминальных делах.

По данным Информационного бюро Министерства внутренних дел Украины по статье 208 Уголовного кодекса Украины "Втягивание несовершеннолетних в занятие проституцией зарегистрировано преступлений:

1991-1993 года — 0 преступлений;
1994 год — 2 преступления;
1995 год — 5 преступлений;
1996 год — 6 преступлений;
1997 год — 2 преступления.

Торговля женщинами — это весьма специфическое преступление, которое совершается одновременно на территории нескольких стран и может поэтому рассматриваться только в комплексе, как организованное преступление, совершенное группой лиц. Но доказать вину таких торговцев очень сложно потому, что, скажем, в пределах Украины не совершается никакого преступления: женщине предлагается работа за границей, но это "соглашение" завершается совершенно "неожиданно" на территории иной страны и вполне вероятно, что там принуждать женщину заниматься проституцией будут уже граждане других стран. Поэтому статья 119 (Принуждение женщины к половому акту с лицом, от которого женщина зависима по службе или материально) также не защищает украинских женщин от угрозы быть проданными, как и 210 статья действующего Уголовного Кодекса Украины, наказывающая за содержание публичных домов и сводничество. Публичного дома на Украине торговец не содержит и даже лично не принуждает женщину вступать в по-

ловую связь.

Кроме всего прочего, достаточно сложно доказать преступления по этим статьям, поскольку необходимы свидетельства жертв, которые с неохотой идут на это. По данным Информационного бюро Министерства внутренних дел Украины, в 1991-1997 годах было зарегистрировано преступлений и лиц, которые их совершили, по статье 210 Уголовного Кодекса Украины:

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Привлечено к уголовной ответственности лиц по статье 210
1991	3	3
1992	2	1
1993	21	29
1994	30	13
1995	49	45
1996	82	24
1997	50	41

Сложность заключается еще и в том, что очень часто за рубежом женщина находится нелегально (с просроченной визой, фальшивым паспортом и т.п.). Кроме того, практически во всех случаях принуждения к занятию проституцией за границей трафикары под различными гуманными предлогами или насильственно отбирают у завербованных личные документы сразу же после пересечения границы Украины.

Женщину убеждают (а при низкой правовой культуре наших граждан это достаточно просто), что только факт нелегального нахождения в стране, может вызвать множество отрицательных для нее последствий (что, впрочем, так и есть), поэтому она должна избегать всяких контактов с представителями власти. Это означает, что наши женщины за границей не могут рассчитывать ни на какую правовую защиту. Учитывая это, а также угрозы рассказать о занятиях женщины за границей ее родным и близким вынуждают украинских женщин практически всегда отказываться назвать своих вербовщиков и тем более свидетельствовать против них в судах.

Эти аргументы приведены для того, чтобы обосновать необходимость внесения в Уголовный Кодекс Украины нормы об ответственности за торговлю и вывоз женщин, что требует различения понятий "сводник" и "трафикер — торговец".

В настоящее время на Украине обсуждается новоый Криминальный Кодекс. В один из его вариантов, который прошел экспертизу международных организаций, внесены статья 141 "Торговля несовершеннолетними", статья 149 "Принуждение к занятию проституцией" и статья 166 "Грубое нарушение соглашения о труде". Это серьезные положительные изменения, однако они не охватывают всей проблемы. Нужна отдельная статья против торговли женщинами, нужно введение самого понятия "торговля женщинами" в правовое поле.

В ситуации, когда вывоз украинских женщин за границу растет, нет специальной государственной службы, которая способствовала бы предотвращению этого явления, как нет и координированных действий разных министерств и ведомств в этом направлении, хотя некоторые государственные структуры в своей деятельности так или иначе касаются этой проблемы. Это Министерство Украины по делам семьи и молодежи, Министерство труда и социальной политики Украины, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Министерство образования, Министерство юстиции, Интерпол, Государственная пограничная служба и др.

Чаще всего фактами торговли женщинами занимаются представители органов внутренних дел, однако с жалобами на вербовщиков в милицию обращается лишь незначительное количество женщин. Практика показывает, что при современном законодательстве торговля женщинами визуализизируется только тогда, когда она связана с другими уголовными преступлениями. Преступника сегодня можно наказать не за торговлю живым товаром (такого преступления, как мы говорили, не существует на Украине), а за, так сказать, "смежные" преступления – убийства, насилие,.

кражи, нарушение паспортного режима, незаконные валютные операции и т.п.

С фактами вывоза украинских женщин за границу с целью трудоустройства и последующим обманом и принуждением к занятию проституцией знакомо также Министерство труда и социальной политики Украины. По украинским законам, все фирмы, которые занимаются или хотят заниматься трудоустройством украинских граждан за пределами страны, должны получить лицензию министерства труда, что непросто. Поэтому на преступления идут незарегистрированные фирмы или фирмы, не имеющие лицензии, а также индивидуальные посредники. Работники министерства и региональных центров занятости периодически проверяют фирмы, однако механизмов реального воздействия для предупреждения торговли женщинами не имеют.

Представители министерства иностранных дел помогают украинским гражданкам за границей: через посольства выдаются, в случае утери, документы для возвращения на родину, однако специальной работы с жертвами торговли женщинами не ведется.

Использование женщин в международных сетях торговли в качестве живого товара для проституции стало одной из основных форм международной организованной преступности, поэтому необходимы международные соглашения по предотвращению распространения этого явления.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ТОРГОВЛЕ ЖЕНЩИНАМИ

В последние десятилетия был принят ряд международных соглашений, направленных на предотвращение торговли женщинами. Наиболее весомые из них — Конвенция 1949 года против торговли людьми, Конвенция ООН "О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин" (1979 г.), Итоговые материалы Четвертой Всемирной Конференции по положению женщин (Пекин, 1995), Гаагская министерская декларация (1997).

Конвенция 1949 года была направлена на борьбу с торговлей людьми и втягиванием их в проституцию. Конвенция делает ударение на запрещении сексуальной эксплуатации, использовании женщины в проституции и сексуальной индустрии. Она потребовала от государств, подписавших Конвенцию, трактовать как преступников сводников, лиц, которые используют проституцию с целью наживы, держателей публичных домов, а также их соучастников. Конвенция требовала введения специфического медицинского и законодательного обеспечения, а также пересмотра государствами — участниками национальных законодательств с целью внедрения основ международной кооперации в решение проблемы торговли людьми. Она сыграла свою позитивную роль, однако со временем устарела.

18 декабря 1979 года ООН была одобрена Конвенция “О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин”, ставшая по своей сути основным международным документом по правам женщин. Статья 6 Конвенции провозглашает, что “государства-участники принимают все соответствующие меры, ВКЛЮЧАЯ законодательные, которые касаются прекращения всех видов торговли женщинами и использования женщин в проституции”.

Как видно, в этой статье требование наказания женщины за проституцию не выдвигается. В общих рекомендациях к Конвенции обращается внимание на тот факт, что в дополнение к уже существующим формам торговли, появились такие новые формы сексуальной эксплуатации, как секс-туризм, вербовка рабочей силы из стран третьего мира для использования в домашнем хозяйстве граждан развитых стран, а также фиктивные браки женщин стран третьего мира с иностранцами и “невесты по переписке”.

Конкретные шаги по пути формирования действующих механизмов предлагаются странам- участницам в Пекинской Платформе действий. Правительствам стран происхождения, транзита и назначения, региональным и международным организациям документы конференции предлагают такие мероприятия: рассмотрение вопроса о ратификации и обеспечении применения международных конвенций, касающихся торговли людьми и рабства, сотрудничество и согласованные действия всех соответствующих правоохранительных органов; выделение ресурсов на цели разработки всеобъемлющих программ, рассчитанных на оказание терапевтической помощи и возвращение в общество лиц, ставших жертвами торговли; налаживание сотрудничества с неправительственными организациями в целях оказания медицинских и социальных услуг жертвам; рассмотрение вопроса о принятии законодательства, нацеленного на предотвращение секс-туризма и торговли женщинами.

Идеология Пекинской конференции была учтена при разработке мер по предотвраще-

нию торговли женщинами на уровне европейских государств. По инициативе правительства Нидерландов 26 апреля 1997 года в Гааге состоялась Министерская Конференция Европейского Содружества по вопросам торговли женщинами с целью их сексуальной эксплуатации. К сожалению, на этой конференции даже в качестве наблюдателей не присутствовали представители Украины и Беларуси.

На европейском уровне и ранее имели место инициативы в области предотвращения торговли людьми, в том числе принятие Европейским парламентом решения по торговле людьми в январе 1996 года, а также Предложения о Действиях, которые должны быть предприняты государствами, членами Содружества, разработанные в рамках Совета Европы.

Целью Гаагской Министерской Декларации является поддержка дальнейших действий по предупреждению, расследованию и наказанию, а также оказанию необходимой помощи и поддержки жертвам торговли в соответствии с правовыми и бюджетными нормами и компетенциями как на государственном, так и на европейском уровнях: на уровне Европы, Европейского содружества, стран-кандидатов в члены Содружества.

Особое внимание в Декларации уделяется помощи жертвам торговли. Отмечается, что только в рамках интегрированного подхода на всех уровнях можно эффективно предупреждать торговлю женщинами и бороться с ней.

Реальные меры для нераспространения торговли женщинами предложены неправительственной организацией — Всемирным Альянсом против торговли женщинами (Таиланд). В сотрудничестве с международной юридической группой был разработан Минимум принципов по отношению к жертвам сексуальной торговли.

В документе делается ударение на том, что жертвы торговли женщинами и принудительной проституции не являются преступницами. Это значит, что они не могут подлежать судебному и другим формам преследования со стороны государств и государственных органов. Государство и общественность должны встать на их защиту. Законодательно необходимо закрепить гуманное обращение с ними, а правительства должны гарантировать им безопасное возвращение на родину или право на легальное убежище в той стране, куда их вывезли. Документ является обращением ко всем странам гарантировать: свободу жертвам от преследований; конфиденциальную медицинскую и психологическую помощь; обеспечение квалифицированным переводом при рассмотрения дела в полиции; предоставление бесплатной правовой помощи; обеспечение того, чтобы прошлое жертвы не использовалось против нее, ее семьи или друзей; конфиденциальное тестирование на СПИД (только по согласию, в соответствии с положениями Всемирной организации здравоохранения).

В 1997г. американская организация “Всемирная сеть за выживание” (Global Survival Network) сняла документальный фильм о торговле женщинами “Купленные и проданные”. Эта же организация совместно с Региональной женской программой Института открытого общества (Фонд Сороса) развернула кампанию по привлечению внимания общественности к этой проблеме, а также инициировала проведение международных семинаров.

В международных документах, освещающих проблемы торговли женщинами, страны подразделяются на три типа: страны — поставщицы женщин на мировые рынки сексуального бизнеса; страны, через которые осуществляется транспортация (транзит) женщин; страны назначения, куда собственно вывозятся женщины.

Украина сегодня (как впрочем и другие страны бывшего Советского Союза) — это страна-поставщица женщин на мировые рынки интимного бизнеса: в Турцию, Хорватию, Сербию, Арабские Эмираты, Израиль; Германию, Нидерланды и др. Именно гражданки Украины сегодня по данным неправительственных организаций и экспертов, составляют значительную часть живого товара на открытых и тайных рынках Запада и Востока.

* * *

Когда эта статья была уже подготовлена, пришло сообщение о том, что в парламент Украины внесен законопроект, предусматривающий наказание за торговлю женщинами до 15 лет лишения свободы. Но какое дело секс-бизнесмену в Германии, что его разыскивают на Украине?

E. Levchenko

TRAFFICKING OF WOMEN FROM EAST – CENTRAL EUROPE

Summary

Trafficking of women from East/Central Europe and the former Soviet Union for sex exploitation has shaped into a serious problem. Individual countries are not capable of stopping the business, and joint international measures are needed.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНВЕНЦИЯ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/180 от 18 декабря 1979 года. ВСТУПИЛА В СИЛУ 3 сентября 1981 года в соответствии со статьей 27 (1).

Государства — участники настоящей Конвенции,

учитывая, что Устав Организации Объединенных Наций вновь утвердил веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин,

учитывая, что Всеобщая декларация прав человека подтверждает принцип недопущения дискриминации и провозглашает, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах и что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными в ней, без какого-либо различия, в том числе различия в отношении пола,

учитывая, что на государства — участники Международных пактов о правах человека возлагается обязанность обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными, культурными, гражданскими и политическими правами,

принимая во внимание международные конвенции, заключенные под эгидой Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений в целях содействия равноправию мужчин и женщин,

учитывая также резолюции, декларации и рекомендации, принятые Организацией Объединенных Наций и специализированными учреждениями в целях содействия равноправию мужчин и женщин,

будучи озабочены, однако, тем, что, несмотря на эти различные документы, по-прежнему имеет место значительная дискриминация в отношении женщин,

напоминая, что дискриминация женщин нарушает принципы равноправия и уважения человеческого достоинства, препятствует участию женщин наравне с мужчиной в политической, социальной, экономической и культурной жизни своей страны, мешает росту благосостояния общества и семьи и еще больше затрудняет полное раскрытие возможностей женщин на благо своих стран и человечества,

будучи озабочены тем, что в условиях нищеты женщины имеют наименьший доступ к продовольствию, здравоохранению, образованию, профессиональной подготовке и возможностям для трудоустройства, а также и другим потребностям,

будучи убеждены, что установление нового международного экономического порядка, основанного на равенстве и справедливости, будет значительно способствовать обеспечению равенства между мужчинами и женщинами,

подчеркивая, что ликвидация апартеида, всех форм расизма, расовой дискриминации, колониализма, неоколониализма, агрессии, иностранной оккупации и господства и вмешательства во внутренние дела государства является необходимой для полного осуществления прав мужчин и женщин,

подтверждая, что укрепление международного мира и безопасности, ослабление международной напряженности, взаимное сотрудничество между всеми государствами независимо от их социальных и экономических систем, всеобщее и полное разоружение, и в особенности ядерное разоружение, под строгим и эффективным международным контролем, утверждение принципов справедливости, равенства и взаимной выгоды в отношениях между странами и осуществление права народов, находящихся под иностранным и колониальным господством и иностранной оккупацией, на самоопределение и независимость, а также уважение национального суверенитета и территориальной целостности государств будут содействовать социальному прогрессу и развитию, и, как следствие этого, будут содействовать социальному прогрессу и развитию, и, как следствие этого, будут способствовать достижению полного равенства между мужчинами и женщинами,

будучи убеждены в том, что полное развитие стран, благосостояние всего мира и дело мира требует максимального участия женщин наравне с мужчинами во всех областях,

учитывая значение вклада женщин в благосостояние семьи и в развитие общества, до сих пор не получившего полного признания, социальное значение материнства и роли обоих родителей в семье и в воспитании детей и сознавая, что роль женщины в продолжении рода не должна быть причиной дискриминации, поскольку воспитание детей требует совместной ответственности мужчин и женщин и всего общества в целом,

памятуя о том, что для достижения полного равенства между мужчинами и женщинами необходимо изменить традиционную роль как мужчин, так и женщин в обществе и в семье,

преисполненные решимости осуществить принципы, провозглашенные в Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин, и для этой цели принять меры, необходимые для ликвидации такой дискриминации во всех ее формах и проявлениях,

согласились о нижеследующем:

ЧАСТЬ I

Статья 1

Для целей настоящей Конвенции понятие "дискриминация в отношении женщин" означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области.

Статья 2

Государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин и с этой целью обязуются:

a) включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции или другое соответствующее законодательство, если это еще не было сделано, и обеспечить с помощью закона и других соответствующих средств практическое осуществление этого принципа;

b) принимать соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин;

c) установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации;

d) воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством;

e) принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин;

g) отменить все положения своего уголовного законодательства, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин.

Статья 3

Государства-участники принимают во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами.

Статья 4

1. Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно влечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов; эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения.

2. Принятие государствами-участниками специальных мер, направленных на охрану материнства, включая меры, содержащиеся в настоящей Конвенции, не считается дискриминационным.

Статья 5

Государства-участники принимают все соответствующие меры с целью:

a) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин;

b) обеспечить, чтобы семейное воспитание включало в себя правильное понимание материнства как социальной функции и признание общей ответственности мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей при условии, что во всех случаях интересы детей являются преобладающими.

Статья 6

Государства-участники принимают все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин.

ЧАСТЬ II

Статья 7

Государства-участники принимают все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны и, в частности, обеспечивают женщинам на равных условиях с мужчинами право:

a) голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться во все публично избираемые органы;

b) участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления;

c) принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны.

Статья 8

Государства-участники принимают все соответствующие меры, чтобы обеспечить женщинам возможность на равных условиях с мужчинами и без какой-либо дискриминации представлять свои правительства на международном уровне и участвовать в работе международных организаций.

Статья 9

1. Государства-участники представляют женщинам равные с мужчинами права в отношении приобретения, изменения или сохранения их гражданства. Они, в частности, обеспечивают, что ни вступление в брак с иностранцем, ни изменение гражданства мужа во время брака не влекут за собой автоматического изменения гражданства жены, не превращают ее в лицо без гражданства и не могут заставить ее принять гражданство мужа.

2. Государства-участники предоставляют женщинам равные с мужчинами права в отношении гражданства их детей.

ЧАСТЬ III
Статья 10

Государства-участники принимают все соответствующие меры для того, чтобы ликвидировать дискриминацию в отношении женщин, с тем, чтобы обеспечить им равные права с мужчинами в области образования и, в частности, обеспечить на основе равенства мужчин и женщин:

a) одинаковые условия для ориентации в выборе профессии или специальности, для доступа к образованию или получению дипломов в учебных заведениях всех категорий как в сельских, так и в городских районах; это равенство обеспечивается в дошкольном, общем, специальном и высшем техническом образовании, а также во всех видах профессиональной подготовки;

b) доступ к одинаковым программам обучения, одинаковым экзаменам, преподавательскому составу одинаковой квалификации, школьным помещениям и оборудованию равного качества;

c) устранение любой стереотипной концепции роли мужчин и женщин на всех уровнях и во всех формах обучения путем поощрения совместного обучения и других видов обучения, которые будут содействовать достижению этой цели, и, в частности, путем пересмотра учебных пособий и школьных программ и адаптации методов обучения;

d) одинаковые возможности получения стипендий и других пособий на образование;

e) одинаковые возможности доступа к программам продолжения образования, включая программы распространения грамотности среди взрослых и программы функциональной грамотности, направленные, в частности, на сокращение как можно скорее любого разрыва в знаниях мужчин и женщин;

f) сокращение числа девушек, не заканчивающих школу, и разработку программ для девушек и женщин, преждевременно покинувших школу;

g) одинаковые возможности активно участвовать в занятиях спортом и физической подготовкой;

h) доступ к специальной информации образовательного характера в целях содействия обеспечению здоровья и благосостояния семей, включая информацию и консультации о планировании размера семьи.

Статья 11

1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области занятости, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин равные права, в частности:

a) право на труд как неотъемлемое право всех людей;

b) право на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме;

c) право на свободный выбор профессии или рода работы, на продвижение в должности и гарантию занятости, а также на пользование всеми льготами и условиями работы, на получение профессиональной подготовки и переподготовки повышенного уровня и регулярную переподготовку;

d) право на равное вознаграждение, включая получение льгот, на равные условия в отношении труда равной ценности, а также на равный подход к оценке качества работы;

e) право на социальное обеспечение, в частности в случае ухода на пенсию, безработицы, болезни, инвалидности, по старости и в других случаях потери трудоспособности, а также право на оплачиваемый отпуск;

f) право на охрану здоровья и безопасные условия труда, в том числе по сохранению функции продолжения рода.

2. Для предупреждения дискриминации в отношении женщин по причине замужества или материнства и гарантирования им эффективного права на труд государства-участники принимают соответствующие меры для того, чтобы:

a) запретить, под угрозой применения санкций, увольнение с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам или дискриминацию ввиду семейного положения при увольнении;

b) ввести оплачиваемые отпуска или отпуска с сопоставимыми социальными пособиями по беременности и родам без утраты прежнего места работы, старшинства или социальных пособий;

c) поощрять предоставление необходимых дополнительных социальных услуг, с тем чтобы позволить родителям совмещать выполнение семейных обязанностей с трудовой деятельностью и участием в общественной жизни, в частности посредством создания и расширения сети учреждений

по уходу за детьми;

d) обеспечивать женщинам особую защиту в период беременности на тех видах работ, вредность которых для их здоровья доказана.

3. Законодательство, касающееся защиты прав, затрагиваемых в настоящей статье, периодически рассматривается в свете научно-технических знаний, а также пересматривается, отменяется или расширяется, насколько это необходимо.

Статья 12

1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, с тем чтобы обеспечить на основании равенства мужчин и женщин доступ к медицинскому обслуживанию, в частности в том, что касается планирования размера семьи.

2. Независимо от положений пункта 1 настоящей статьи, государства-участники обеспечивают женщинам соответствующее обслуживание в период беременности, родов и послеродовой период, предоставляя, когда это необходимо, бесплатные услуги, а также соответствующее питание в период беременности и кормления.

Статья 13

Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в других областях экономической и социальной жизни, с тем, чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин равные права, в частности:

a) право на семейные пособия;

b) право на получение займов, ссуд под недвижимость и других форм финансового кредита;

c) право участвовать в мероприятиях, связанных с отдыхом, занятиях спортом и во всех областях культурной жизни.

Статья 14

1. Государства-участники принимают во внимание особые проблемы, с которыми сталкиваются женщины, проживающие в сельской местности, и значительную роль, которую они играют в обеспечении экономического благосостояния своих семей, в том числе их деятельность в нетоварных отраслях хозяйства, и принимают все соответствующие меры для обеспечения применения положений настоящей Конвенции к женщинам, проживающим в сельской местности.

2. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в сельских районах, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин их участие в развитии сельских районов и в получении выгод от такого развития и, в частности, обеспечивают таким женщинам право:

a) участвовать в разработке и осуществлении планов развития на всех уровнях;

b) на доступ к соответствующему медицинскому обслуживанию, включая информацию, консультации и обслуживание по вопросам планирования размера семьи;

c) непосредственно пользоваться благами программ социального страхования;

d) получать все виды подготовки и формального и неформального образования, включая функциональную грамотность, а также пользоваться услугами всех средств общинного обслуживания, консультативных служб по сельскохозяйственным вопросам, в частности для повышения их технического уровня;

e) организовывать группы самопомощи и кооперативы, с тем чтобы обеспечить равный доступ к экономическим возможностям посредством работы по найму или независимой трудовой деятельности;

f) участвовать во всех видах коллективной деятельности;

g) на доступ к сельскохозяйственным кредитам и займам, системе сбыта, соответствующей технологии и на равный статус в земельных и аграрных реформах, а также в планах перезаселения земель;

h) пользоваться надлежащими условиями жизни, особенно жилищными условиями, санитарными услугами, электро- и и водоснабжением, а также транспортом и средствами связи.

ЧАСТЬ IV

Статья 15

1. Государства-участники признают за женщинами равенство с мужчинами перед законом.

2. Государства-участники предоставляют женщинам одинаковую с мужчинами гражданскую правоспособность и одинаковые возможности ее реализации. Они, в частности, обеспечивают им равные права при заключении договоров и управлении имуществом, а также равное отношение к ним на всех этапах разбирательств в судах и трибуналах.

3. Государства-участники соглашаются, что все договоры и все другие частные документы любого рода, имеющие своим правовым последствием ограничение правоспособности женщин, считаются недействительными.

4. Государства-участники предоставляют мужчинам и женщинам одинаковые права в отношении законодательства, касающегося передвижения лиц и свободы выбора места проживания и местожительства.

Статья 16

1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений, и, в частности, обеспечивают на основе равенства мужчин и женщин:

a) одинаковые права на вступление в брак;

b) одинаковые права на свободный выбор супруга и на вступление в брак только со своего свободного и полного согласия;

c) одинаковые права и обязанности в период брака и при его расторжении;

d) одинаковые права и обязанности мужчин и женщин как родителей, независимо от их семейного положения, в вопросах, касающихся их детей; во всех случаях интересы детей являются преобладающими;

e) одинаковые права свободно и ответственно решать вопрос о числе детей и промежутках между их рождениями и иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право;

f) одинаковые права и обязанности быть опекунами, попечителями, доверителями и усыновителями детей или осуществлять аналогичные функции, когда они предусмотрены национальным законодательством; во всех случаях интересы детей являются преобладающими;

g) одинаковые личные права мужа и жены, в том числе право выбора фамилии, профессии и занятия;

h) одинаковые права супругов в отношении владения, приобретения, управления, пользования и распоряжения имуществом, как бесплатно, так и за плату.

2. Обручение и брак ребенка не имеют юридической силы, и принимаются все необходимые меры, включая законодательные, с целью определения минимального брачного возраста и обязательной регистрации браков в актах гражданского состояния.

ЧАСТЬ V

Статья 17

1. Для рассмотрения хода осуществления настоящей Конвенции учреждается Комитет по ликвидации дискриминации в отношении жещин (далее именуемый Комитет), состоящий в момент вступления Конвенции в силу из восемнадцати, а после ее ратификации или присоединения к ней тридцать пятого государства-участника — из двадцати трех экспертов, обладающих высокими моральными качествами и компетентностью в области, охватываемой настоящей Конвенцией. Эти эксперты избираются государствами-участниками из числа своих граждан и выступают в своем личном качестве, при этом учитывается справедливое географическое распределение и представительство различных форм цивилизации, а также основных правовых систем.

2. Члены Комитета избираются тайным голосованием из числа внесенных в список лиц, выдвинутых государствами-участниками. Каждое государство-участник может выдвинуть одно лицо из числа своих граждан.

3. Первоначальные выборы проводятся через шесть месяцев со дня вступления в силу настоящей Конвенции. По меньшей мере за три месяца до срока проведения каждых выборов Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направляет государствам-участникам письмо с предложением представить свои кандидатуры в течение двух месяцев. Генеральный секретарь готовит список, в котором в алфавитном порядке внесены все выдвинутые таким образом лица с указанием государств-участников, которые выдвинули их, и представляет этот список государствам-участникам.

4. Выборы членов Комитета проводятся на заседании государств-участников, созываемом Генеральным секретарем в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций. На этом заседании, на котором две трети государств-участников составляет кворум, лицами, выбранными в Комитет, считаются те кандидаты, которые получают наибольшее число голосов и абсолютное большинство голосов представителей государств-участников, присутствующих и принимающих участие в голосовании.

5. Члены Комитета избираются на четырехлетний срок. Однако срок полномочий девяти членов, избранных на первых выборах, истекает по прошествии двух лет; сразу же после проведения первых выборов фамилии этих девяти членов выбираются по жребию Председателем Комитета.

6. Избрание пяти дополнительных членов Комитета проводится в соответствии с положениями пунктов 2, 3 и 4 настоящей статьи после ратификации или присоединения к Конвенции тридцать пятого государства. Срок полномочий двух дополнительных членов, избранных таким образом, истекает по прошествии двух лет; фамилии этих двух членов выбираются по жребию Председателем Комитета.

7. Для заполнения непредвиденных вакансий государство-участник, эксперт которого прекратил функционировать в качестве члена Комитета, назначает другого эксперта из числа своих граждан при условии одобрения Комитетом.

8. Члены Комитета получают утверждаемое Генеральной Ассамблеей вознаграждение из средств Организации Объединенных Наций в порядке и на условиях, устанавливаемых Ассамблеей с учетом важности обязанностей Комитета.

9. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций предоставляет необходимый персонал и материальные средства для эффективного осуществления функций Комитета в соответствии с настоящей Конвенцией.

Статья 18

1. Государства-участники обязуются представлять Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций для рассмотрения Комитетом доклады о законодательных, судебных, административных и других мерах, принятых ими для выполнения положений настоящей Конвенции, и о прогрессе, достигнутом в этой связи:

a) в течение одного года со дня вступления настоящей Конвенции в силу для заинтересованного государства;

b) после этого по крайней мере через каждые четыре года и далее тогда, когда об этом запросит Комитет.

2. В докладах могут указываться факторы и трудности, влияющие на степень выполнения обязательств по настоящей Конвенции.

Статья 19

1. Комитет утверждает свои собственные правила процедуры.

2. Комитет избирает своих должностных лиц на двухлетний срок.

Статья 20

1. Комитет ежегодно проводит заседания, как правило, в течение периода, не превышающего двух недель, с целью рассмотрения докладов, представленных в соответствии со статьей 18 настоящей Конвенции.

2. Заседания Комитета, как правило, проводятся в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций или в любом ином подходящем месте, определенном Комитетом.

Статья 21

1. Комитет ежегодно через Экономический и Социальный Совет представляет доклад Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций о своей деятельности и может вносить предложения и рекомендации общего характера, основанные на изучении докладов и информации, полученных от государств-участников. Такие предложения и рекомендации общего характера включаются в доклад Комитета наряду с замечаниями государств-участников, если таковые имеются.

2. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций препровождает доклады Комитета Комиссии по положению женщин для ее информации.

Статья 22

Специализированные учреждения имеют право быть представленными при рассмотрении вопросов об обсуждении таких положений настоящей Конвенции, которые входят в сферу их деятельности. Комитет может предложить специализированным учреждениям представить доклады об осуществлении Конвенции в областях, входящих в сферу их деятельности.

ЧАСТЬ VI

Статья 23

Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает какие-либо способствующие достижению равноправия между мужчинами и женщинами положения, которые могут содержаться:

a) в законодательстве государства-участника; или

b) в какой-либо другой международной конвенции, договоре или соглашении, имеющих силу для такого государства.

Статья 24

Государства-участники обязуются принимать все необходимые меры на национальном уровне для достижения полной реализации прав, признанных в настоящей Конвенции.

Статья 25

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания ее всеми государствами.

2. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций назначается депозитарием настоящей Конвенции.

3. Настоящая Конвенция подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

4. Настоящая Конвенция открыта для присоединения к ней всех государств. Присоединение осуществляется путем сдачи документа о присоединении на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 26

1. Просьба о пересмотре настоящей Конвенции может быть представлена в любое время любым из государств-участников путем письменного сообщения на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

2. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, если она признает необходимым принятие каких-либо мер, принимает решение о том, какие именно меры необходимо принять в отношении такой просьбы.

Статья 27

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций двадцатой ратификационной грамоты или документа о присоединении.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует настоящую Конвенцию или присоединя-

ется к ней после сдачи на хранение двадцатой ратификационной грамоты или документа о присоединении, настоящая Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение его ратификационной грамоты или документа о присоединении.

Статья 28

1. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций получает и рассылает всем государствам текст оговорок, сделанных государствами в момент ратификации или присоединения.
2. Оговорка, не совместимая с целями и задачами настоящей Конвенции, не допускается.
3. Оговорки могут быть сняты в любое время путем соответствующего уведомления, направленного на имя Генерального секретаря, который затем сообщает об этом всем государствам-участникам. Такое уведомление вступает в силу со дня его получения.

Статья 29

1. Любой спор между двумя или несколькими государствами-участниками относительно толкования или применения настоящей Конвенции, не решенный путем переговоров, передается по просьбе одной из сторон на арбитражное разбирательство. Если в течение шести месяцев с момента подачи заявления об арбитражном разбирательстве сторонам не удалось прийти к согласию относительно организации арбитражного разбирательства, любая из этих сторон может передать данный спор в Международный Суд путем подачи заявления в соответствии со Статусом Суда.
2. Каждое государство-участник может во время подписания или ратификации настоящей Конвенции или присоединения к ней заявить о том, что оно не считает себя связанным обязательствами, содержащимися в пункте 1 этой статьи. Другие государства-участники не несут обязательств, вытекающих из указанного пункта данной статьи, в отношении какого-либо государства-участника, сделавшего подобную оговорку.
3. Любое государство-участник, сделавшее оговорку в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи, может в любое время снять свою оговорку путем уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья 30

Настоящая Конвенция, тексты которой на русском, английском, арабском, испанском, китайском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

В УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧЕГО нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ И С ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ПРОСТИТУЦИИ ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ

Одобрена резолюцией 317 (IV) Генральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 года. ВСТУПИЛА В СИЛУ 25 июля 1951 года.

ПРЕАМБУЛА

Принимая во внимание, что проституция и сопровождающее ее зло, каковым является торговля людьми, преследующая цели проституции, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожают благосостоянию человека, семьи и общества,
Принимая во внимание, что в отношении борьбы с торговлей женщинами и детьми имеют силу нижеследующие международные акты:

1. Международный Договор от 18 мая 1904 года о борьбе с торговлей белыми рабынями с изменениями, внесенными в него Протоколом, утвержденным Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 3 декабря 1948 года;

2. Международная Конвенция от 4 мая 1910 года в борьбе с торговлей белыми рабынями с изменениями, внесенными в нее упомянутым выше Протоколом;

3. Международная Конвенция от 30 сентября 1921 года о борьбе с торговлей женщинами и детьми с изменениями, внесенными в нее Протоколом, принятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 октября 1947 года;

Международная Конвенция от 11 октября 1933 года о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами с изменениями, внесенными в нее указанным Протоколом.

Принимая во внимание, что в 1937 году Лигой Наций был составлен проект конвенции, расширивший круг действия указанных выше актов,

Принимая во внимание, что новые факторы, возникшие с 1937 года, делают возможным заключение конвенции, объединяющей в себе вышеуказанные акты и включающей основные положения проекта конвенции 1937 года, равно как и желательные поправки к нему,

посему

Договаривающиеся Стороны

настоящим согласились со следующим:

Статья 1

Стороны в настоящей Конвенции обязуются подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти другого лица:

1. сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица;

2. эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица.

Статья 2

Стороны в настоящей Конвенции обязуются далее подвергать наказанию каждого, кто:

1. содержит дом терпимости или управляет им, или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании дома терпимости;

2. сдает в аренду или снимает здание или другое место, или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами.

Статья 3

Поскольку это совместимо с требованиями внутреннего законодательства, покушения на совершение любого из предусмотренных в статьях 1 и 2 правонарушений, равно как и действия, подготовительные к совершению таковых, также являются наказуемыми.

Статья 4

Поскольку это совместимо с требованиями внутреннего законодательства, умышленное участие в предусмотренных в статьях 1 и 2 актах также наказывается.

Поскольку это допускается требованиями внутреннего законодательства, акты соучастия рассматриваются как отдельные преступления, если это является необходимым для предупреждения безнаказанности.

Статья 5

В тех случаях, когда потерпевшие лица имеют право на основании внутреннего законода-

8

тельства выступать истцами в делах, касающихся любых преступлений, предусмотренных настоящей Конвенцией, иностранцы пользуются этим правом наравне с гражданами данного государства.

Статья 6

Каждая сторона в настоящей Конвенции обязуется принимать все необходимые меры для отмены или аннулирования любого действующего закона, постановления или административного распоряжения, в силу которых лица, занимающиеся или подозреваемые в занятии проституцией, либо подлежат особой регистрации, либо должны иметь особый документ, либо подчиняются исключительным требованиям, имеющим своей целью контроль или оповещение.

Статья 7

Приговоры, вынесенные ранее в других государствах за преступления, предусмотренные настоящей Конвенцией, принимаются во внимание, поскольку это допускается внутренним законодательством, для:

1. установления факта рецидивизма;
2. лишения преступника политических и гражданских прав.

Статья 8

Преступления, предусмотренные в статьях 1 и 2 настоящей Конвенции, рассматриваются как преступления, влекущие за собой выдачу, и на них распространяется любой договор о выдаче преступников, который был или будет заключен между любыми сторонами в этой Конвенции.

Те стороны в настоящей Конвенции, которые не обусловливают выдачу преступников существованием о том договоров, отныне в своих взаимоотношениях признают преступления, предусмотренные в статьях 1 и 2 настоящей Конвенции, преступлениями, влекущими за собой выдачу.

Выдача производится согласно закону того государства, к которому обращено требование о выдаче.

Статья 9

В государствах, в которых принцип выдачи своих граждан не признается законом, граждане, которые возвращаются в свое государство после совершения ими в другом государстве любого из преступлений, указанных в статьях 1 и 2 настоящей Конвенции, подвергаются преследованию и наказанию по суду их собственного государства.

Это положение не применяется, если в делах такого рода, возникающих между сторонами настоящей Конвенции, требование о выдаче иностранца не может быть удовлетворено.

Статья 10

Положения статьи 9 не применяются, если лицо, обвиняемое в совершении преступления, было судимо в другом государстве, и в случае обвинительного приговора отбыло наказание или было от наказания освобождено, или срок его наказания был сокращен в соответствии с законами этого государства.

Статья 11

Ничто в настоящей Конвенции не должно быть истолковано как определение отношений той или иной стороны в ней к общему вопросу о пределах уголовной юрисдикции в соответствии с нормами международного права.

Статья 12

Настоящая Конвенция не нарушает принципа, согласно которому предусмотренные Кон-

венцией преступления в каждом отдельном государстве определяются, равно как виновные в совершении их лица преследуются и наказываются по законам этого государства.

Статья 13

Стороны в настоящей Конвенции обязуются выполнять в соответствии со своими собственными законами и практикой судебные поручения, относящиеся к предусмотренным в настоящей Конвенции преступлениям. Передача судебных поручений производится:

1) путем непосредственных сношений между судебными властями; или

2) путем непосредственных сношений между министрами юстиции двух государств или путем непосредственного обращения других надлежащих властей государства, от которого исходит поручение, к министру юстиции государства, к которому оно обращено; или

3) через посредство дипломатических или консульских представителей государства, от которого исходит поручение, к государству, к которому оно обращено. Означенный представитель направляет судебное поручение непосредственно соответствующим судебным властям или же властям, указанным правительством того государства, к которому поручение обращено, причем он получает от этих властей непосредственно документы, являющиеся актом выполнения судебного поручения.

В предусмотренных в пунктах 1 и 3 случаях судебное поручение посылается в копии высшим властям того государства, к которому оно обращено.

Если не имеется какого-либо иного соглашения, судебное поручение всегда составляется на языке тех властей, от которых оно исходит, при непременном условии, что государство, к которому поручение обращено, может требовать представления перевода на свой язык, засвидетельствованного теми властями, от которых поручение исходит.

Каждая сторона в настоящей Конвенции уведомляет каждую другую сторону в этой Конвенции о том методе или о тех методах из упомянутых выше, которые будут считаться ею приемлемыми при направлении ей судебных поручений этим другим государством.

Пока какое-либо государство не сделает такого уведомления, существующий в нем порядок в отношении судебных поручений остается в силе.

Выполнение судебных поручений не может служить основанием для требования о возмещении каких бы то ни было расходов или издержек, за исключением расходов по экспертизе.

Ничто в настоящей статье не должно быть истолковано как обязательство сторон в настоящей Конвенции применять в уголовных делах какую-либо форму или какие-либо методы доказательства, несовместимые с их собственными законами.

Статья 14

Каждая сторона в настоящей Конвенции учреждает и содержит орган, которому поручается координация и централизация, результатов расследования предусмотренных в настоящей Конвенции преступлений.

Эти органы компилируют всю информацию, собираемую для того, чтобы облегчить предупреждение предусматриваемых в настоящей Конвенции преступлений и наложение наказаний за них, причем эти органы поддерживают тесный контакт с аналогичными органами других стран.

Статья 15

Поскольку это совместимо с требованиями внутреннего законодательства и поскольку это будет признано желательным властями, которым подчинены указанные в статье 14 органы, последние сообщают властям, которым подчинены аналогичные органы в других государствах, следующую информацию:

1. подробности о каждом из предусматриваемых в настоящей Конвенции преступлений и о каждом покушении на совершение такого преступления;

2. подробности о всех случаях розыска, а также уголовного преследования, ареста, осуждения, отказов в допущении и высылке лиц, виновных в совершении преступлений, предусматриваемых в настоящей Конвенции, а также о перемене местожительства таких лиц и любую иную касающуюся их полезную информацию.

Сообщаемая таким путем информация включает описание преступников, их дактилоскопические отпечатки, фотоснимки, сообщение о методе работы, полицейские справки и справки о судимости.

Статья 16

Стороны в настоящей Конвенции — через посредство своих правительственных или частных учреждений в области образования, здравоохранения, социального и экономического обслуживания и иных связанных с ним видов обслуживания — обязуются принимать или поощрять все необходимые меры по борьбе с проституцией и по возвращению и приспособлению жертв проституции и предусматриваемых в настоящей Конвенции преступлений к нормальным социальным условиям.

Статья 17

В отношении иммиграции и эмиграции стороны в настоящей Конвенции обязуются принимать и проводить все меры, которые требуются, согласно обязательствам, принятым ими на себя в соответствии с настоящей Конвенцией, для пресечения торговли людьми обоего пола, преследующей цели проституции. В частности, они обязуются:

1. Издавать все необходимые постановления для защиты иммигрантов и эмигрантов и в особенности женщин и детей в пунктах их прибытия и отправления, а также во время их следования;

2. Принимать меры для соответствующего оповещения населения об опасностях упомянутой торговли;

3. Принимать надлежащие меры для обеспечения наблюдения за железнодорожными станциями, авиапортами, портами и другими общественными местами, а также на пути следования для предупреждения международной торговли людьми, преследующей цели проституции;

4. Принимать все необходимые меры в целях уведомления соответствующих властей о прибытии лиц, которые по имеющимся сведениям prima facie являются главными виновниками, соучастниками или жертвами этой торговли.

Статья 18

Стороны в настоящей Конвенции обязуются — в соответствии с условиями, установленными их собственными законами — собирать сведения о всех иностранцах, занимающихся проституцией, в целях установления их личности и социального положения, а также в целях обнаружения лиц, побудивших их покинуть свое государство. Эти сведения сообщаются властями государства происхождения означенных лиц в целях их последующей репатриации.

Статья 19

Стороны в настоящей Конвенции обязуются, в соответствии с условиями, установленными их собственными законами, и не отменяя этим преследования или иных мероприятий, вызываемых нарушением этих законов, и поскольку это возможно:

1. впредь до проведения окончательных мероприятий по репатриации бедствующих лиц, ставших жертвами международной торговли людьми, преследующей цели проституции, принимать надлежащие меры по оказанию им временной помощи и поддержки;

2. репатриировать указанных в статье 18 лиц, если они этого пожелают или если поступило требование об их репатриации со стороны лиц, в чьем распоряжении они состоят, или если имеется основанный на законе приказ об их высылке из страны. Репатриация производится лишь после того, как достигнуто соглашение с государством назначения о личности и гражданстве репатриируемого лица или о месте и дате его прибытия на границу. Каждая сторона в настоящей Конвенции способствует проезду такого лица через свою территорию.

В случае, когда указанные в предыдущем абзаце лица не могут сами возместить расходов по репатриации и не имеют ни супруга, ни родных, ни опекуна, которые заплатили бы за них, расходы по репатриации до границы, порта отправления или авиапорта, ближайших к государству их происхождения, оплачиваются государством, в котором данные лица проживают, а остальные связанные с этим расходы принимает на себя государство их происхождения.

Статья 20

Стороны в настоящей Конвенции принимают необходимые меры по наблюдению за конторами по найму труда, если эти меры ими еще не приняты, в целях ограждения лиц, ищущих работы, в особенности женщин и детей, от опасности возможной их эксплуатации в целях проституции.

Статья 21

Стороны в настоящей Конвенции сообщают Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций о законах и постановлениях, относящихся к предмету настоящей Конвенции и изданных в их государствах, и ежегодно после этого сообщают о законах и постановлениях, которые будут изданы I связи с Конвенцией, а также о всех принятых мерах, касающихся применения настоящей Конвенции. Эта информация периодически опубликовывается Генеральным Секретарем и рассылается им всем членам Организации Объединенных Наций, а также не состоящим членами Организации государствам, которым настоящая Конвенция официально сообщается в соответствии со статьей 23.

Статья 22

Если между сторонами в настоящей Конвенции возникает спор относительно ее толкования или применения и если этот спор не может быть разрешен иным путем, по требованию любой из сторон в споре, последний передается в Международный Суд.

Статья 23

Настоящая Конвенция открыта для подписания от имени любого члена Организации Объединенных Наций, а также от имени любого другого государства, которому Экономическим и Социальным Советом было обращено соответствующее приглашение.

Настоящая Конвенция подлежит ратификации, и акты ратификации депонируются у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Государства, упоминаемые в первом абзаце и не подписавшие настоящую Конвенцию, могут к ней присоединиться.

Присоединение совершается путем депонирования у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций акта о присоединении.

В настоящей Конвенции слово "государство" включает все колонии и подопечные территории государства, подписавшего настоящую Конвенцию или присоединившегося к ней, и все территории, за которые это государство несет международную ответственность.

Статья 24

Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день после даты депонирования второго акта о ратификации или присоединении.

В отношении каждого государства, ратифицирующего настоящую Конвенцию или присоединяющегося к ней после депонирования второго акта о ратификации или присоединении, настоящая Конвенция вступает в силу через девяносто дней после депонирования этим государством своего акта о ратификации или присоединении.

Статья 25

По истечении пяти лет со времени вступления настоящей Конвенции в силу любая сторона настоящей Конвенции может денонсировать ее путем письменного уведомления об этом, адресованного Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций.

Такая денонсация вступает в силу в отношении заявляющей о ней стороны через год после даты получения ее заявления Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций.

Статья 26

Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций уведомляет всех членов Организации Объединенных Наций и государства, не состоящие членами Организаций и упомянутые в статье 23:

а) об актах подписания, ратификации и присоединения, полученных в соответствии со статьей 23;

b) о дате вступления в силу настоящей Конвенции в соответствии со статьей 24;

c) о денонсациях, заявления о которых получены в соответствии со статьей 25.

Статья 27

Каждая сторона в настоящей Конвенции обязуется принять в соответствии со своей конституцией законодательные или иные мероприятия, необходимые для того, чтобы обеспечить применение настоящей Конвенции.

Статья 28

Положения настоящей Конвенции, поскольку это касается взаимоотношений между сторонами в ней, отменяют положения международных актов, упоминаемых в пунктах 1, 2, 3 и 4 второго абзаца преамбулы, причем каждый из этих актов считается аннулированным после того, как все стороны в них станут сторонами в настоящей Конвенции.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные соответствующими правительствами, подписали настоящую Конвенцию, открытую для подписания в Лейк Саксесс, Нью-Йорк, 21 марта тысяча девятьсот пятидесятого года; одна точная заверенная копия Конвенции будет разослана Генеральным Секретарем всем государствам — членам Организации Объединенных Наций и всем государствам, не состоящим членами Организации, к которым относятся положения статьи 23.

КОНВЕНЦИЯ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЖЕНЩИН

Открыта для подписания и ратификации резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1952 года. ВСТУПИЛА В СИЛУ 7 июля 1954 года в соответствии со статьей VI.

Договаривающиеся Стороны,

желая осуществить принцип равноправия мужчин и женщин, указанный в Уставе Организации Объединенных Наций,

признавая, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей и право равного доступа к государственной службе в своей стране,

а также желая уравнять в соответствии с постановлениями Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей Декларации прав человека положение мужчин и женщин в отношении обладания и пользования политическими правами,

решив заключить конвенцию для этой цели,

настоящим согласились о нижеследующем:

Статья I

Женщинам принадлежит право голосовать на всех выборах, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации.

Статья II

Женщины могут быть избираемы, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов.

Статья III

Женщинам принадлежит, на равных с мужчинами условиях, право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом.

Статья IV

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания любыми членами Организации Объединенных Наций, а также любыми другими государствами, получившими приглашение от Генеральной Ассамблеи.

2. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, и ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья V

1. Настоящая Конвенция открыта для присоединения для всех государств, указанных в пункте 1 статьи IV.

2. Присоединение совершается сдачей декларации о присоединении на хранение Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья VI

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день, считая со дня сдачи на хранение шестой ратификационной грамоты или декларации о присоединении.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует эту Конвенцию или присоединится к ней

после сдачи на хранение шестой ратификационной грамоты или декларации о присоединении. Конвенция вступает в силу на девяностый день после сдачи таким государством на хранение своей ратификационной грамоты или декларации о присоединении.

Статья VII

В случае представления каким-либо государством оговорки к какой-либо статье настоящей Конвенции при подписании, ратификации или присоединении Генеральный Секретарь сообщает текст этой оговорки всем государствам, которые являются или могут стать участниками этой Конвенции. Любое государство, которое возражает против этой оговорки, может в течение девяностодневного срока, считая от даты указанного сообщения (или со дня, когда оно стало участником Конвенции), уведомить Генерального Секретаря, что оно ее не принимает. В таком случае Конвенция не вступает в силу между таким государством и государством, сделавшим оговорку.

Статья VIII

1. Любое государство может денонсировать настоящую Конвенцию, письменно уведомив о том Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций. Денонсация вступает в силу через год со дня получения этого уведомления Генеральным Секретарем.

2. Действие настоящей Конвенции прекращается со дня вступления в силу денонсации, после которой число Сторон в Конвенции оказывается менее шести.

Статья IX

Любой спор, возникший между любыми двумя или несколькими Договаривающимися государствами по поводу толкования или применения настоящей Конвенции, который не разрешен в порядке переговоров, передается по требованию любой из Сторон в этом споре, если они не договорятся о другом порядке его урегулирования, на решение Международного Суда.

Статья X

Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций уведомляет всех членов Организации Объединенных Наций и те не состоящие членами Организации Государства, которые упомянуты в пункте 1 статьи IV настоящей Конвенции:

a) о подписях и ратификационных грамотах, полученных в соответствии со статьей IV;
b) о декларациях о присоединении, полученных в соответствии со статьей V;
c) о дате вступления настоящей Конвенции в силу в соответствии со статьей VI;
d) о сообщениях и уведомлениях, полученных в соответствии со статьей VII;
e) об уведомлениях о денонсации, полученных в соответствии с пунктом 1 статьи VIII;
f) о прекращении действия Конвенции в соответствии с пунктом 2 статьи VIII.

Статья XI

1. Настоящая Конвенция, русский, английский, испанский, китайский и французский тексты которой являются равно аутентичными, хранится в архиве Организации Объединенных Наций.

2. Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций препровождает заверенные копии всем членам Организации Объединенных наций и тем не состоящим членами Организации государствам, которые упомянуты в пункте 1 статьи IV.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные соответствующими правительствами, подписали настоящую Конвенцию, открытую для подписания в Нью-Йорке, тридцать первого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года.

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ИСКОРЕНЕНИИ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН по докладу Третьего комитета (A/48/629) 48/104 на 85-м пленарном заседании 20 декабря 1993 года.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ,

Признавая настоятельную необходимость универсального применения в отношении женщин прав и принципов, касающихся равенства, безопасности, свободы, неприкосновенности и достоинства всех людей,

Отмечая, что эти права и принципы закреплены в международных документах, в том числе во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

Признавая, что эффективное осуществление Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин будет способствовать искоренению насилия в отношении женщин и что Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, содержащаяся в настоящей резолюции, укрепит и дополнит этот процесс,

Будучи обеспокоена тем, что насилие в отношении женщин является одним из препятствий на пути достижения равенства, развития и мира, как это признано в Найробийских перспективных стратегиях в области улучшения положения женщин, в которых был рекомендован комплекс мер по борьбе с насилием в отношении женщин, а также на пути полного осуществления Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,

Подтверждая, что насилие в отношении женщин является нарушением прав человека и основных свобод женщин, а также препятствует или не позволяет им пользоваться этими правами и свободами, и будучи обеспокоена неспособностью уже в течение длительного времени обеспечить защиту и поощрение таких прав и свобод в случаях применения насилия в отношении женщин,

Признавая, что насилие в отношении женщин является проявлением исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами, которое привело к доминированию над женщинами и дискриминации в отношении женщин со стороны мужчин, а также препятствует всестороннему улучшению положения женщин, и что насилие в отношении женщин является одним из основополагающих социальных механизмов, при помощи которого женщин вынуждают занимать подчиненное положение по сравнению с мужчинами.

Будучи обеспокоена тем, что некоторые группы женщин, например женщины, принадлежащие к национальным меньшинствам, женщины, относящиеся к коренному населению, женщины-беженцы, женщины-мигранты, женщины, проживающие в сельских и отдаленных районах, женщины, лишенные средств к существованию, женщины, находящиеся в различного рода учреждениях или содержащиеся в заключении, девочки, женщины-инвалиды, пожилые женщины и женщины в районах вооруженных конфликтов, особенно подвержены насилию,

Ссылаясь на вывод, содержащийся в пункте 23 приложения к резолюции 1990/15 Экономического и Социального Совета от 24 мая 1990 года, о том, что признание того факта, что насилие в отношении женщин в семье и обществе возрастает и затрагивает всех женщин, независимо от имущественного и социального положения, а также уровня культуры, должно сопровождаться срочными и эффективными мерами по ликвидации насилия,

Ссылаясь также на резолюцию 1991/18 Экономического и Социального Совета от 30 мая 1991 года, в которой Совет рекомендовал разработать основу для международного документа, в котором конкретно рассматривалась бы проблема насилия в отношении женщин,

Приветствуя роль, которую играют женские движения в привлечении все большего внимания к характеру, серьезности и масштабам проблемы насилия в отношении женщин,

Будучи встревожена тем, что возможности достижения женщинами юридического, социального, политического и экономического равенства в обществе ограничиваются, в частности, постоянным и эндемическим характером насилия,

Будучи убеждена в том, что с учетом вышеизложенного возникает необходимость в четком и всеобъемлющем определении насилия в отношении женщин, четком изложении прав, позволяю-

щих обеспечить искоренение насилия в отношении женщин во всех его формах, решительных усилиях со стороны государств по выполнению своих обязательств и решительных усилиях со стороны международного сообщества в целом по искоренению насилия в отношении женщин,

Торжественно провозглашает настоящую Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин и настоятельно призывает приложить все усилия для повсеместного ознакомления с Декларацией и ее соблюдения:

Статья 1

Для целей настоящей Декларации термин "насилие в отношении женщин" означает любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни.

Статья 2

Насилие в отношении женщин, как подразумевается, охватывает следующие случаи, но не ограничивается ими:

a) физическое, половое и психологическое насилие, которое имеет место в семье, включая нанесение побоев, половое принуждение в отношении девочек в семье, насилие, связанное с приданым, изнасилование жены мужем, повреждение женских половых органов и другие традиционные виды практики, наносящие ущерб женщинам, внебрачное насилие и насилие, связанное с эксплуатацией;

b) физическое, половое и психологическое насилие, которое имеет место в обществе в целом, включая изнасилование, половое принуждение, полови домогательство и запугивание на работе, в учебных заведениях и в других местах, торговлю женщинами и принуждение к проституции;

c) физическое, половое и психологическое насилие со стороны или при попустительстве государства, где бы оно ни происходило.

Статья 3

Женщины пользуются равными правами в отношении осуществления и защиты всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской и любых других областях. Эти права включают, в частности:

a) право на жизнь[1];
b) право на равенство[2];
c) право на свободу и личную неприкосновенность[3];
d) право на равную защиту в соответствии с законом[4];
e) право не подвергаться дискриминации в какой бы то ни было форме[5];
f) право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья[6];
g) право на справедливые и благоприятные условия труда[7];
h) право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания[8].

Статья 4

Государства должны осудить насилие в отношении женщин и не должны ссылаться ни на какие обычаи, традиции или религиозные мотивы для уклонения от выполнения своих обязательств в отношении его искоренения. Государства должны безотлагательно приступить к осуществлению всеми надлежащими средствами политики искоренения насилия в отношении женщин и в этих целях должны:

a) рассмотреть, если они еще этого не сделали, вопрос о ратификации или присоединении к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин или о снятии своих оговорок к этой Конвенции;

b) воздерживаться от применения насилия в отношении женщин;

c) уделять надлежащее внимание вопросам предупреждения и расследования актов насилия в отношении женщин и наказания за них в соответствии с национальным законодательством, независимо от того, совершены ли такие акты государством или частными лицами;

d) разработать в рамках внутреннего законодательства уголовные, гражданские, трудовые и административные санкции для наказания за правонарушения и возмещения ущерба, причиненного женщинам, которые подверглись актам насилия; женщинам, которые подверглись актам насилия, должен быть обеспечен доступ к механизмам отправления правосудия и, в соответствии с национальным законодательством, к справедливым и эффективным средствам защиты в связи с причиненным им ущербом; государства должны также информировать женщин об их правах в отношении возмещения ущерба через такие механизмы;

e) рассмотреть возможность разработки национальных планов действий для обеспечения защиты женщин от любых форм насилия или включить с этой целью соответствующие положения в уже существующие планы, принимая во внимание, по мере необходимости, то содействие, которое могут оказать неправительственные организации, особенно организации, занимающиеся проблемой насилия в отношении женщин;

f) разработать на всеобъемлющей основе превентивные подходы и любые возможные меры правового, политического, административного и культурного характера, которые содействуют защите женщин от любых форм насилия, и обеспечить положение, исключающее повторную виктимизацию женщин в результате применения законов, правоохранительных методов и других действий, в которых не проводится различия между мужчинами и женщинами;

g) проводить необходимую работу, с тем чтобы обеспечить в максимально возможной степени с учетом имеющихся у них ресурсов и, если это необходимо, в рамках международного сотрудничества оказание женщинам, подвергавшимся насилию, если это необходимо, их детям специализированной помощи, например, по реабилитации, уходу за ребенком и его содержанию, лечению, консультированию и медицинскому и социальному обслуживанию, созданию соответствующих служб и программ, а также структур поддержки, и принимать любые другие надлежащие меры для содействия их безопасности, а также физической и психологической реабилитации;

h) предусматривать в государственных бюджетах необходимые ресурсы для своей деятельности, связанной с искоренением насилия в отношении женщин;

i) принимать меры для обеспечения того, чтобы сотрудники правоохранительных органов и государственные должностные лица, отвечающие за осуществление политики в области предупреждения и расследования актов насилия в отношении женщин и наказания за них, получали подготовку с учетом необходимости понимания особых потребностей женщин;

j) принимать все необходимые меры, особенно в области образования, в целях изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин и искоренения предрассудков, обычаев и другой практики, основанных на идеях неполноценности или превосходства одного из полов или на стереотипных представлениях о роли мужчин и женщин;

k) содействовать проведению исследований, сбору информации и обобщению статистических данных о распространенности различных форм насилия в отношении женщин, особенно данных, касающихся насилия в семье, а также поощрять исследования о причинах, характере, степени и последствиях насилия в отношении женщин и об эффективности мер, принятых в целях предупреждения и искоренения насилия в отношении женщин; такие статистические данные и результаты таких исследований должны предаваться гласности;

1) принимать меры, направленные на искоренение насилия в отношении женщин, которые находятся в наиболее уязвимом положении;

m) включать в доклады, представляемые во исполнение положений соответствующих документов по правам человека Организации Объединенных Наций, информацию, касающуюся насилия в отношении женщин и мер, принятых в целях осуществления настоящей Декларации;

n) поощрять разработку соответствующих руководящих принципов для оказания помощи в осуществлении принципов, изложенных в настоящей Декларации;

o) признать важную роль женского движения и неправительственных организаций во всем мире в повышении информированности о проблеме насилия в отношении женщин и ослабления ее остроты;

p) поддерживать и укреплять деятельность женского движения и неправительственных организаций и осуществлять с ними сотрудничество на местном, национальном и региональном уровнях;

q) поощрять региональные межправительственные организации, членами которых они являются, к включению в их программы соответствующих мероприятий по искоренению насилия в

отношении женщин;

Статья 5

Органы и специализированные учреждения системы Организации Объединенных Наций должны в пределах своей компетенции способствовать признанию и осуществлению прав и принципов, изложенных в настоящей Декларации, и в этих целях, в частности, должны:

a) оказывать содействие международному и региональному сотрудничеству для разработки региональных стратегий борьбы с насилием, обмена опытом и финансирования программ, связанных с искоренением насилия в отношении женщин;

b) содействовать проведению совещаний и семинаров с целью ознакомления всех людей с проблемой насилия в отношении женщин и углубления понимания ими этой проблемы;

c) оказывать содействие расширению координации и обменов в рамках Организации Объединенных Наций между органами, занимающимися вопросами договоров в области прав человека, для эффективного решения проблемы насилия в отношении женщин;

d) включать в доклады организаций и органов системы Организации Объединенных Наций, посвященные анализу социальных тенденций и проблем, такие, как периодические доклады о мировом социальном положении, рассмотрение тенденций в области насилия в отношении женщин;

e) поощрять координацию между организациями и органами системы Организации Объединенных Наций в целях включения вопроса о насилии в отношении женщин в текущие программы, уделяя особое внимание группам женщин, находящимся в наиболее уязвимом положении;

f) содействовать разработке руководящих принципов или руководств, касающихся насилия в отношении женщин, принимая во внимание меры, упомянутые в настоящей Декларации;

g) учитывать соответствующим образом вопрос об искоренении насилия в отношении женщин в процессе выполнения своих мандатов, в том числе в отношении осуществлении документов по правам человека;

h) осуществлять сотрудничество с неправительственными организациями в решении проблемы насилия в отношении женщин.

Статья 6

Ничто в настоящей Декларации не затрагивает какого-либо положения, которое в большей степени способствует искоренению насилия в отношении женщин и которое может содержаться в законодательстве государства или в какой-либо международной конвенции, договоре или ином документе, имеющих силу в государстве.

---

[1] Всеобщая декларация прав человека, статья 3; и Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 6.
[2] Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 26.
[3] Всеобщая декларация прав человека, статья 3; и Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 9.
[4] Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 26.
[5] Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 26.
[6] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 12.
[7] Всеобщая декларация прав человека, статья 23; и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статьи 6 и 7.
[8] Всеобщая декларация прав человека, статья 5; Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 7; и Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания.